

ГАЛЬРАДСКИЙ ЯСТРОЕБЪ

СЕРГЕЙ БОГАТКОВ

Дьюку и Камилле с детства суждено быть вместе. Но судьба распорядилась иначе. Нападение североземцев на провинцию заставило их бежать из родной деревни и разделиться. Каждый пошел своим путем и учился выживать по-своему. Они встретятся вновь, в замке Браго — самом безопасном политическом центре на континенте. На престол вот-вот должна вступить юная наследница. Враг с севера уже давно не тревожит, кровавые события остались позади.

Но затишье не просто так. Враг выжидает. Среди своих есть предатель, цель которого — убить наследницу. И самое безопасное место превращается в поле битвы, от исхода которой зависит будущее всего государства.

Благословлённые #1. Гальрадский ястреб

Глава 1. Метатель ножей

Тремя годами ранее

На небе ярко светило солнце, когда труппа бродячих артистов в составе четырех человек и одной старой лошади, направились по узенькой тропе через густой лес западной провинции. Их целью было добраться до близлежащей деревушки уже к вечеру, переночевать и поутру выступить на центральной площади. Устраивать спектакли для толпы зевак стало обычным делом и временами весьма прибыльным. Выступая, всегда можно было прокормиться. Жители деревень жили не слишком богато. Развлечений практически не было и выступление артистов являлось для них хоть каким-то разнообразием.

Когда-то в поисках лучшей доли из одной похожей деревушки ещё мальчишкой ушел Кель, считая, что судьба уготовила нечто большее, чем всю жизнь сеять и собирать, продавая урожай за гроши. Его отец с самого утра работал в поле возле дома, пахал землю, сеял семена и собирал урожай. Кель начал помогать уже с восьми лет, привыкая к тяжелому труду. У мамы было и того больше забот — помимо помощи в поле, она заботилась о сыне и вела хозяйство. Их семья жила в большом доме наравне с другими семьями земледельцев, сеятелей, пахарей и пастухов.

В пятнадцать лет, гуляя в одиночку по лесу, Кель забрел на незнакомую поляну и натолкнулся на мертвеца. Это был воин в форме неизвестного ордена с синими нашивками, вооруженный метательными ножами. Кель решил, что это знак из Саамира от предков. Он забрал ножи и начал учиться метанию. Это оказалось не так сложно. Деревья в лесу представляли хорошую мишень, а про тайное место тренировок — солнечную поляну, расположенную довольно далеко от дома, не знала ни одна живая душа.

— Надеюсь, никто не забыл, что делать, если натолкнемся на вояк из ордена? — громко спросил Гальзар, старший в труппе.

Сиара решила высказаться, не смотря на то, что не любила много говорить:

— Вряд ли они будут ходить этими дорогами, но я все помню. А ты, Кель?

— Тоже, — коротко отозвался тот.

— Говорить, в случае чего, буду я, — все же решил напомнить Гальзар. — Но будьте наготове. Сиара, ты присматриваешь за девкой, глаз с неё не спускай.

— Как прикажете, капитан, — с язвительными нотками отозвалась Сиара.

Ей не нравилось, что Гальзар постоянно командует. Но выбора особо не было. Останешься сиротой и начнешь голодать множество ночей подряд — сразу захочется зацепиться за любую возможность подработать, а заодно и быть вместе с кем-то. Жизнь сильно потрепала эту женщину: несмотря на довольно молодой возраст, во рту изрядно не хватало зубов, тело исхудало, сломанный нос выглядел неестественно кривым, а засаленные волосы растрепались. Мало сказать, что Кель её терпеть не мог. Но после того, как северная провинция пострадала от нападения североземцев, многие остались одинокими. Сиаре не повезло: она потеряла всю родню. И будучи взрослой, не знала куда податься. А путешествовать в лесах Гальрада в одиночку представляло из себя опасное занятие.

А вот Гальзару последнее время было на ком срывать злость: в их компании недавно стало на человека больше.

Кель переключил внимание на девушку, одетую в потрёпанную рубаху, не по размеру

большие старые штаны и дырявый плащ. Выглядела она довольно взрослой, по крайней мере на вид лет двадцати. Одежда скрывала следы многочисленных шрамов, оставленных Гальзаром. Кель знал, что хоть это и был ещё один рот, пользы от девчонки все же было больше, чем затрат. Она выполняла всю грязную работу: ухаживала за лошадью, мыла посуду, стирала, готовила и могла принимать роль подопытного в выступлениях по метанию ножей. Никто не знал, откуда она, но Гальзар быстро прибрал девку к рукам прямо на лесной дороге. Силой заставил отправиться с трупой, работать, давал минимум пропитания, а ночью приковывал к старой телеге, чтобы не сбежала. И поначалу каждый вечер избивал бедную кнутом, приказывая молчать днем и ночью. Через несколько дней она вовсе перестала говорить, смирившись с болью и унижением. Зато с уверенностью можно сказать, что, если кто и будет спрашивать, кто такие и откуда пришли, девчонка ничего не скажет. Казалось, ей уже было плевать. Со временем Кель привык, что она постоянно молчит, и никогда не испытывал к ней неприязни. Он даже не знал её имени. Лишь то, что она зачем-то направлялась в Саргос — столицу Гальрада.

Зато теперь он мог исполнять смертельный номер метания ножей на радость восторженной толпы. Подобные трюки собирали множество зрителей. Он всегда уверен в себе, зная, что не промахнется, хотя однажды слегка поцарапал кожу на руке Сиары во время выступления, после чего та наотрез отказалась подставляться. Гальзар, очевидно, рассчитывал, что теперь более молодая и красивая жертва соберет гораздо большую толпу, а значит и больше денег. И если даже Кель её ранит, что с того? Девчонка за короткий срок смирилась с жизнью пленницы Гальзара, а хуже этого придумать уже нельзя. Наверняка у неё не было родственников и того, кто мог бы позаботиться, а значит, и деваться ей некуда. Иначе кто в здравом уме отпустил бы девчонку в опасное путешествие одну, через лес?

Поговаривали, что орден Палеонесской розы уже длительное время загнивал. Некогда могущественное общество, подчиняющееся управителю центральной провинции, последние полгода приобретало дурную славу. Большинство вояк, кто самовольно уходил со службы, становились бандитами, убийцами, вышибалами в корчмах или наемниками за деньги. Люди дезертировали из ордена и объединялись в общины, чтобы зарабатывать, подлавливая и грабя путешественников между крупными городами торговцев или того хуже — устраивать набеги на мелкие селения. За последнее время множество таких общин успело разбрестись по всем трем провинциям Гальрада. А татуировка ордена, которую наносили всем, поголовно вступившим в ряды розы, стала их отличительным знаком. И если суждено по судьбе натолкнуться на подобную общину, можно было сразу взывать к мольбам святого Маледона, ибо подобная встреча могла быть равносильна смерти. Уже никто не контролировал орден Розы, финансируемый центральной провинцией, и они нагло воровали деньги из казны.

Однажды и труппа Гальзара натолкнулась на подобную небольшую общину, но стычки не произошло — силы были равны, и все разошлись мирно. Гальзар умел обращаться с мечом, да и выглядел внушительным, сильным соперником. А Кель некоторое время служил в мелком ордене, не имеющем больших перспектив. Он не остался там надолго, получив отворот за многократное несоблюдение дисциплины. Келя это не сильно огорчило. Сколько он себя помнил, никто и никогда не воспринимал его в серьез.

Он и сам уже не знал, в какой момент осознал, что устал искать лучшую жизнь. Верно после того, как его, двадцатилетнего, не взяли в самый могущественный орден западной провинции, подчиняющийся непосредственно её управителю — орден Нефритовой зари.

Сейчас бы Кель стоял на границе северной провинции в заставе, охранял государство от возможной угрозы со стороны севера и не знал бы проблем. А теперь вынужден таскаться по лесам Гальрада с опротивевшими людьми, чтобы заработать на хлеб, развлекая деревенскую толпу...

— Впереди кто-то идет, — подала голос Сиара, покрепче схватив девчонку за руку.

— Вижу, — спокойно отозвался Гальзар.

Кель заметил, как им на встречу шел одинокий человек, лицо которого скрывал капюшон широкого дорожного плаща. По мере приближения стало хорошо видно рукоять меча, торчащего из-под него. Пока Кель рассматривал незнакомца и пытался понять, откуда он и куда направляется, тот уже сблизился с трупной, и, казалось бы, собирался пройти мимо. Но неожиданно остановился.

— Доброго дня, путники.

— Доброго, — коротко отозвался Гальзар.

Незнакомец не мешал движению лошади, но Гальзар все же остановился, решив получше его рассмотреть. Судя по голосу, седой бороде и одежде, это был обычный деревенский старик. Который, воспользовавшись заминкой, излишне вежливо спросил:

— Прошу простить за любопытство, вы ведь направляетесь на выступление? А то наши местные уже заждались вас в нашем скромном селении.

— Все верно. И вы приходите на выступление.

— Благодарю, — холодно отозвался незнакомец. — Обязательно приду, вот только кое-какие дела улажу.

Кель забеспокоился, решив, что что-то не так, а чутье редко его подводило. Куда же местный житель шел в одиночку по лесу? Возможно, это ловушка? Кель начал внимательно осматриваться по сторонам, вглядываясь в чащу леса. Бандитские общины могли легко устроить засаду, затаившись где-то в кустах. К тому же любопытство встретившегося им человека было неспроста, он мог отвлекать внимание, подмечая, насколько трупна хорошо вооружена. Вглядываясь в лесную чащу, Келя внезапно передернуло, когда старик в дорожном плаще обратился к нему:

— Можете не искать, здесь нет никого, кроме нас.

— Нам пора, — Гальзар обратился к трупне и собирался пойти дальше.

Старик внезапно встал посреди дороги, перекрыв движение.

— Вы ведь, Гальзар, не правда ли?

— Вы ошибаетесь, — ответил старший в трупне.

— Боюсь, что не ошибаюсь.

Незнакомец быстрым движением вытащил меч из ножен, одновременно прорезая тело превосходящего по масштабам Гальзара. Все произошло совершенно внезапно. Сиара закричала, что было силы, схватилась руками за голову, и отпустила девчонку. Кель очень быстро схватился за ножи на поясе и спрятал руку за спиной. Есть шанс, что если враг не увидит нож, то и не успеет среагировать на молниеносный бросок.

А незнакомец тем временем спокойно приблизился к кричащей Сиаре, от ужаса попятившейся назад. Дальше отступать было некуда — она уперлась спиной в повозку, чуть не потеряв равновесие, а затем в её горло бесшумно вонзилось лезвие меча, принесшее мучительную смерть.

Кель почувствовал, как тело пробила мелкая дрожь. Страх пытался сковать все тело. Незнакомец действовал спокойно и неспешно, как будто делает что-то совершенно

обыденное, и это пугало больше всего. Почему же все это происходит? Может, Гальзар сделал что-то плохое, когда пару дней назад они остановились в таверне на ночлег? Ночью он куда-то уходил по делам, вернувшись изрядно выпившим.

Кель собрался. Он знал, что была всего одна попытка, пока враг не понял, что перед ним метатель ножей. А затем столкнулся глазами с незнакомцем, снявшим, наконец, капюшон. Человек походил на обычного сельского работягу из низшего сословия. Ничто не выдавало жестокость, умение сражаться, убивать. Ни одежда, ни манеры, ни внешний вид. Это был обычный старик с длинными седыми волосами и исхудавшим лицом. Только на мече красовался знак отличия какого-то ордена, который не удалось разглядеть.

«Кто же ты, старик?», — немой вопрос так и не сорвался с губ Кея. И выбрав момент для атаки, он со всей своей возможной скоростью замахнулся и кинул нож, целясь точно в лицо незнакомцу. Нож летел прямо и ровно, как было задумано по четкой траектории. Незнакомец будто предвидел это и закрыл лицо мечем, отмахнувшись от ножа словно от мелкого камушка.

— Беги! — Крикнул Кель девчонке во все горло, но она даже не шелохнулась. — Беги, дура! Спасайся!

Старик быстро приблизился к Келю, не дав ему второй попытки, и еле уловимым движением повалил на землю.

Предвестник... Кель только сейчас понял, что старик предвидел атаку, чувствуя намерение противника. Этому дару нужно обучаться долгие годы, чтобы вот так, в битве, использовать для защиты. В Гальраде нет учителей, способных подобному научить. Наверняка, старик — опытный воин, имеющий звание капитана, не меньше. Но какого ордена?

— Простите, говорили, что вас будет трое, — все в той же вежливой манере сказал незнакомец. — А не четверо.

Кель увидел, что девчонка все ещё стояла и смотрела во все со стороны, совершенно пустым взглядом. Наверное, ей было все равно, что произойдет. После встречи с теперь уже мертвым Гальзаром девочка забыла, что такое инстинкт самосохранения. Неужели, она примет свою смерть вот так, просто безмолвно стоя на одном месте?

Враг замахнулся мечом для последнего удара, целясь то ли в лицо, то ли в горло. И Кель разглядел на запястье врага татуировку: цветок розы, стебель которой неестественно обвивает лезвие кинжала. В этот момент все стало на свои места. Сам себя не узнавая, он взмолился:

— Стой! Не убивай, прошу тебя!

— Я просто исправляю ошибку, — ответил старик. — Таковую, как ваши жизни.

«Моя жизнь — не ошибка» — Кель успел подумать только это, прежде чем лезвие меча медленно пронзило гортань. И метатель ножей, стремившийся к величию, обрел покой.

Глава 2. Добрые соседи

Оказавшись в небогатой с виду харчевне с парой местных посетителей, старик скромно заказал хлеб и пиво. Это было питейное заведение, каких на просторах западной провинции множество. На стенах в некоторых местах отваливалась шпукатурка, старые столы и скамьи располагались близко друг к другу. На стенах рядом с узкими окнами висели дешевые фонари. Под вечер сюда заходили толпы мужчин из поселения, проводя вечера за разговорами и выпивкой, а при наступлении темноты зажигались свечи в лампах и в помещении наступал полумрак. Хозяин приказывал работать до последнего клиента, а если назревала драка, вышибала всегда был наготове.

Девушке, сидевшей напротив, хотелось есть. После происшествия на дороге она единственная, кто остался жив из всей бродячей труппы.

— Тебя как звать-то? — обратился к ней старик. — Меня — Велимир.

Она ничего не ответила, лишь безразлично посмотрев на него. Из-под рукавов рубашки виднелись синяки и царапины. Она не боялась старика, несмотря на то, что он на её глазах зарезал тех, с кем она путешествовала долгое время. Эти люди не были родственниками или друзьями. Они никто.

Молодая миловидная прислуга принесла заказ Велимира и, взяв плату, удалилась. Старик отломил себе хлеба и почувствовал пристальный взгляд спутницы.

— Хочешь поесть? — догадался он и любезно подвинул ей хлеб.

Девушка посмотрела на него с некоторым сомнением, потом на еду, молча спрашивая разрешения. А затем взяла хлеб и начала быстро есть. Он был грубым, но вкусным. Недоедание давало о себе знать.

— Ну, ладно, — решил он. — Если имя мне своё не хочешь говорить, то и не надо.

Девушка пропустила слова мимо ушей и продолжала уплетать хлеб. Он, откусив ломтик хлеба и запив, подумал о чем-то своем.

— Пойдешь со мной? — неожиданно спросил старик. — Я живу в здешних лесах, придется сильно углубиться в чащу. А там и расскажешь, куда тебя девать. Ты же не немая? Видел таких. Кто не может говорить, всегда хоть как-то объясняется знаками, на пальцах.

На этот раз девушка посмотрела в глаза своему спутнику, но быстро отвела взгляд. Она порывалась сказать, что пойдет, но не смогла. Старик доел свой хлеб, выпил пиво и собрался в дорогу.

— Ладно, пойдем, — подытожил Велимир.

Девушка молча последовала за стариком прочь из таверны. По протоптанным широким тропам и дорогам, на которых встречались люди, затем дальше, углубляясь в чащу незнакомого леса. Она шла позади, и старик не спешил, периодически оглядываясь, чтобы проверить не отстала ли.

Наконец, они вышли на большую поляну. Длинные полуразрушенные бараки, поляна, на которой тренировались молодые ребята с мечами, мишени для лука, загон с лошадьми. Из здания вышло несколько вооруженных человек, одетых в простую, походную одежду. Девушка остановилась, боясь идти дальше. Она не знала, куда заведет очередная дорога, но добра в последнее время ждать не приходилось.

— Не бойся, никто не обидит, — успокоил старик. — Пойдем.

Велимир не медля пошел в бараки. Девушка, стараясь не отставать, мельком увидела

длинный коридор и множество дверей в спальне комнаты. Старик сразу завернул на второй этаж и постучался в первую дверь. Тихий женский голос разрешил войти.

Они вошли в довольно уютную комнату. Две аккуратно застеленные кровати, старенький комод, в углу веник и швабра, на подоконнике чистые тряпки. Из окна открывался красивый вид на деревья. Женщина лет тридцати на вид, в синем платье в цветочек и потрепанном фартуке, с длинными волосами, сплетёнными в косу, скромно поприветствовала вошедших кивком головы.

— Мирина, как идут дела? — бодро спросил старик.

— Доброго дня, господин, все хорошо, — скромно ответила она. — А кто это с вами?

Велимир чуть подвинулся, чтобы показать Мирине свою спутницу и, выдохнув, произнес:

— Вот, волей судеб пересеклись на одной из дорог. Её зовут...

— Я... Камилла.

Слова с трудом вырвались из уст девушки. В комнате наступила тишина. Мирина встала как вкопанная, не понимая в чем дело, а удивление старика сменилось неожиданной радостью:

— Хвала Святому Малеону! Я уж боялся, ты не заговоришь!

— Простите, — тихо ответила Камилла. — Простите меня.

Недолго думая, Велимир велел женщине отправиться за лекарствами, а также приготовить все необходимое для мытья. А когда Мирина ушла, и они остались одни, Камилла аккуратно села на край кровати. Стоять уже не было сил и, казалось, только сейчас тело заныло от ран и усталости.

— Что стряслось с тобой, девочка? — поинтересовался, наконец, старик. — Можешь рассказать?

— Я...

Слова по-прежнему давались тяжело. Одно время, казалось, будто говорить больше не придется никогда, настолько безнадежной была ситуация. Собравшись с силами, она негромко сказала:

— Те люди случайно встретились на пути, прямо как вы. Меня схватили. Самый старший — Гальзар, вечерами сильно бил плетью, постоянно повторяя... я должна молчать, притвориться немой. Видимо, чтобы не проболталась, что путешествую против собственной воли.

— И ты не могла сбежать от них?

Камилла отрицательно покачала головой:

— Ночью меня приковывали к телеге, и я спала на земле, а днем не сводили глаз. Они отобрали все, что было из еды и воды, а затем мы вышли в незнакомые места. Я не знала даже, куда бежать и где искать помощи, если бы и была возможность. Думала, мы дойдем до первой деревни и там я найду помощь, но...

В комнату постучалась Мирина с белым застиранным полотенцем и сообщила, что все готово. Велимир велел ей позаботиться о Камилле, проводить и по необходимости помочь хорошенько искупаться. Нужно смыть всю грязь с тела, прежде чем обрабатывать раны. Камилла не рассчитывала на такое гостеприимство, но отказов он не принимал. Мирина принялась исполнять указание и повела девушку в конец длинного корпуса на первый этаж. Кажется, она радовалась женскому обществу.

В отдельной комнатке в конце коридора стояла большая деревянная бадья,

отгороженная занавесом от посторонних глаз. На полке лежали несколько масел в бутылках и маленький кусочек мыла.

— Не стесняйся, никто не потревожит, — поддержала Мирина.

— Мы находимся в каком-то военном лагере? — попыталась выведать Камилла.

Мирина скромно отвела взгляд, прежде чем ответить:

— Господин Велимир всегда говорит: «Больше дела и меньше болтовни». Я оставлю тут пару полотенец и выйду за дверь, а ты как закончишь — зови.

Мирина быстро вышла, закрыв за собой дверь. Делать было нечего — Камилла неторопливо разделась и уселась в бадью, ощущая кожей теплую воду. Все тело предательски заныло, напоминая о ранах и усталости. Камилла открыла одну из бутылей с маслом и почувствовала легкий аромат цветов.

В детстве она жила в доме с другими семьями простолюдинов и о такой роскоши не смела и мечтать. Спать, готовить и принимать пищу приходилось вместе с другими семьями, а в комнату для мытья собиралась очередь по вечерам. Мыться требовалось быстро, чтобы не задерживать остальных. Ни о каком приятном времяпрепровождении в одиночестве не было и речи. Она всегда по-доброму завидовала Дьюку, у которого был собственный дом и земля, где он комфортно жил вместе с родителями.

Вздыхнув, она впервые за долгое время позволила себе расслабиться. И взглянув на руки, поняла, что не может унять мелкую дрожь в кистях.

Глава 3. Закрытое общество

Мирина с заботой и осторожностью обработала раны Камиллы по всему телу, а затем предложила выбрать одежду из своего небольшого гардероба. Камилла потянулась к одному из пестрых платьев с желтыми кружевами, но затем все же взяла штаны и рубаху. В этой одежде девушка чувствовала себя гораздо привычнее.

Велимир уже сидел и ждал её в просторных покоях на втором этаже, где всё выглядело уютно и богато. На стенах висели красно-белые щиты, в углу маленький камин и стопка дров, посередине — большой письменный стол. В углу комнаты, возле окна, две небольшие застеленные кровати. Старик сидел за столом и пил вино из красивого серебряного кубка. При виде Камиллы он улыбнулся, отвлекшись от чтения каких-то бумаг.

— Выглядишь гораздо лучше, присаживайся.

Камилла села напротив и посмотрела на того, с кем волей судеб пересеклась на одной из дорог. Он и сам переоделся в одежду попроще, снял оружие и сплел сзади седые волосы, надел пояс поверх длинной рубахи.

— Позволь узнать, куда ты направлялась, когда повстречала тех людей?

— Я направлялась в Саргос, — ответила Камилла.

Велимир чуть отпил из кубка и задумчиво произнес:

— В таком случае надо будет подобрать для тебя пару ответственных ребят в сопровождение и собрать провизию побольше. И ещё стоит взять лошадей. Путь туда совсем не близкий, свернув с восточного тракта, мы только удалились от центральной провинции.

— Вы, правда, это сделаете? — с удивлением спросила Камилла. — Я благодарна за все, ведь... и так очень много уже сделали.

— Не стоит беспокоиться, — спокойно и с легкой иронией в голосе ответил он. — Если уйдешь одна и погибнешь там, получится, что Мирина зря тебя отмывала. На дорогах Гальрада в последнее время небезопасно. Бандитские общины развелись, служители продажных орденов. В некоторых местах просто так не прогуляешься, тем более без блуждающего.

— Выходит, вы здесь самый главный? — поинтересовалась Камилла.

— О нет, я лишь скромный помощник.

Затем он наклонился чуть ближе и заглянул девушке в глаза, будто смотря в самую её душу.

— Прости любопытство старика, но зачем тебе в столицу? Там ждет кто-то из родни?

Камилла опустила глаза. Стыдно было признаться, что там никто не ждал. После спасения от североземцев, она долгое время спала на земле и почти ничего не ела. Добравшись до большого селения, просила о помощи, но никто и слушать не хотел. Два года назад ей повезло забрести в один небогатый постоялый двор и попроситься на ночлег. Денег при себе не было, но пожилая хозяйка поинтересовалась, что случилось и, выслушав девушку, предоставила кров и еду. В обмен на работу, разумеется. Ночью Камилла спала в одной из комнат, а днем занималась гостями и уборкой помещений. Она прожила на постоялом дворе несколько зим, и казалось, что так теперь будет всегда. Но судьба распорядилась иначе. Старушка умерла, а её родственники быстро прибрали к рукам постоялый двор, выставив Камиллу на улицу. Ей посоветовали отправиться в Саргос и попытаться найти работу там.

— В Саргосе меня никто не ждет, — тихо ответила она. — Я шла в надежде освоиться и найти своё место.

— Эх, знаем мы таких, кто пытался, — ответил старик, будто подтверждая свою догадку. — Говорили, делать там нечего. В столице одни зажавшиеся вельможи, даже в подмастерье к кому-то пристроиться шансов мало. А я думаю вот что: хочешь остаться здесь, с нами?

— С вами? — переспросила Камилла с волнением в голосе.

— Именно. Мирина уже давно просила помощницу, да и скучно ей, поди, одной-то в мужском обществе. Будешь ей помогать? Жалования, к сожалению, обещать не могу, зато взамен получишь жилье, пищу, одежду. И вещи, какие требуются, по необходимости.

— Я согласна! — быстро выпалила девушка.

— Особого выбора у тебя нет, — с пониманием сказал Велимир. — Но в столицу сможешь уйти в любой момент, если у нас не понравится. Только, ты... готовить, убираться, стирать умеешь?

— Да, я все умею, господин!

Велимир откинулся назад на стуле и уставился в потолок, устало вздохнув.

— Значит, решено. Только ради всех Святых не надо меня так называть. Зови просто Велимиром.

Камилла поселилась на втором этаже в одной комнате с Мириной.

И поначалу чувствовала себя не в своей тарелке, ловила чужие взгляды незнакомых мужчин, мало ела и плохо спала. Мирина не привыкла много болтать, а Велимир часто удалялся по своим делам. Возле деревянных барачков, судя по всему, давно кем-то заброшенных, простиралась небольшая, но уютная поляна. В некоторых местах не хватало кусков крыши, в стенах имелось несколько небольших проплешин. Но люди спокойно уживались на двух этажах. В комнатах проживало по три-четыре человека, за исключением покоев Камиллы и Мирины — единственных девушек. В большом подвальном помещении хранилось оружие, инвентарь для обработки земли и кузня. А на первом этаже в правом крыле здания располагался небольшой, но просторный зал для пиршеств с двумя длинными столами. Всего Камилла насчитала около тридцати мужчин, в основном молодых, большинство из которых были воинами и умели управляться с оружием.

Вдали от посторонних глаз люди жили свободно и сами себя обеспечивали. Был и свой кузнец-оружейник, и небольшой курятник, и маленький загон для лошадей. Почти в каждой комнате стояли кровати, сундуки и шкафы для одежды, в некоторых располагались каминны. На первом этаже вдоль стены висело несколько довольно своеобразных картин. На первой молодая девушка в белых одеяниях возле костра среди бесконечных снежных пустошей выглядела необычно. Вторая была жуткой: непонятное существо, отдаленно напоминающее человека, стояло в полумраке за железной клеткой. Кто бы ни был художник, рисовал он красиво, но мрачно.

На обширную площадку перед бараками каждое утро выходили люди и оттачивали навыки владения оружием.

Спустя несколько дней, из города вернулся основатель общины. Камилла сразу же его запомнила. Высокий рост, короткая борода, волосы до плеч, крепкое телосложение и спокойная, уверенная походка. Периодически он ходил раздавал распоряжения всем вокруг и следил, кто чем занимается. Иногда по полдня сидел в своих покоях, иногда пил вино в

одиноким в общей столовой. И на всех смотрел хмуро, безрадостно. Камилла решила с этим человеком лишней раз не сталкиваться и спокойно занималась своей работой. Но в один момент она все же столкнулась с ним на поляне.

— У нашей Мирины появилась помощница, — сказал он при первой встрече. — Моё имя Дориан. Я глава этой общины, так что хорошенько меня запомни. Как тебя зовут?

— Камилла, господин.

В голосе управителя звучали нотки презрения.

— Ну и что означает твое имя на языке древних? — спросил он.

— Я не знаю.

— Впервые вижу человека, который не знает, что означает его имя. Впрочем, и человека с таким именем вижу впервые.

Камилла не нашла что ответить. Один его пронзающий взгляд заставлял цепенеть. Дориан воспользовался молчанием, чтобы предупредить:

— Не смей отлынивать от работы, раз осталась с нами. Я спрошу у Мирины, как ты справляешься. А если что понадобится из города или кто-то вздумает обижать, сообщи мне, поняла?

— Да, господин.

Благо, с господином Дорианом Камилла пересекалась редко, а если и пересекалась, в здании или на поляне, всегда занималась своим делом, делая вид, что ничего вокруг не замечает. Иногда, когда он проходил мимо, отчетливо чувствовала на себе надменный взгляд.

Дни начали пролетать быстрее, когда Камилла взяла на себя часть обязанностей Мирины и полностью включилась в дело. От этого на душе стало легче. Было чем заняться, и в голову перестали лезть тревожные мысли. Она почувствовала, что становится частью общины, начала постепенно запоминать лица и имена других людей. До этого Мирина была единственной девушкой в общине, которая, по мере сил, занималась приготовлением пищи, уборкой помещений и мытьем посуды. В помощь ей всегда выступали несколько ребят, меняющиеся по графику каждый день. Теперь Камилла исправно во всем помогала, и Мирина осталась довольна новой помощницей и тем, как она работает.

Велимир, иногда пересекаясь с Камиллой, вежливо интересовался, все ли в порядке, спрашивал, не нужно ли чего.

Дни шли один за другим, близилась зима. Зимой выжить тяжелее, готовиться следовало основательно, и Камилла это знала. Однако господин Дориан неплохо распоряжался людьми, следя за тем, как вырубает окрестный лес на дрова, собирают последние посевы на заднем дворе, добывают глину для утепления барачков. Несколько ребят вместе со стариком Велимиром решили отремонтировать крышу. Здесь каждый занимался своим делом.

В детстве Камиллы несколько деревень, объединившихся в коммуны, каждый сезон устраивали сходы старост, чтобы решить, когда начинать сеять, на каких полях и что именно. Родители пару раз брали Камиллу на эти сходы, и там часто звучала ругань и споры. Старосты не могли сразу решить, казалось бы, простые вопросы. Камилла наблюдала и не могла понять, почему люди не способны прийти к единому мнению.

Она спрашивала у родителей. Но те только и делали, что учили не выделяться, не мечтать о великом и быть как все. Приучаться к изнурительному и кропотливому труду на

всю оставшуюся жизнь. Выгодно выйти замуж, если повезет. Камилла в тайне желала отправиться на поиски лучшей жизни, но родители знали её бунтарские порывы и строго пресекали любые намеки на подобное. Покинуть коммуну было нетрудно, вот только место в огромном чужом мире могло так не найтись.

В общине Дориана все друг друга хорошо знали. Люди принимали пищу за одним столом, обсуждали грядущие дни, новости из столицы, политику. Несколько раз в неделю, по вечерам, двое обученных грамоте ребят организовывали занятия по чтению и письму, на которые постоянно ходили около десяти человек. Камилла тоже попросилась туда, и её приняли без лишних вопросов.

Однажды она вышла прогуляться на свежем воздухе, отдохнуть от уборки и нос к носу столкнулась с Велимиром. Он узнал, что у неё есть немного свободного времени и предложил прогуляться вдоль окрестного леса. Хоть они и периодически сталкивались в коридорах и на улице, поговорить спокойно толком не было времени. Старик сразу же поинтересовался:

— Как твои дела? Ладишь с Мириной?

— Да, всё хорошо.

— А как тебе вообще с нами? Живется лучше, чем раньше?

Камилла в ответ только лишь вздохнула. Ей не хотелось вспоминать.

— Прости, наверное, скучаешь по дому? — догадался старик. — Не стоило об этом спрашивать.

— Нет, все хорошо, правда, — честно ответила Камилла. — Хотя, вы ведь не об этом хотели поговорить?

Велимир усмехнулся:

— А ты проницательна. Да, не об этом. Вот все хочу спросить: думала ли ты когда-нибудь о том, чтобы научиться противостоять этому миру? Ты видела смерть и, насколько я помню, потеряла самых близких людей. И тебя несправедливо лишали свободы. Но ты все ещё жива, а жизнь — самое ценное, что у тебя есть.

Камилла задумалась и посмотрела под ноги, на опавшие осенние листья. Они медленно шли по лесу вдоль поляны по знакомой ей протоптанной тропе.

— Я не совсем понимаю.

— Просто хочу сказать, что тебе стоит научиться себя защищать.

Велимира в общине уважали как опытного воина и бывшего капитана одного из орденов. Иногда, проснувшись рано утром, Камилла наблюдала из окна, как он тренировал ребят на поляне владению холодным оружием. Старик постоянно объяснял и подсказывал как надо, когда кто-то делал неправильно. Но Камилле даже в голову не приходило напроситься к нему в ученики.

— Я думал, ты сама попросишь меня об этом, — признался Велимир. — Наводить порядок и готовить тоже дело благородное, лишь бы быть на своем месте, но неужели ты считаешь, что все всегда будет так, как сейчас? Или все-таки, после всего, что произошло, стоит научиться противостоять подобным тем, что повстречались тебе по дороге в Саргос?

Ежедневная работа помогала не вспоминать о страданиях, причиненных Гальзаром и его трупной. Но от воспоминаний не убежать. Камилла собрала с силами и ответила правду:

— Я никогда себя об этом не спрашивала.

Велимир остановился и посмотрел на девушку.

— Так спроси.

Глава 4. Время жатвы

В детстве Камилле и другим детям рассказывали историю одной деревушки на окраине северной провинции. В это гиблое место соваться не желал ни один путешественник. Она существовала сама по себе, как маленькое государство в достатке и благополучии. Но в один из неурожайных годов практически вся погибла от голода. Вот почему коммуна, объединение деревень, в жизни любого простолюдина всегда была крайне важна. А изгнание являлось практически смертным приговором.

Государство объединяло три провинции и в каждой правил свой управитель. Это были люди из древних родов, годами удерживающие себя на верхушке пирамиды власти благодаря деньгам, влиянию, коварству и передающемуся наследию. По крайней мере Камилле рассказывали именно так. Их потомки заполучили власть, влияние в государстве и держались за своё наследие так же крепко, как рабочий держался за плодородную землю, дающую пропитание и саму жизнь. Каждый такой род обладал собственными землями, замками, финансировал орден, который защищал их интересы. И каждые три года избирался император Гальрада.

На большую часть жизни Камиллы пришлось правление рода Рокстерли, продержавшихся у власти двенадцать лет. После нападения североземцев на её родную провинцию не только государство пострадало от оставленных врагом последствий, но и Рокстерли пришлось уступить власть. Императором стал управитель западной провинции Харольд Уокден первый, сохранивший своё правление до сих пор. Он укрепил позиции Гальрада на границе севера воинами своего ордена. Старушка, приютившая когда-то Камиллу, говорила, что это самый крупный орден в государстве — орден Нефритовой зари.

Только таким, как Камилла, было по большому счету всё равно, кто стоит у власти. Хороший император или плохой, для простолюдинов в жизни мало что менялось. Лишь бы в час нужды управитель защитил людей от врага, будь то варварское племя, болезнь или даже голод.

Камилла проснулась рано утром и вышла в назначенный час на тренировочную поляну возле барака, где уже ждал Велимир. Её не беспокоили ранние подъемы. Родители с детства приучили вставать с восходом солнца, на пахоту.

Несколько молодых ребят тренировались на поляне, сражаясь деревянными мечами. А старик захватив лук и колчан стрел, позвал к условной отметке на земле, с которой обычно стреляли в мишень. Велимир протянул лук и одну стрелу.

— Я раньше никогда не стреляла, — призналась Камилла.

Старик лишь пожал плечами.

— Всё когда-то бывает впервые. Ты уже видела, как это делают. Просто попробуй, хочу для начала посмотреть, что у тебя вообще получится.

После нескольких попыток Камилла насадила стрелу на тетиву и посмотрела на мишень. А затем, нацелившись, попыталась натянуть лук, но он оказался слишком тугим, и стрела сама сорвалась, не долетев до мишени пяти шагов. Ей-то в детстве казалось, что не нужно прикладывать силу и вся сложность состоит только в прицеливании. Велимир подавал стрелы, попутно объясняя как надо держать лук, как встать и как правильно натягивать тетиву. Только с пятого раза у неё получилось достать стрелой до мишени, задев

её боковину.

Затем Велимир повел потренироваться на деревянных мечях. Двое парней уступили, оставив девушку со стариком вдвоем на поляне. Их бой под конец выглядел скорее, как ребячество, а не тренировка. Они сильно увлеклись и пустились в беспорядочный град ударов. Верно, поэтому старик взглянул на ребят неодобрительно, прежде чем они отправились по своим делам.

— Тренировочный меч ты тоже в руках не держала? — догадался Велимир.

Они встали друг напротив друга, будто готовясь драться по-настоящему.

— Да, но вообще-то в детстве я сражалась на палках с мальчишками. Не по-настоящему, конечно, — возразила Камилла и довольно больно получила от Велимира по руке, выронив меч.

От неожиданности она даже вскрикнула.

— Наверное, ты часто им проигрывала, — усмехнулся он.

— А вот и нет! И вообще, не честно бить без предупреждения.

Перед глазами девушки всплыло воспоминание, как старик без предупреждения атаковал её пленителя, Гальзара, одним ударом нанеся смертельное ранение. Внутри её передернуло. А Велимир предупредил:

— В настоящем бою никто не будет предупреждать. А теперь подними меч.

Родители не запрещали играть с мальчиками в сражения на палках. Отчасти потому, что в основном она занималась этим с Дьюком. Отец как-то сказал, что не только войны должны сражаться. Война всегда будет неотъемлемой частью жизни любого человека, лорда, богача или простолюдина. И даже в мирное время люди противостоят демонам, возникновение которых может принести последствия страшнее войны. Болезни, голод, неурожай могли настичь в любой момент. Необходимо проявить не меньшую стойкость, чем воин, идущий на сражение в когорте солдат. Но Камилла не воспринимала эти слова всерьез. В те дни она была, пожалуй, слишком легкомысленна, поскольку всегда верила, что в случае беды можно будет полагаться на родителей и на коммуну. И вспомнила об этих словах только сейчас.

Но, Велимира, казалось, победить было попросту невозможно.

В первый день Камилла измоталась, но попросила Велимира тренировать каждый день. Просыпаясь поутру, Камилла заставляла себя пробегать несколько кругов по полю, затем отжиматься. Только после этого отрабатывать основные движения мечом по многу раз. Затем — стрельба из лука. Велимир не разрешал подходить ближе двадцати шагов, да и во время боя на мечях девушке, бывало, доставалось. Иногда возникало желание кинуться на старика для ответного удара, но эмоциональные резкие нападki никогда не достигали цели и, казалось, были очень предсказуемы. Он терпеливо повторял, как правильно держать лук, как натягивать тетиву, поправлял, если видел ошибку при атаке и защите мечом. И был довольно строг во время тренировок. Иногда оставлял её на поляне одну оттачивать движения ударов, а сам уходил по своим делам. В одиночку долго отрабатывать удары не хватало терпения. Без Велимира ей становилось скучно. Когда он не наблюдал, пропадала дисциплина. И казалось, что со стороны она выглядит глупо.

Каждое утро они выходили на поляну, а вместе с ними ещё несколько ребят. Пока остальные спали, они тренировались и отрабатывали движения на разных видах оружия. Иногда объединялись вместе, и так было веселее. Велимир наблюдал за всеми и следил, чтобы никто не отвлекался на пустую болтовню. Со временем Камилла привыкла каждое

утро видеть одни и те же лица.

Иногда внутри возникало разочарование и желание всё бросить. Благо, за два месяца, проведенных в общине, она освоилась и привыкла к людям. Ребята поддерживали, говорили что неплохо получается и нужно тренироваться дальше. Никто её не высмеивал, не задевал, не обсуждал за спиной и не бросал косые взгляды. Все в общине относились друг другу на равных. И только одного человека Камилла старалась обходить стороной.

— Очередной скучный вечер. Может, хоть ты что-то любопытное расскажешь?

Господин Дориан сидел в зале с кружкой пива, вальяжно откинувшись на стуле, и переключил внимание на Камиллу, которая под вечер помогала Мирине убирать посуду со стола. Да, они редко пересекались и не разговаривали, а если он и спрашивал что-то, она всегда старалась отвечать кратко, чтобы разговор поскорее закончился. Казалось, скажи она хоть какую-нибудь дерзость или просто что-то не то, и он обрушит гнев, накричит, ударит или, чего хуже, выгонит вон. По крайней мере, ничего хорошего, кроме пренебрежения, ждать не стоило. И в это раз господин Дориан обратил на себя внимание ещё раз, более настойчиво:

— Интересно, ты делаешь вид, что проглотила язык или оглохла?

— Я просто хочу убрать посуду и пойти помочь Мирине, — тихо ответила Камилла.

Господин Дориан небрежно хмыкнул, будто она сказала что-то смешное. А затем, поняв, что разговор не состоится, встал, направившись в свои покои. И на ходу спросил:

— В мишень хоть попадаешь?

Раньше Камилла боялась, что господин Дориан запретит учиться сражаться, когда узнает о предложении Велимира. Все-таки им нужна была служанка, а не воин-неумеха. Но старик сказал, что волноваться не о чем, если, конечно, она будет успевать помогать Мирине.

— Попадаю, — процедила Камилла сквозь зубы.

Он пожал плечами и ответил:

— Тогда доброй ночи.

Глава 5. Меч

Время летело быстро. Прошла холодная зима и явилась весна. Для Камиллы, которую с детства готовили жить по четырем временным циклам, сменяющим друг друга, зима грозила не только холодами, но и временем короткого отдыха для всей коммуны. Вечерами в деревенских домах разжигали камины, возле которых дети слушали истории. В середине зимы устраивались деревенские праздники, играли свадьбы. И уповали, что следующий цикл будет более урожайным, чем уходящий. А с приближением весны начинали готовить инвентарь к новой полевой страде.

Но в эту зиму Камилла не отдыхала, а уставала ещё больше. Тренировки со стариком стали более жесткими. А все потому, что они принесли плоды и сражаться на мече девушка стала значительно увереннее. Из лука по-прежнему стреляла не особо метко. А Велимир хвалил крайне редко и постоянно требовал всё больше результатов. Заставлял сражаться с тяжелым щитом, бегать, изматывать тело, часами отрабатывая одни и те же удары. Но она даже не думала о том, чтобы сдать.

Только самый близкий Камилле человек в общине, Мирина, открыто возмущалась.

— Господин Велимир, ну зачем вы так сурово с ней? — возмущенно спросила она однажды у старика. — Камилла иногда приходит с этих тренировок вся в синяках и царапинах, а мне потом лечить! А если вы её ненароком покалечите? Так же нельзя. Хотите снова оставить меня без помощницы? Община защитит нас, если придет враг, вы сами говорили.

Камилла при этом присутствовала и видела, что старик в ответ на это одобрительно кивнул. А затем подошел к девушке, положил ей руку на плечо и ответил, как всегда, вежливо:

— Ты очень добрая, Мирина. За это мы тебя и любим. Но иногда, человек нуждается в вере не только в силу своих собратьев, но и в свою собственную.

Камилла почему-то очень хорошо запомнила эти слова. И случилось так, что даже господин Дориан начал проявлять любопытство, узнавая как идут тренировки. А однажды Велимир сказал, что девушке нужен собственный меч, потому что тренироваться с чужим неправильно. Меч — это продолжение руки, а рука должна быть своя. Кузнец общины мог бы сделать меч или дать один из тех, что лежали в его маленькой оружейной, но с начала зимы он ничего не ковал из-за нехватки материалов, а все, что осталось, было не особо качественным. Да и в перековке оружия он был не особо силен. И старик велел пойти к Дориану, собирающемуся в город, попросить его купить хороший меч. Камилла совсем не хотела этого, думая, что опять придется выслушивать насмешки управителя, но делать было нечего.

Господин Дориан сидел в комнате, где три месяца назад Велимир предложил Камилле остаться в общине. На самом деле это была общая комната Велимира и господина Дориана. В углу возле окна по-прежнему стояло две кровати. Красно-белые щиты, висевшие на стенах — амуниция ордена, в котором раньше служил старик. Небольшой камин выглядел почерневшим после зимы. Глава сидел за письменным столом, с несколькими стопками небрежно сложенных бумаг, чернильницей с пером, кувшином и кубком вина. На полу возле камина лежал небольшой тёмный ковер, который господин Дориан купил в городе примерно месяц назад.

— Чего тебе? — спросил глава, как только Камилла пересекла порог.

— Господин, мне это... меч надо, — тихо сказала она, уставившись куда-то в пол.

— Так возьми в кузне, — сразу ответил он. — Там как раз пару штук валяется никому не нужных.

Подбирая слова, девушка ответила, как ей казалось, максимально понятно и учтиво:

— Велимир сказал, что они не подходят и нужен новый, хороший и качественный.

— Так это он тебя сюда отправил? А я уж было решил, что сама пришла.

Камилла вздохнула. Из уст господина Дориана звучало так, будто она в чем-то виновата. Он посмотрел на неё, обдумывая и медленно отпивая из кубка.

— Ладно, куплю тебе хороший меч. Всё-таки у тебя должен быть свой, новый, хороший. Я даже примерно понимаю, какой подойдет, учитывая твой рост и силу. Тем более, я обещал, что если что-то понадобится, то смогу это достать. И, может, после этого ты хоть перестанешь меня избегать.

— Я не избегаю, — неуверенно ответила Камилла.

— Присядь-ка, — велел глава, указав взглядом на стул.

Камилла послушно присела напротив Дориана, который над чем-то размышлял, откинувшись на своём стуле. А затем, отпив ещё вина, задумчиво спросил:

— Вот скажи, благодаря чему ты имеешь кров, пищу и общество, готовое защитить в случае опасности? Думала, все это можно создать и удержать без особых затруднений? И получилось бы это сделать, будь у меня характер плаксивой девочки, вроде тебя?

Камилла не обиделась. «Просто принеси гребаный меч, а сейчас говори, что хочешь», — подумала она. Хотя в глубине души знала: их комнаты находились напротив, и он мог слышать, как она страдала. После плена и путешествия с бродячей трупой все тело иногда ныло по ночам, и если сначала Камилла вела себя тихо, то потом несколько ночей подряд плакала навзрыд. Родная деревня, люди, жившие рядом с самого детства, родители всплывали перед глазами. В нос пробивался запах гари, а в ушах стояли крики умирающих людей, будто бы она снова возвращалась в тот кошмар. И словно в подтверждении этих мыслей, господин Дориан пояснил:

— Да, я слышал, как ты рыдала в подушку первые недели пребывания у нас. И молил всех святых, чтобы сдержаться и не пойти заткнуть тебя лично. Скажи спасибо Мирине, что помогла успокоиться.

Камилла вздохнула и в довольно эмоциональной манере попыталась объяснить:

— Это потому, что родителей, друзей и всех кого я знала, убили североземцы у меня на глазах! Всю коммуну. И я не представляла, куда бежать.

— И что теперь? — грубо спросил он. — Ждешь и моей жалости?

Камилла подумала, что такой жалости ей, конечно, не надо. Но ответила другое:

— Вы жестокий человек.

Глава, осушив с одного глотка пол кубка разом, жестко пояснил:

— Вообще-то северяне и у меня отняли близких людей, но я не ною. Потому что надо было двигаться дальше. И тебе следует. Если необходимо, то через силу перестать жалеть себя и проявить, наконец, характер, раз хочешь научиться сражаться и не сдохнуть в первом же бою. А иначе тебе никогда не стать такой, как Велимир.

Камилле казалось, что Дориан не был похож на простолюдина с северных земель, но и на зажиточного горожанина тоже. Может, его семья жила в северной провинции до нападения североземцев? Она, ведь, совсем ничего не знала о главе общины. Но, не смотря

на любопытство, расспрашивать все же не решилась.

— Я не хочу быть как он, — тихо ответила Камилла.

— А жаль. У Велимира обычно разговор короткий. Завязалась драка — бей первым и насмерть. Впрочем, это правило и мне не раз спасало жизнь.

Он взял кувшин, налил вина почти полный кубок и пододвинул Камилле.

— Выпей, может, полегчает? — насмешливо предложил он.

Камилла с детства не пила неразбавленного алкоголя и считала это неразумным и бессмысленным. В деревне взрослые пили крепкое пиво по вечерам, и девушка тоже однажды попробовала. Но оно оказалось гадким на вкус, хоть и было разбавленным. А хорошее вино могли позволить себе только зажиточные горожане.

Камилла поняла, что делать здесь больше нечего и встала со стула, посмотрев на основателя общины.

— Я, пожалуй, пойду, господин.

— Тебе не нужно моего разрешения, — ответил Дориан. — В общине нет лордов, и я тебе не господин. Просто запомни: хорошо владеть мечом для настоящего воина недостаточно, даже если это будет очень хороший меч. Необходима ещё и непоколебимая уверенность в собственных силах и умении побеждать.

Камилла потупилась, оставшись на месте. Она не знала, что ответить. Взгляд упал на стену, где на подставке висел меч, от которого невозможно оторваться. Рукоять и ножны выполнены в едином черном стиле, а все остальное в серебристом. Внимание привлекали мелкие символы, красиво выведенные на ножнах — язык древних. Таких мечей Камилла никогда не видела.

Дориан заметил её взгляд и сам посмотрел на стену. В прошлый раз этого меча не было, а глава отсутствовал несколько дней.

— Вижу, ты ценитель прекрасного, — задумчиво произнес Дориан. — Такой меч хочешь?

— Было бы неплохо, — призналась Камилла.

— Только его надо заслужить. Это глифовый меч. Он защищает владельца от любого зла: явного и затаенного, — Дориан встал со стула и подошел ближе к камину, — но пользоваться им может не каждый.

Камиллу интересовало все, что знает Дориан. Оружие она любила, но разговор и так уже слишком затянулся. И раз он здесь не господин, она может уйти, когда пожелает.

— Доброй ночи, Дориан, — сказала она напоследок.

— Доброй ночи.

Как-то вечером, после ужина, Камилла спросила Велимира про общину, как давно она существует. Старик предложил прогуляться вдвоём, разговорился и рассказал девушке, что сам здесь уже три года вместе с Дорианом. А дела в общине в этот год идут очень хорошо, волноваться совершенно не о чем. Очередную зиму они пережили, на будущее много запланировано. У общины есть небольшая, но довольно внушительная казна, из которой всем хватит денег, чтобы скромно прокормиться чуть ли не до следующей зимы. В ответ на вопрос, откуда вообще берутся деньги, он лишь заговорчески посмеялся.

В общине каждый занят своим делом. Несколько пахарей возвращают и собирают урожай на полях за бараками, один иногда рисует картины. А ещё, в это беспокойное время, деньги можно заработать на военном деле. Да и общине, подобно этой, жизненно важно

уметь постоять за себя. Орден Палеонесской розы уже успел обзавестись дурной славой. Ходили слухи о нападениях на целые селения.

Старик рассказал и о том, что бродячую труппу артистов он убил за деньги, собранные целым селением. Гальзар, остановившись вместе с труппой в таверне, перебрал с алкоголем, натолкнулся на местную девушку и возомнил, что может безнаказанно взять её силой. Камилла догадывалась, что встреча труппы со стариком была не случайна. Жители деревни доверяют общине больше, чем людям из ордена Нефритовой зари, которые по праву несут слово закона на территории западной провинции Гальрада.

За такой авторитет и дружбу с ближайшими коммунами надо благодарить Дориана. Он, как ни крути, умеет налаживать связи, находить и выбирать нужных людей. Поэтому у общины много, где свои люди, в том числе среди капитанов Палеонесской розы, кое-кто в ордене Нефритовой зари и несколько полезных знакомств в столице. И даже в императорском замке бывший советник императора по делам внешней политики — старый друг Велимира.

— Вижу, ты вполне довольна тем, что осталась, — заметил старик. — И передумала идти в столицу.

— Да. Я не сразу поняла, но все эти люди в нашей общине на самом деле очень добры ко мне, — призналась Камилла. — Все поддерживают друг друга, стараются каждый в силу своих возможностей. И это замечательно! А вот в детстве родители брали меня на собрания коммуны и там старосты часто ругались, даже по мелочам. Например, что сеять в следующую весну.

— На этот счёт тоже благодари Дориана. Он с самого основания общины соблюдал и прививал орденский кодекс всем. А кодекс гласит, что собратья ордена обязаны поддерживать друг друга, помогать и защищать. Подлых и бесчестных людей община уже давно пережила. Да и у Дориана нюх на таких. Мы принимаем не всех. В конце концов, мир — это не только твоя коммуна. Много где люди понимают, что добьются большего только общими усилиями.

Камилла вздохнула, вспоминая детство и жизнь в коммуне. Они зашли недалеко в лес, где всюду уже ощущалось дыхание весны. Солнце в последние дни начало греть заметно теплее, таял последний снег, а птичьи голоса звучали звонче обычного.

— Давно мы с тобой не прогуливались вот так, за разговорами, — заметил старик.

— Это верно.

— Лучше скажи, как у тебя успехи с уроками грамотности?

Камилла уже позабыла, что недавно начинала учиться читать и писать вместе с другими. Правда, из-за ужесточившихся тренировок с Велимиром и постоянной помощи Мирине времени на все не хватало, и Камилла прекратила заниматься чтением перед сном.

— В целом, все неплохо, — ответила девушка.

— Пожалей уж старика, — вежливо предостерег Велимир. — Не надо врать.

— Я всегда думала, что вы знаете мысли других, — в шутку ответила Камилла.

— Нет, что ты. Я могу только предвидеть намерение врага атаковать. Таких, как я, называют предвестниками побуждения. А вот знать мысли других никому из нас не дано. Некоторые дары позволяют чувствовать людские помыслы, сокрытые в самой глубине. Таких людей стоит опасаться. Ну, а я пожалуй, слишком часто вижу, как в последнее время ты изматываешь себя на тренировках и помогаешь Мирине. Всего и сразу не успеешь. Но займись грамотностью, хотя бы понемногу каждый день. Обещаешь?

— Обещаю.

С момента разговора со стариком прошёл ещё один временной цикл, унеся за собой время весеннего возделывания. Наступило лето. Если бы не северная смута, Камилла сейчас полноценно помогала бы родителям заготавливать сено и готовилась жать созревший урожай.

Баракы, где жила община, поляна перед домом и лес незаметно стали родными. Камилла знала людей, местность вокруг, ходила до ближайшего селения вместе с братьями. А когда-то казалось, что жизнь на постоялом дворе ещё долго будет безопасным пристанищем. Тренировки со стариком не прекращались, хотя временами казалось, что она застопорилась и прогресс остановился. Более того, в бою на мечях она все ещё не могла победить. Камилла чувствовала себя уверенно. Научилась правильно атаковать, защищаться. Но в реальном бою насмерть она бы никогда старика не победила.

А однажды вечером, после того как Камилла помогла Мирине с мытьем посуды и собиралась пойти спать, старик отвел её в сторону.

— Прости, что отрываю, — как всегда вежливо извинился он. — Завтра с утра пойдёшь тренироваться с Дорианом.

Эта новость Камиллу ошарашила.

— Почему это? — удивленно спросила она. — Зачем?

— Твоей сноровки и умений вполне достаточно, чтобы вступить в бой, но, помимо этого, нужно изменить кое-что внутри себя, — старик решил ответить только на последний вопрос. — К великому сожалению, я не смогу в этом помочь. А Дориан может.

— Да ведь... — Камилла задумалась над тем, как это сказать. — Он меня недолюбливает.

— Я так не думаю, — уверенно ответил Велимир. — Между прочим, Дориан считает тебя удивительной. Уважает наравне с остальными в общине и, как все они, готов защитить в случае опасности. Возможно, он бывает резковат, но к этому можно привыкнуть.

Камилле хотелось ещё больше возмутиться после таких заявлений.

— Вы сейчас серьёзно?

— Разумеется. Учиться сражаться — твой собственный выбор. Никто не говорил, что будет легко. И если уж так сложно на это решиться, подумай прежде всего о том, что ты приобретёшь. Дориану приходилось выживать в тяжелых условиях и преодолевать много трудностей, чтобы не умереть. У него есть, чему поучиться.

Камилла выдохнула. Судьба иногда подкидывает сюрпризы. Но, пожалуй, у неё больше шансов победить старика в открытом бою, чем провести полдня с Дорианом и не услышать ни одну колкость.

— Время все расставляет по своим местам. Помню, как я тебя встретил, напуганную, тихую девочку, — вспомнил старик. — А теперь ты вместе с общиной, в доме, который, наверное, и искала долгое время.

— Да, но...

— А в общине все уважают друг друга, и не стоит никого бояться и избегать. Есть вопросы?

Камилла вспомнила те первые дни, когда старик позвал её за собой в лес, а она шла следом, не зная толком, чего ждать. Тогда было все равно, что случится. Она утратила веру во что-то хорошее. И в мыслях наплевала на себя, мечтая о скорой смерти, которая

неминуемо должна была прийти. Но не пришла.

Не дожидаясь ответа, Велимир вышел из комнаты, оставив Камиллу одну со своими мыслями.

Глава 6. Тропы перемен

Камилла проснулась ранним утром и тихо оделась. Простые мешковатые штаны и рубаха не стесняли движений. Мирина ещё спала на соседней кровати, и Камилла знала, что вечерами девушка изматывала себя наведением чистоты, мытьем посуды и ложилась спать уставшей. По вечерам Камилла иногда читала книги, мешая Мирине засыпать. В комнате это можно было делать только за столом с зажжённой свечей.

В это ранее утро все, кроме дозорных спали. Дориан, как оказалось, в одиночестве сидел за большим столом, потягивая что-то из чаши.

— Доброе утро, — поздоровался он.

— Доброе.

На нём была простая одежда: облегающая туника и незамысловатые штаны с карманами. На столе лежал меч. Глава загадочно улыбался.

— Отличный день, — провозгласил Дориан. — Надеюсь, его ничто не омрачит. Готова идти?

— Готова, — уверенно ответила Камилла.

Ещё не хватало, чтобы глава видел, как она в чем-то сомневается. Если решилась — значит, так тому и быть.

— А где твой меч? — спросил Дориан.

— Меч? Я думала, мы будем сражаться на деревянных.

Дориан лишь махнул рукой.

— Оставь эти игрушечные палки другим. Иди, возьми меч. И шевелись, у нас не так много времени.

Камилла забежала на второй этаж, обратно в свою комнату и тихонько вошла, чтобы достать из-под кровати оружие. Ей нравился этот меч, впрочем, ничего необычного из себя не представляющий — короткое лезвие, простое круглое навершие и крестовина без каких-либо украшений и узоров. Велимир в своё время научил поверхностно разбираться в оружии. И, не смотря на простоту, оружие было качественным.

Они выдвинулись из общины, никого не предупредив о своем уходе. Дориан шёл молча о чем-то размышляя. Он направился в лес, удаляясь от общины, в сторону центральной провинции, где Камилле ещё не доводилось побывать. Она решила, что скоро появится какое-нибудь укромное местечко, вроде пустой поляны в окружении деревьев, где будет удобно тренироваться без посторонних глаз, и не стремилась лишней раз заводить разговор. Раз уж глава решил молчать, то и не придется слушать порицания в свой адрес.

Густой лес сменялся небольшими протоптанными тропами и маленькими полянками. Повсюду виднелась завораживающая пышная зелень, ощущалась приятная прохлада и свежесть. День удачно выдался не слишком жарким. По мере продвижения, Камилла начала понимать, что бараки общины остались далеко позади, да и времени прошло немало.

Вскоре Камилла и сама не заметила, как они дошли до большой дороги и укрылись за массивными деревьями шагах в десяти. Дориан вышел на дорогу и некоторое время высматривал следы, а затем вернулся обратно и объявил:

— Пришли. Теперь ждем.

Он сел, облокотившись на дерево, и Камилла присела напротив, понимая, что ждать, возможно, придется долго. Для отдыха было самое время, поскольку долгая прогулка уже

изрядно утомила. И, казалось, тишина и безделье никак не мешает Дориану, который мог многие часы просидеть в засаде. Но ожидание томило. Не выдержав молчания, Камилла решила спросить:

— Здесь, случаем, волки не водятся?

— Волки? — удивился Дориан. — Нет, они больше в лесах северной и центральной провинции. Да и территорию вблизи замка императора и его окрестностей хорошо охраняют. К тому же, днем они не показываются людям. Очень умные животные.

— А я однажды видела волков днем.

— Возле общины? — насторожился глава.

— Нет. Мне тогда было четырнадцать лет, и мы заигрались, убежали далеко в лес. И натолкнулись на волка и волчицу. Благо, остались живы, но я страшно испугалась и... плакала потом, — неожиданно для себя призналась Камилла. — Когда осознала, что могло случиться.

Имя Дьюка она умолчала по привычке. Камилла ни с кем не говорила о нём после нападения североземцев. Говорила про мать с отцом, про коммуну, про родные поля, но про Дьюка никогда. Одно время пыталась заставить себя выговориться Мирине, которая и так уже много знала про её жизнь. Не смогла. Боялась услышать, как ничтожны шансы на выживание у мальчика в чужом краю и как велик риск умереть от голода, не найти кров, быть убитым или натолкнуться на плохих людей. А ведь он на два года младше. Камилла отгоняла мысли обо всем этом, заставляя себя заниматься делами, помогать с уборкой или тренировалась, когда начинала думать о Дьюке.

В тот день она и Дьюк оказались глубоко в лесу, в незнакомой местности. Камилла знала, что родное селение где-то неподалеку, но все равно запаниковала, понимая, что не узнает местность. А затем все стало ещё хуже. Двое волков, появившихся из-за деревьев, начали рассматривать гостей леса и приблизились к ним. Камиллу окутал страх, но родители говорили, что в этом случае не стоит делать резких движений и тем более сразу бежать, иначе хищник может начать преследование, решив, что перед ним враг, посягнувший на чужую территорию. Это был страх больше не за себя, а за Дьюка. Родители рассказывали, как пару лет назад узнали, что волки загрызли одного из жителей соседнего селения, идущего домой за полночь через лес.

Но Дьюк не испугался и остался спокоен, даже когда волки приблизились к нему. Звери некоторое время наблюдали, будто признавая людей, как не-врагов, а затем потеряв интерес ушли. И Дьюк, мало того, что потом успокоил Камиллу, так ещё и каким-то образом вывел их обратно к дому. После этого она помнила, как Дьюк сказал, что не чувствовал агрессию и страха от волков, потому не испугался. И сразу понял, что это были самец и самка. А затем рассказал, что ощущал, как сам лес подсказывал, в каком направлении нужно двигаться. Объясниться более подробно двенадцатилетний мальчик не мог. Камилла тогда решила, что он на выдумывал это от испуга, и им просто повезло.

— Волк и волчица? — Дориан заинтересовался услышанным. — Говорят, что если возлюбленные встретят пару волков, это хороший знак, знамение предков о том, что союз будет крепким и нерушимым.

— Правда?

— Да. И с кем же ты была в том лесу?

— Неважно.

Камилла демонстративно отвернулась, не желая отвечать, а Дориан ухмыльнулся.

— И все-таки, мы какого-то зверя отслеживаем или просто чего-то ждем? — полюбопытствовала Камилла, желая перевести тему разговора.

Дориан вздохнул и неспешно начал объяснять:

— Примерно месяц-полтора назад, я впервые здесь оказался, просто гулял и увидел служителей ордена Нефритовой зари, с телегой, полной оружия. Я решил, что это были контрабандисты, и оказалось, что у одного из наших есть старые связи в этом ордене. Он сообщил кому следует, и новость дошла чуть ли не до главы ордена. Кто-то действительно воровал и перепродавал оружие уже не первый месяц. К сожалению, я плохо запомнил, как выглядели те люди, но нам сообщили, когда будет очередная поставка оружия в казармы.

— То есть ты хочешь сказать, что...

— Да, мы выжидаем контрабандистов.

Камилле стало немного не по себе и, судя по всему, это отобразилось на лице.

— Не переживай, — небрежно успокоил Дориан. — Или ты испугалась?

— Нет, но вряд ли они появятся именно сейчас, правда?

Дориан вздохнул и замолчал. Камилла облокотилась о дерево в ожидании. Совсем без дела было непривычно. Ей все время казалось, что она как-то неудобно сидит и в голову лезли всякие глупые мысли. А протоптанная дорога за деревьями будто бы была совсем мертвой — за столько времени по ней вообще никто не прошел. В какой-то момент Камилла не выдержала и собралась с силами предложить пойти обратно, раз всё равно сегодня ничего не светит.

И, словно назло, увидела, как вдалеке из-за поворота вышли двое человек, таща небольшую двухколесную телегу. Один, молодой, шел спереди, держа её за ручки, второй, постарше лет на десять-пятнадцать, помогал, толкая сзади. Оба одеты в летнюю походную одежду и плащи ордена темно-оранжевого цвета.

— План такой, — глава сразу стал серьезным. — Выходишь на дорогу, закрываешь движение и отвлекаешь внимание. А я подхожу сзади, и мы их убиваем. Все просто.

Камилла издала нервный смешок. А люди с повозкой тем временем приближались. Дориан углубился чуть дальше в лес и жестом дал понять, что пора выходить на дорогу. Велимир объяснял, как сражаться, если противников будет несколько, но сейчас все учения, как назло, вылетели из головы. Камилла выдохнула и вышла из-за деревьев на дорогу и оказалась прямо перед воинами. Двое сразу остановились и уставились на неё.

— Баба, — удивленно пролепетал молодой.

— Ты что здесь нахрен делаешь? — спросил тот, что постарше.

— Просто... гуляю.

Камилла попыталась ответить как можно более непринужденно. Дориан должен вот-вот выйти из укрытия. Молодой огляделся и посмотрел в сторону леса, откуда она появилась. Но там никого не было, а глава и вовсе испарился.

— Одна что ль? — снова спросил он.

Камилла молча кивнула.

— Это запретная дорога, — пояснил тот, что старше, окинув взглядом Камиллу. — Она пролегает через императорские угодья, так что сельскому отребью здесь делать нечего! Хочешь пройти по дороге — плати.

— Деньги-то у тебя есть? — оскалился младший.

— Нет, денег нет, — не соврала Камилла. — Но...

— Тогда, может, по-другому как-то заплатишь? — молодой подошел чуть ближе.

Камилла поняла, что дело ни к чему хорошему не ведет и, схватившись за рукоятку меча, обнажила оружие. Меч вышел из ножен плавно, сопровождаясь скрежетом метала. Камилла обнажала его всего пару раз и только для того, чтобы рука привыкла к тяжести. С Велимиром они все ещё тренировались только на деревянных мечах.

Вместо того, чтобы насторожиться, молодой лишь усмехнулся и повернулся к своему другу:

— Ты глянь-ка!

— Оставь её, Альбин, — приказал старший. — У нас свои дела, нужно торопиться пока...

Из-за большого дуба тихо вышел Дориан, оказавшись за спиной у старшего. Молодой мгновенно обнажил свой меч и только успел крикнуть:

— Осторожно!

И переключил внимание на Камиллу. *«У Велимира обычно разговор короткий: если завязывается сражение, бей первым и насмерть»*, — вспомнила Камилла слова управителя.

Она напала первой, но парень блокировал удар. На лице читалось ошеломление, смешанное с жуткой тревогой. Интересно, сколько раз он сражался в настоящем бою? Камилла приблизилась и предприняла ещё одну попытку атаки — обманное движение, будто замах, а затем удар точно в живот врага. Честно признаться, она никогда не думала, что этот прием сработает. В обучении он был одним из первых и казался довольно простым из-за легкости исполнения. Но он сработал, поскольку молодой, ожидая нападения, инстинктивно дернулся, открываясь для лжеатаки. Меч на удивление легко и глубоко прорезал живот. Парень застонал и схватился свободной рукой за открытую рану, поддавшись боли. И следующим ударом с размаха, вложив как можно больше силы, Камилла попала по грудной клетке, оставив ещё один кровавый след и на этот раз повалив парня на землю.

Противник Дориана лежал мёртвый в луже крови, с мечом в руках. Наверняка, успел обернуться, но не более того. К Камилле стала приходить ясность ума, глядя на то, как парень тщетно пытается зажать рану на животе рукой и одновременно отползти подальше от угрозы. Его меч остался лежать на земле и будто бросил умирающего хозяина, надеющегося на судьбу.

— Убей его, — велел Дориан. — Не надо мучений.

Камилла приблизилась к парню, тот попытался отползти дальше, но она нагнала через пару широких шагов. Только чтобы лучше рассмотреть. Отчаяние и боль были видны на его лице. У самой предательски затряслись руки, то ли от прошедшего резко страха, то ли от ужасающей глаз картины.

— Не хочу я этого делать, — как можно увереннее призналась она.

— Он всё равно умрёт, — как ни в чём не бывало бросил глава.

Камилла направила меч на поверженного врага, и кончик лезвия оказался у горла несчастного. Все как учил старик Велимир. Но парень неожиданно схватился за лезвие свободной рукой, крепко сжав его до крови и начал умолять:

— Прошу, не надо.

Камилла посмотрела ему в глаза и застыла на месте. Она уже видела этот взгляд раньше. Когда Велимир убивал метателя ножей. И помнила, что даже после того, как меч старика пронзил его горло, ей казалось, что ещё некоторое время он был жив. Настолько сильно не верилось в смерть.

Меч все же пронзил горло молодого война. Камилла этого не хотела и решилась убрать меч, но почувствовала давление — Дориан положил руку на навершие меча и с силой надавил на него, помогая воину обрести покой. Парень застонал и больше не шевелился. Пустые глаза устремили свой взор в никуда.

«За все надо платить, Альбин» — подумала Камилла.

Глава 7. Благословленные

Вздохнуть спокойно она смогла дома, где есть знакомые люди, уютная комната, личная кровать и еда. Родное, безопасное место, в которое хотелось скорее вернуться. И как только Камилла пересекла порог, сразу решила пойти снять испачканную чужой кровью одежду, спрятать меч под кровать и просто лечь, чтобы никто не трогал. Пережить случившееся наедине с собой.

Тела убитых остались в лесу и периодически всплывали перед глазами, будто ночной кошмар. Дориан забрал застёжки с отличием ордена убитых воинов. В телеге, как и предполагалось, лежало оружие: мечи, луки с колчанами стрелы и пару арбалетов. Дориан брезгливо осмотрел похищенное, но ничего дорогого и качественного не нашел. Зато в карманах одного из убитых обнаружил кошель с несколькими монетами и без зазрения совести забрал себе. А затем пробурчал, что, как только они вернутся, сразу же напишет в орден, и груз вместе с телами заберут.

Всю дорогу до дома в голову Камилле не приходило никаких мыслей. Она заметила мелкую дрожь в руках, как в тот день, когда впервые оказалась в общине. Отголосок прошлого, напоминающий об ужасе встречи с бродячей трупой. Она старалась вести себя естественно, не поддаваться панике, да и что было говорить? Благо, Дориан не стал приставать с расспросами о душевном состоянии, решив поддержать тишину. Но улизнуть в свою комнату по прибытию в общину так же молча не вышло.

— Ты там жива или нет? А то не произнесла ни слова, пока мы шли.

— Ты хотел меня оставить против них одну, так ведь?

— Ты их вообще видела? Они и драться-то толком не умели. И не ожидали такого от девчонки. Будь у меня твое преимущество, — насмешливо сказал Дориан, положив руку ей на плечо, — я был бы непобедим.

— Очень рада, — сухо ответила Камилла. — Видимо, девушки-воины — большая редкость?

Дориан неопределенно пожал плечами.

— Не каждый день встречаются.

Камилла не хотела продолжать разговор, поэтому пошла сразу на второй этаж, к себе в комнату. Дориан никогда туда не заходил, хоть и спал напротив.

— Пойду, переоденусь, — коротко отрезала она.

Мирина где-то внизу готовила и раскладывала посуду. Камилла присела на её кровать и посмотрела в окно, из которого открывался привычный вид на лес. Она взяла себя в руки и переоделась в чистые одежды. Мирина вошла в комнату почти сразу после этого, взять кое-какие тряпки из рабочего инвентаря. И увидев Камиллу, обрадовалась.

— Вы уже вернулись.

Камилла молча кивнула, рассказывать в подробностях не было сил. Но Мирина увидела небрежно кинутую рубаху на кровати, испачканную в крови.

— Ой, это что, кровь? Ты в порядке?

— Не переживай, — заверила Камилла. — Не моя.

Мирина взяла одежду, расправила, оценила взглядом и аккуратно сложила.

— Я это выстираю. Главное, что все в порядке.

— Спасибо, — устало поблагодарила Камилла.

— А где вы были с самого утра? На кого-то охотились?

— Да так, с Дорианом убили пару человек на дороге.

Некоторое время Мирина всматривалась в подругу, а затем, видимо, решила, что это всего лишь шутка и бодро заметила:

— Думаю, тебе нужен отдых. Полежи. Ближе к вечеру будет замечательно, если поможешь с посудой. А я пока пойду дальше порядок наводить.

— Да, спасибо.

Когда подруга ушла, Камилла легла и попыталась читать книгу, одну из тех, что подарил Велимир. Дело продвигалось медленнее некуда, а кроме того, это была неинтересная на первый взгляд история про наемного воина и девушку из богатой семьи, сердце которой он пытался завоевать. Книга выглядела небольшой и по содержанию не очень интересной. Некоторые слова были длинными и сложными для прочтения, а некоторые — непонятными. И как можно написать целую книгу про такую нудную историю? Периодически строчки текста расплывались, и мысли уносились прочь. Перед глазами появлялись убитые воины, а вместе с этим — образы, оставленные памятью о нападении североземцев на родную коммуну.

Чтобы отвлечься, Камилла решила найти Велимира и поговорить. Она уверенно вышла и постучала в соседнюю дверь, надеясь, что Дориан ушел прогуляться куда-нибудь подальше, но напрасно. Из-за двери послышался его уверенный властный голос:

— Войдите.

Она открыла дверь и вошла. Глава стоял возле окна и, судя по всему, за кем-то наблюдал.

— Где Велимир? — спросила Камилла.

Дориан посмотрел на неё без усмешки и махнул рукой.

— Ходит где-то, — а затем подошел поближе и заговорщицки произнес: — Хочешь выпить? Тебе станет легче, поверь.

Она окинула взглядом комнату и увидела вино. Может, и вправду стоит забыться или есть другие, более действенные методы?

Она неуверенно кивнула и почему-то поверила. Хотелось, чтобы на душе стало легче. Дориан подошел к столу и налил полный кубок. Она взяла его в руки и жадно осушила до самого дна, чувствуя насыщенный, сладковатый вкус. По голове, будто кто-то ударил палкой. Камилла присела на свободный стул.

— Алкрийское королевское, — похвастался Дориан. — Хорошее вино. В Гальраде его не так-то просто достать.

Камилла не разбиралась, поэтому попросту не нашла, что ответить.

— Ты удивительный человек, — то ли в шутку, то ли в серьез сказал Дориан.

— Чем удивительный?

— Велимир рассказывал, что, когда убивал тех ублюдков из цирковой труппы, ты просто стояла и смотрела пустым взглядом. Не кричала, не бежала, не испугалась. Верно, тоже хотела умереть? Думал, ты и сегодня будешь с отрешенным лицом, но нет.

Камилла вздохнула:

— Тогда было всё равно.

— Тебя сломили, верно? А будь сегодня на месте убитого тобой паренька кто-то из той труппы, стала бы раздумывать?

— На месте того паренька был он сам и никто другой! — возмутилась Камилла. —

Возможно, Велимир рассказал тебе все, что знал о моей жизни. Но тебе ничего не известно о моих чувствах!

Может, спиртное подействовало, может, пережитые убийства на дороге или всё сразу, но глава теперь не выглядел таким, как раньше.

— Верно, ничего, — ответил он. — Только не надо опять рассказывать про детство и что североземцы убили всю коммуны и родителей, и друзей, — затем на мгновение задумался и сказал: — Если бы этого не случилось, ты бы всю жизнь провела, возделывая почву и собирая урожай у себя в деревне. Ничего не зная о жизни за её пределами. Скучное, однообразное существование.

На самом деле у Камиллы были несколько иные планы. Она думала, что они с Дьюком поженятся, скопят денег и отправятся путешествовать, обязательно побывают в столице. Это больше было мечтой Дьюка, который любил говорить о путешествиях и о том, что будет делать, когда вырастет, но Камилла всецело поддерживала. В поисках лучшей жизни они вместе хотели отправиться в земли Беренгарского союза.

— Я бы променяла это на то, чтобы быть с теми, кого люблю, — возмутилась Камилла. — А ты, не променял бы?

— Променял бы я? — На секунду Дориан задумался. — Возможно, да, но люди часто умирают, вот что я знаю. Слышала что-нибудь про Герберта Жестокого, например?

— Нет.

Дориан сел на стул напротив и налил ещё вина в кубок, поставив рядом с собой. Затем откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу, вздохнул и начал рассказывать:

— Был такой управитель в западной провинции Гальрада, давно уже. Говорят, относился к своим слугам, как к скоту, и высокомерным был до безумия. С детства привык к роскоши, рос в достатке и богатстве в замке у отца. Так вот, когда он встал во главе провинции, достигнув совершеннолетия, то в какой-то момент поднял оброк тем, кто работал на земле его отца. Это такая плата простолюдинов за то, что они работают на его...

— Я знаю, что такое оброк, — перебила Камилла.

— Ах, ну да. В общем, простолюдины решили устроить бунт и собрались, чтобы пойти к замку и потребовать снижения платы. Пришли ночью с факелами, палками и вилами. Управитель вышел к ним, пообещал, что вернет всё, как было, и простолюдины мирно разошлись. А затем приказал своим людям найти главарей, поднявших восстание. Коммуна, в которой эти люди жили, была полностью уничтожена. Убили всех мужчин, женщин и детей. Никто не спасся.

— Это ужасно, — выразила сочувствие Камилла.

— Да. Но, ордена существуют, пока есть потребность убивать даже в мирное время и пока за это платят деньги. И наша община отчасти живет за счет этого.

Дориан взял в руки кубок, а затем поразмыслил и поставил перед Камиллой.

— Больше не хочу, спасибо, — отказалась она.

— Велимир просил чему-нибудь тебя научить, вот и тренируйся, — глава улыбнулся. — Очень важный навык — много пить и не пьянеть. Иначе, от убийств можно сойти с ума.

— Если Велимир спросит, чему ты меня учил, скажу, что осваивала главный навык любого воина.

Дориан усмехнулся:

— Да, посмотрел бы я на его рожу в этот момент. Но, как бы то ни было, теперь ты полноценно можешь называть себя воином общины, — провозгласил он. — Так как прошла

три воинских устоя.

— Каких ещё три устоя?

— Увидеть смерть, пережить бой и принести смерть, кажется, так говорится правильно, — уточнил Дориан. — Может, хотя бы за это выпить?

— Откажусь, спасибо, — Камилла отрицательно покачала головой. — Пожалуй, мне пора.

Напиваться особо не хотелось, да и ничего хорошего из этого не выйдет. Как-нибудь потом она займется освоением главного воинского навыка. Камилла решила, что нужно уходить и встала со стула. Дориан не спешил останавливать, лишь грустно посмотрел на кубок и пододвинул обратно себе. Напоследок спросил:

— Нравится меч, который я тебе подарил?

Она вспомнила, как бессовестно кинула оружие под кровать, хотя после битвы следовало бы вычистить лезвие. Велимир предупреждал, что за оружием нужно следить и это тоже ответственность.

— Да, нравится, — честно ответила Камилла. — Ещё раз спасибо.

Дориан улыбнулся, довольный тем, что смог угодить.

Камилла нашла, чем заняться, а заодно и отвлечься: Мирине нужна была помощь по хозяйству. И вплоть до самого вечера они убирались, мыли полы, готовили ужин и успели постирать часть грязной одежды. А с наступлением темноты, как обычно, поели у себя в комнате. Камилла улеглась на кровать и поняла, как сильно устала. За целый день Велимир так и не попался на глаза, впрочем, Дориан тоже оставался сидеть в своих покоях и вышел прогуляться только под вечер.

Окно в маленькой уютной комнате Мирина часто оставляла открытым. Камилла впервые за все время не могла уснуть и лежала, слушая тихое пение птиц. В своей жизни она уже несколько раз избегала смерти. В очередной раз воспоминания всплывали перед глазами навязчиво и правдоподобно, будто это было вчера.

Камилла помнила, как взяла за руку Дьюка, заставляя оторвать взгляд от тела его матери, и кинулась в лес. Держала его за руку так сильно, будто отпустить было равносильно смерти. За ними погнался один из североземцев. Камилла уже не помнила, сказала ли Дьюку напоследок что-то перед тем, как расстаться. Но решение приняла быстро и не думая. Привлекла на себя внимание преследователя и убежала прочь. Она помнила, как проводила взглядом мальчика, помнила слезы, катившиеся по щекам, и попытку запутывания следов. Помнила падение. Враг догнал её и, довольно ухмыляясь, сказал что-то на своем, непонятном ей языке. Он не собирался убивать сразу, но Камилла понимала, что это был конец.

Камилла лежала на земле и ждала, что будет дальше, боясь даже привстать. Неожиданно, за спиной врага послышалось шуршание травы, а затем из-за толстого дуба появился вооруженный мечом человек, напав на врага сзади. Это был Элиас Альбер — отец Дьюка. Первый раз на своей памяти она увидела его с оружием в руках. Элиас действовал умело и несколькими ударами повалил врага на землю. С волнением он поинтересовался, в порядке ли Камилла и где Дьюк. Узнав, что сын скрылся в неизвестном направлении в лесу, заметно успокоился. И приказал спасаться. Бежать в глубины густого леса так далеко, как только она сможет. А сам направился в деревню.

Когда Камилла поняла, наконец, что сон не приходит, решила одеться и выйти из

комнаты, подышать свежим воздухом. В коридорах барака было тихо и темно. На первом этаже веяло ночной прохладой. Кто-то не спал и оставил несколько горящих свечей на настенных подсвечниках.

Взгляд упал на две картины, висевшие чуть дальше. Все никак не хватало времени спросить Велимира про них. Камилла подошла ближе, чтобы вновь рассмотреть удивительные творения.

— Не можешь уснуть?

Из столовой тихо вышел Дориан и подошел к картинам. Вот, кто ещё не спал в эту ночь. Он уже изрядно выпил, но по-прежнему сохранял ясность ума.

— Я помню своё первое сражение насмерть. Тоже не спал в ту ночь, — решил поделиться Дориан. — Первое убийство запоминается на всю жизнь. Особенно если перед этим всматриваться врагу в глаза. Но поверь, остальные не будут такими.

— Остальных и не будет, — заверила Камилла.

— И я в своё время так же сказал: «Больше никаких убийств». Но поверь, если встанет вопрос твоей жизни и жизни врага, выбор будет очевиден.

Она только презренно фыркнула в ответ. Много ли он знает?

— А я смотрю, ты живописью интересуешься.

— С первого дня заприметила эти картины, — призналась Камилла. — Ты их сюда купил?

— Картины нарисовал наш молодой кузнец Арин, — пояснил глава. — Оружие у парня получается неплохое, но материалов частенько не хватает, так что у него мало работы. К тому же, оружие совсем непросто продавать — мало спроса, так что оно делалось больше для общины. Как-то раз, Арин попросил купить краски и кисти в городе, и обнаружилось, что рисует он даже лучше, чем кует. А когда удалось продать пару картин на ярмарке в Саргосе, честно говоря, за гроши, его радости не было предела. Вот я и попросил нарисовать несколько.

— И что же на них изображено?

Дориан подошел к первой из картин, висевшей справа.

— То, что видел собственными глазами. Например, эта называется Благословленная. Созвездие означает знания астрономии, математики и письменности.

Камилла пригляделась и увидела девушку, в белых одеяниях, стоящую у костра, в окружении хлопьев снега. Сверху довольно правдоподобно было прорисовано ночное небо и звезды.

— И кто же это такая? — полюбопытствовала Камилла.

— А ты не знаешь? — Дориан удивился вопросу. — Когда-то очень давно прибывшие на континент люди основали поселение, которое со временем обжилось и разрослось. Это сейчас здесь государства, каждое со своими законами, управителями, императорами, лордами. Ничего подобного раньше не было. Тебе не рассказывали?

Камилла отрицательно покачала головой. Таких как она — простолюдинов, не жаловали рассказами об истории древних и не учили в школе.

— Благословлённые — это люди, в которых течет кровь первой правящей династии. Многие управители и лорды считают себя их прямыми потомками, — продолжил Дориан.

Камилла решила спросить, при каких обстоятельствах Дориан встретился с этими самыми благословлёнными, но он не дал сказать и продолжил, подойдя ко второй картине. Нарисованное существо, отдаленно напоминающее человека, стояло в полумраке, в

окружении растерзанных трупов людей. Именно из-за неё Камилла год назад решила, что обе — вымысел художника. Существо частично скрывал полумрак, отчетливо виднелись неестественно тонкие руки чуть длиннее, чем у человека. И большие глаза, со зрачками, как у животного.

— Даже вспоминать не хочу, — признался Дориан. — Но тоже видел собственными глазами. Арин рисовал все с моих слов, не зная, что именно изображает. Стоит отдать должное, результат получился очень похожим на то, что я помню.

— Ну и что это такое?

Дориан ухмыльнулся и подался чуть вперед, будто хочет по секрету раскрыть некую тайну. А затем, неожиданно воскликнул:

— Не скажу.

И довольный собой отправился в столовую. Камилла пошла следом, где, как оказалось, на столе одиноко стоял кубок и кувшин с недопитым вином. Глава, увидев, что она решила составить компанию, пояснил:

— Я даже Велимиру этого не рассказывал. Да и вряд ли он поверил бы.

— Расскажи, я поверю, — попросила Камилла.

Любопытство взяло верх, и теперь она не собиралась уходить ни с чем. Нужно же, наконец, узнать, что за существо каждый день смотрит на неё с картины на первом этаже? Дориан вдумчиво взглянул и наполнил пустой кубок вином, почти полностью.

— Ладно, — согласился он. — Если выпьешь, то расскажу. До дна.

Камилла посмотрела на кубок и взяла в руки. Пить не хотелось. Но, похоже, это стоило того. Пусть Дориан получит то, что хочет. Она медленно осушила кубок, чувствуя, как её вновь начинает слегка пошатывать. И присела на свободный стул. Вино оказалось крепким, но не таким противным, как в первый раз. Дориан принял это за готовность и сел напротив.

— Тебе мама в детстве читала страшные сказки перед сном? — спросил он.

— Моя мама не умела читать.

— Ах да, я и забыл, — Дориан небрежно махнул рукой. — Тогда слушай, сейчас будет одна из них.

Глава 8. Незнаемый

Дориан налил себе полкубка и мгновенно осушил, а затем начал рассказ:

— В одной небольшой деревушке жила мама с мальчиком, который постоянно любил баловаться, нарушать запреты родителей, обижал сверстников. И ничто не действовало на него: ни угрозы, ни предупреждения, ни наказания. Конечно, все это работало, но только на определенное время. Мальчик успокаивался, а через пару дней опять начинал шалить. Однажды перед сном мама села возле кровати сына и сказала: «Если будешь продолжать так себя вести, то придет ночью незнаемый, украдет душу и перевоплотится в тебя, сына моего. И будет жить твоей жизнью, добрым, послушным мальчиком». Не поверил маме сын, продолжил баловаться. И однажды ночью, когда мальчик не спал, в дверь громко постучали...

— Это что, сказка такая? — не выдержав, перебила Камилла.

— Да, — Дориан наполнил вином кубок. — Мальчик услышал стук в дверь, испугался и побежал будить родителей. Мало ли какой незнакомец пришел поздней ночью? Но ни мама, ни папа упорно не желали просыпаться. Слишком крепко уснули. Мальчик взял себя в руки, подошел ко входу и спросил: кто там? А старческий голос ответил: «прошу, подайте поток воды, не откажите, и доброта вернётся к вам сторицей». Мальчик открыл дверь, а на пороге стояло существо доселе невиданное...

— Извини, — вновь перебила Камилла. — А зачем он дверь открыл?

— Откуда я знаю? — огрызнулся Дориан и продолжил загадочным тоном: — В сказке так было. Ну, так вот. Было то существо отдаленно похоже на человека. Руки и ноги неестественно длинные, кожа будто у покойника, глаза горят. Это явил свой лик незнаемый, бродивший по земле в поисках человеческой жизни и своего воплощения в юном теле. Забрал он душу мальчика, а сам перевоплотился в него. Но мама узнала обман на следующее же утро, увидев, как странно ведет себя сын. Побежала она, ни слова никому не сказав, к священнику, молить о помощи. Провели они древний обряд, изгнав незнаемого и вернулся к матери родной сын. Конец.

Дориан пододвинул Камилле наполовину полный кубок. Но пить не было желания. Глава не настаивал и поспешил пояснить:

— Чтобы ты понимала: цивилизация древних, жившая на континенте до нас, обладала колоссальными знаниями. Многие до сих пор пытаются изучать их записи. Далеко ходить не надо, в Палеонессе полно исследователей, ищущих артефакты и расшифровывающих трактаты. Но только настоящие потомки Малеона, благословлённые, при помощи обрядов, могут притворять невозможное в жизнь. То, что я видел собственными глазами, было плодом экспериментов над людьми. Неудачных экспериментов. Попытки превратить подопытных в того, кто способен убить человека, а затем, один в один воплотить его внешний облик. Они называли это существо Нирту, что на языке древних означает «незнаемый».

— Такого не существует, — насмешливо отмахнулась Камилла.

— Верно, — согласился Дориан. — Человек верит в картину мира, о которой знает с детства. Сказки зачастую кажутся поучительной выдумкой. Но я многое видел. Больше, чем кто-либо. Видел ужасные вещи, от которых кровь стынет в жилах. И эта картина одна из них. Эксперимент потерпел неудачу. Существо, сотворенное в результате сложного обряда,

обезумело и принялось со звериной жестокостью убивать всех вокруг. Мне повезло спастись. Это было счастливым стечением обстоятельств.

О подробностях жуткого нападения Камилла знать не желала. И вместо этого спросила другое:

— Но для чего нужно калечить жизнь человека, пытаюсь сотворить подобное?

Дориан многозначительно пожал плечами.

— Много для чего. Раскрыть человеческие границы, познать неизведанное, получить возможность жить вечно, в конце концов. Я не задавал вопросов. Да и свидетелем того обряда стал по воле случая. Никто не приводил меня за ручку посмотреть на использование тайных знаний, за которые многие не постеснялись бы убить.

— Ты потому здесь, верно? — спросила Камилла. — Потому что знаешь какие-то тайны?

Глава в ответ лишь рассмеялся.

— Ну, ты умеешь удивить, — похвалил он, затем огляделся вокруг. — Знаешь, иногда я сижу здесь один ночью в тишине и размышляю над жизнью. Вспоминаю что-то хорошее, что со мной происходило, оглядываюсь назад. Только выпить особо не с кем. Если хочешь, оставайся, расскажу. Возьмем ещё вина.

— Нет уж, спасибо, — решительно ответила Камилла. — Пойду-ка я спать. Доброй ночи.

Хватило ей и алкоголя, и жутких историй, в коих непонятно где правда, а где вымысел.

Время шло. Велимир сказал, что больше не будет тренировать Камиллу, так как она выучила основные приемы и запомнила много теории. Пришло время самостоятельных тренировок. Помимо этого нужно было ещё успевать помогать Мирине и хоть изредка читать перед сном.

В один из дней на стрельбище, во время тренировки, она заметила как неподалеку шестеро ребят наблюдали за интересным соревнованием. Дориан состязался в меткости с одним из молодых. Кто такой, Камилла толком не знала, они лишь обменивались парой фраз из вежливости, когда встречались в коридорах.

Парень стрелял точно, под гул и радостные выкрики собратьев. И не уступал Дориану. Камилла то украдкой наблюдала за дружеской атмосферой, то напоминала себе о том, зачем пришла на поле. Они стояли в два раза дальше от мишени и попадали, а у неё все ещё не было уверенности в собственной меткости.

Вскоре Дориан отдал пару золотых в руки парню под общий гул. «Ты, смотри, уже молодняк начал уделывать», — кому-то в шутку пожаловался глава. Камилла решила не отвлекаться, кладя стрелу на тетиву и прицеливаясь в свою мишень. Она концентрировалась на цели слишком долго и начала передерживать тетиву, рука затряслась. Мишень красовалась, казалась бы, совсем недалеко, но все ещё была недостижима. Стрела полетела в цель — не точно в самую середину, а куда-то сбоку.

Это казалось бессмысленным. Она решила передохнуть и села на землю, глядя на безоблачное небо и вспоминая детство.

Иногда, летними ночами, дети собирались возле костра, послушать истории взрослых. Мама Камиллы особо не знала никаких сказок и не читала книг, поэтому рассказывала историю об императоре Малеоне. Занятно, но многие дети слушали её с большим интересом.

Это было почти тысячу лет назад. Когда на континенте властвовал единый правитель и люди жили в мире и гармонии. Подданные императора нашли на континенте следы существования древней цивилизации, жившей до нас. Исследователям удалось расшифровать некоторые их письма. И император Малеон подарил всем людям знания древних о семи дарах. Эти знания не только сохранились, но и дали человечеству путь, по которому оно двигалось всё это время. Каждый из даров по своему уникален и имеет своё название: блуждающий, предвестник, душегуб, клеймитель, нюхач, угнетатель и неприкаянный. Малеон основал школы, где люди приходили и обучались дарам. Началась новая эпоха и новое летоисчисление.

Сейчас на континенте три больших государства, миром правят деньги и власть, а дары стали частью общества. Для аристократии это инструмент контроля и власти, для среднего сословия — способ заработка и гарантия безопасности. А такие, как Камилла и все те, с кем она жила в коммуне, не могли позволить себе учиться чтению и письму, не то что дарам. Да и за всю жизнь любой человек может выучить и пользоваться двумя — тремя дарами, не больше, и обучаться следовало с раннего детства. Одним обучиться проще, другим — сложнее. А для некоторых нужна определенная предрасположенность. Можно сказать, талант. Часто бывает и так, что в богатых семьях обучение дару переходило из поколения в поколение.

Мама верила, что однажды у всех будут равные права и возможности. Может быть, откроют школы, где будут обучать дарам и любой желающий сможет туда пойти. По крайней мере, так она говорила детям. Но Камилла знала, что это была ложь.

А те в ответ радостно улыбались, а потом с энтузиазмом спорили, какой дар лучше и кто кем хотел бы стать.

Глава 9. Задание

В покоях старшего общины на втором этаже было спокойно и тихо. Камилла сидела на привычном месте за столом прямо напротив Велимира, а Дориан неспешно ходил возле окна из угла в угол, скрестив руки на груди.

— Мы тебя позвали из-за одного очень важного дела, — старик первым нарушил тишину, обращаясь к Камилле. — Есть одно задание.

— Задание?

— Совершенно верно.

Камиллу это удивило. Когда её позвали поговорить, она решила, что случилось что-то незначительное. Но что же это может быть?

Дориан остановился, наблюдая. Вспомнилось, как старик разбирался с артистами бродячей труппы, а ещё как она с Дорианом ходила убивать солдат ордена Нефритовой зари.

— А, я знаю, что за задание, — сказала Камилла. — Мирина не справляется, надо пойти помочь ей посуду помы...

— У тебя мозги есть вообще? — агрессивно прикрикнул Дориан.

Камилла, не ожидая такой реакции, отпрянула назад прямо на стуле, хотя он к ней и не приближался. И поспешила пояснить:

— Я пошутила просто. Чего сразу злиться-то?

— Не обращай внимания, пожалуйста, — отмахнулся Велимир. — Видишь ли, когда он волнуется, то зачастую срывает на ком-то злость. Это своего рода защитная реакция. Как в сражении.

Дориан не отреагировал на слова старика.

— Однако, положительный настрой — залог успеха, — позитивно прокомментировал старик. — Но, боюсь, это будет не так просто сделать, как кажется.

— Убить кого-то нужно? — не выдержала Камилла.

— Да. Убить.

В комнате повисла тишина. Велимир некоторое время сидел, пытаясь подобрать слова и обдумывая, как лучше начать.

— И этот кто-то — важная персона? — допытывалась Камилла.

— Расскажу обо всём по порядку, — остановил её старик и пододвинулся ближе к столу. — В центральной провинции есть замок, называется Браго, скорее всего ты слышала о нём. В этом замке всегда жил древний род Рокстерли. В том числе и император Норберт в своё время. Сейчас бразды правления центральной провинцией готовится взять одна из его дочерей, Лира Рокстерли, сменив родного дядю. Также, в замке живет и служит мой старый друг и бывший соратник по ордену — советник Вилберн, который обратился к нам за помощью. Одна из его преданных служанок нашла письмо, в котором сказано, что с Лирой нужно покончить раньше, чем она взойдёт на престол. И это поможет североземцам вновь попасть в земли Гальрада.

— Что-то я не понимаю, — Камилла на мгновение задумалась над тем, что услышала.

— Против девочки готовится заговор, — поспешил пояснить Велимир. — Её хотят убить.

— Это понятно, но получается у них там шпион с севера? — спросила Камилла. — На севере ведь люди живут племенами. Разве нет?

Пока Велимир подбирал слова, Дориан вступил в разговор:

— На самом деле политикам Гальрада мало что известно о том, кто там живет. Много лет назад император Норберт отправлял на север исследователей, а затем произошло нападение на северную провинцию. Все потому, что на севере есть один могущественный благословлённый, который объединил все кланы и сплотил народы. Во время нападения североземцы взяли в плен много женщин и детей, что позволило выучить наш язык за долгие годы.

В голове у Камиллы закрутилось множество мыслей. И откуда Дориан вообще мог знать, что когда-то давно сам император Норберт посылал на разведку исследователей?

— Я был там и лично видел её, — сказал Дориан, будто прочитав мысли. — На севере живет девушка, которая сплотила североземцев, дала знания, которых у них не было.

— Хорошо, допустим, — приостановила его Камилла. — Допустим, это все правда. Тогда выходит, вы хотите, чтобы я проникла в самое защищенное место в государстве, обнаружила и убила неизвестного нам врага. И при этом вернулась обратно живой?

— Я, конечно, более обширно всё это изложил, — ответил Велимир. — Но, в целом, всё верно.

Камилла не могла понять толком, что ощущала. Возможно, это был страх или даже предвкушение. Никогда ещё раньше ей не доверяли ничего настолько серьезного. Речь, несомненно, шла о судьбе всего государства.

— Но почему я?

— Видишь ли, Вилберна я знаю ещё со времен службы в ордене Палеонесской розы. Ему повезло попасть в Браго и занять достойное место среди советников Рокстерли. Однако в замке друзей у него практически нет, разве что несколько преданных слуг. Так уж совпало, что недавно дочерям покойного императора Норберта понадобилась новая... как бы правильно сказать? Воспитательница. Вилберн порекомендовал совету свою хорошую знакомую госпожу Фриду и предложение приняли. Это единственная возможность попасть в замок. Сама понимаешь, мы не можем прийти туда и сказать: «У вас тут шпион». Нас туда даже не пустят.

— И вы хотите, чтобы я притворилась этой Фридой? — начала догадываться Камилла.

— Именно так.

— Нет, мы можем, конечно, Мирину попросить, — начал Дориан.

— Дориан, остынь, — попытался успокоить друга старик.

— В замке никто другой не может помочь этому советнику Вилберну?

— Как я сказал, у него там мало друзей и не очень много влияния, — терпеливо объяснил Велимир. — Дело осложняется тем, что служанке не удалось прочитать письмо до конца. Она успела увидеть только несколько строк и безопасно скрыться, доложив советнику Вилберну. Так что от кого или кому было это послание мы не знаем. Но, оно находилось в кабинете старшего советника. А он руководит всеми делами и остальными советниками в отсутствие хозяина замка, который не был дома последние полгода.

— Что значит, несколько строк? — резко уточнила Камилла. — Она точно уверена в том, что видела?

— Да, мой друг ручается за неё. Она решила не попадаться на глаза и не рисковать. И, возможно, поэтому все ещё жива. Если настолько влиятельный человек, как старший советник, лично замешан в заговоре против дочери покойного императора, доверять там нельзя никому. Поэтому Вилберн и просит помощи со стороны.

— Я, конечно, сочувствую вашему другу, но это довольно рискованно, — честно призналась Камилла. — Разве вы сами не понимаете, чем это может закончиться?

Дориан подошел ближе к Камилле и на этот раз спокойно попытался объяснить:

— Это закончится ещё одним вторжением североземцев в Гальрад. Они долго копили силы и скоро, возможно, готовы захватить государство. У границы с северной провинцией много труднопроходимых болот и есть только одна дорога в земли севера. Единственное, что им мешает там пройти — аванпост ордена Нефритовой зари, охраняющий границы северной провинции. Когда управительницей была Оливия Рокстерли, в провинции творился полный беспредел. Сейчас там правит её брат — Грейнор, но говорят, что он оставил все на советников, а сам странствует по Гальраду.

— Что-то я немного запуталась, — призналась Камилла.

— Вилберн говорил, что управитель Грейнор очень любит дочерей Оливии и всегда был в хороших отношениях с Норбертом, — пояснил Велимир. — Это человек чести, который не пошел бы на сговор с врагом. Возможно, ему угрожали, и он решил скрываться до окончания своего правления. Вилберну об этом ничего неизвестно. У нас самих больше вопросов, чем ответов. Наверняка понятно только одно: североземцам нужна смерть Лиры Рокстерли. Определенно.

— Что случится, если североземцам удастся убить эту Лиру? — спросила Камилла.

— Ничего хорошего, — безрадостно ответил Дориан. — Они, как мы предполагаем, нашли союзника в лице старшего советника в Браго и не хотят допустить Лиру Рокстерли к управлению провинцией. Нужные им люди останутся у власти. То, что произошло с твоей деревней, будет со всем государством. Мужчины погибнут, женщин и детей возьмут в плен. И до нас рано или поздно они доберутся. Понимаешь?

— Понимаю, — ответила Камилла. — Но, скорее всего, меня сразу же раскроют, вам так не кажется? Увидят, что я девочка из деревни, а никакая не Фрида, воспитательница, или как её там? И тогда все будет напрасно, и даже ваш друг не поможет.

— Никакая ты не девочка из деревни, — опровергнул старик. — Может, раньше так и было, но не сейчас. К тому же, воспитатель не самое худшее, что могло нам подвернуться. Гораздо лучше, чем какая-нибудь служанка. Ты будешь ближе к Лире Рокстерли, чем кто-либо еще. Наладишь контакт, разведаете обстановку. Сама Фрида Гелдер в замке никогда не появлялась и её, естественно, никто там не знает.

Наступила тишина. Камилла не верила, что это возможно. Она в замках-то ещё не бывала, а ещё и притворяться кем-то другим! Наверняка, эта Фрида богатая, знатная особа, иначе бы её кандидатуру даже не рассматривали. И ещё наверняка у неё есть дети.

— Задумалась о чем-то? — спросил Велимир. — Неизвестность пугает. И меня пугает не меньше, поверь.

— Просто пытаюсь представить все это, — призналась Камилла. — Я там буду совсем одна. И вообще, почему тогда старший советник все ещё не убил эту Лиру Рокстерли? Он уже давно мог с ней расправиться.

— Хороший вопрос, — сказал Дориан на этот раз спокойно. — В замке полным-полно людей, а рядом с Лирой Рокстерли много охраны.

— Так что ты думаешь по поводу этого всего? — подвел итог Велимир.

— Это будет непросто.

— Да, непросто. Но ты ведь не сказала нет.

— Верно, — Камилла посмотрела на него. — Не сказала.

Она до конца не знала, как относиться к услышанному. Проблемы девочки, которую хотят убить — это её проблемы, несомненно. Но одна только мысль о том, что начнется война между Гальрадом и Северными землями приводила в ужас. Люди, которых Камилла ценила и любила, с которыми работала в одном поле, спала под одной крышей, знала с самого рождения, пали от рук безжалостных североземцев. Подобное тяжело принять.

И теперь североземцы, сломавшие ей жизнь, вторглись в Гальрад. Но на этот раз иначе. Теперь они действуют тайно. Но враг есть враг.

Сердце подсказывало, что если сейчас не использовать этот шанс, другого уже не подвернется.

— Я сделаю это, — глухо сказала Камилла, и собственный голос показался чужим.

День близился к вечеру. Велимир сообщил, что завтра утром за Камиллой приедет карета. Всю оставшуюся часть дня они сидели и учили информацию о Фриде Гелдер — состоятельной девушке из центральной провинции, счастливой матери двоих детей. По удачному стечению обстоятельств, Фриду выдали замуж в самом раннем возрасте, позволительному по закону — шестнадцать лет. Поэтому она старше Камиллы всего лишь на три года. Камилла запомнила самое основное, чтобы легко отвечать на вопросы о себе в случае, если кому-то взбредет в голову что-либо спросить. Как зовут её детей, мужа и ближайших родственников, откуда родом, как обстоят дела с деньгами. Но это оказалось ещё не все.

— Одно время ходили слухи, что советник Двейн владеет даром предвестника и умеет чувствовать ложь, — сказал Велимир. — Все таки, он был правой рукой императора. Но это в прошлом. Двейн уже давно отсиживается в замке в собственных в покоях и не вступает в политические распри. А без периодической практики сложно удерживать умение на должном уровне.

— А, вы, тоже можете чувствовать ложь?

— Нет. Видишь ли, мы с Двейном разные, хоть и обладаем одним и тем же даром. Таких, как я, называют предвестник побуждения. Я умею всего лишь чувствовать намерение напасть, и меня сложно застигнуть врасплох. А Двейн — выходец из влиятельной семьи, многие поколения которой участвовали в политической жизни провинции. Такие обучаются чувствовать ложь с самого детства.

— Значит, он может меня раскрыть, — испугалась Камилла.

— Нет. Не бойся, я же сказал, что он давно не практиковался. К тому же, ему незачем тебя проверять, ведь ты — воспитательница, прибывшая по приглашению одного из советников. Просто говори о себе естественно. Представь, что ты и в самом деле Фрида Гелдер. Забудь на время, кто ты на самом деле и сможешь всех обмануть. А теперь, давай ещё раз.

Камилла пыталась верить, что является Фридой Гелдер из центральной провинции, и старалась правильно отвечать на заковыристые вопросы. Попутно Велимир давал наставления, как вести себя в высшем обществе. Камилла слушала и старалась все запомнить. В Браго прибывает множество гостей из столицы и с других провинций, чтобы засвидетельствовать принятие Лирой Рокстерли престолонаследия. Среди толпы нетрудно затеряться. Стоит только поменьше говорить и побольше слушать.

Они взяли перерыв, и она решила немного поспать. Усталость дала знать о себе.

Камилла понялась в свою комнату и легла на привычное место возле окна, когда

Мирина уже спала. Несмотря на волнительный вечерний разговор, тренировки во лжи и множество попыток представить, что будет в ближайшие дни, сон пришел быстро.

Когда кто-то легонько толкнул её, на улице уже светало.

— Пора, — тихо сказал Дориан, чтобы не разбудить Мирину.

Камилла поднялась с кровати и увидела, что глава пришел не с пустыми руками.

— Я хочу тебе кое-что дать.

Тело всё ещё отказывалось просыпаться, но Камила поднялась с кровати, увидев, что Дориан держит свой личный меч и какой-то свёрток. Она молча взяла оружие и почувствовала невероятную легкость. Рукоять уверенно легла в руку, меч плавно вышел из ножен. Она увидела лезвие, красиво исписанное теми же иероглифами, что и на ножнах.

— Это глифы, — пояснил Дориан. — Меч не раз спасал мне жизнь.

— Он прекрасен.

— Без него даже не возвращайся, — предостерег Дориан. — Ещё одного такого же у меня никогда не будет. И надеюсь, он поможет тебе вернуться невредимой.

— Спасибо, — ответила Камила. — Буду беречь.

— Как прибудешь в замок, отдай меч на хранение Вилберну или надежно спрячь. И ещё кое-что.

Он протянул свёрток бумаги, красиво завязанный и скреплённый сургучной печатью.

— Это приглашение в замок Браго для Фриды Гелдер. На нём печать рода Рокстерли с ястребом, их фамильным гербом. Её невозможно подделать. Предъявишь приглашение одному из советников, и стражникам на входе, если потребуется.

Камилла аккуратно взяла свёрток в руки и положила на кровать рядом с собой, чтобы не забыть.

— Сегодня ночью мне не особо спалось, — сказал Дориан. — Я открыл кое-какие старые книги и нашел, что означает твое имя на языке древних.

— И что же?

— Скажу, когда вернешься.

Глава 10. Община

Небо заволокло тучами, когда Дьюк вышел из таверны «Холодная ночь» и направился к выходу из небольшой деревушки в сторону леса. Парень выглядел достаточно неприметно: на вид лет двадцати от роду, грубая застиранная рубаша, туго заправленная в потертые штаны, и выдавший лучшие времена дорожный плащ с широким мешковатым капюшоном. Ничего интересного и необычного в его внешности не было, выделялся лишь слегка сверкающий меч, который то и дело мелькал в широких складках плаща.

Стоял теплый летний вечер. Повеяло привычной прохладой, и дышать стало легче. Эту местность он уже успел хорошо изучить за последние несколько дней. Неприметная тропа тянулась вглубь леса, затем резко уходила вправо, где путь лежал сквозь густые кусты и ряд деревьев за которыми скрывалась маленькая неприметная поляна.

— Эй, парень, — послышался знакомый голос.

Дьюк осмотрелся и увидел на пне возле дерева Вайна, с которым знался уже не первый год.

— Удалось узнать что-нибудь?

— Не то чтобы, — ответил Дьюк. — Тот капитан Малеонского ордена явно владел информацией, но не слишком много говорил, а сопровождающая пара воинов ещё меньше.

— Кое-что лучше, чем ничего. Хорошо, что тебя они в лицо не знают.

На языке древних имя «Вайн» дословно означало «исцеляющий душу». Что весьма символично, поскольку он был не только хорошим воином, но и отличным лекарем. Сколько его знал Дьюк, Вайн не стремился попасть домой, потому что один из членов семьи всегда оставался рядом — младший брат, Габор. Вайн носил длинную темную бороду и густые волосы. В душе был добр, умел подбодрить и разбавить тоску.

Отвлёкшись от собственных мыслей, Дьюк заметил:

— Не зря мы решили подслушать их разговоры именно там, в таверне.

— Это да, — согласился Вайн и крикнул в сторону поляны. — Эй, ребята, наш парень вернулся!

Дьюк всегда считал, что ему незаслуженно повезло, потому что он повстречал хороших людей в своей жизни. Небольшая община, состоящая из пяти воинов, в какой-то момент стала для него семьёй. В ней все без исключения были добры к Дьюку с того самого дня, как нашли его в лесу, уставшего, обессиленного и голодного пять лет назад. Он мог натолкнуться на кого угодно: контрабандистов, убийц, бандитов. Мог запросто заблудиться и не выбраться из леса, мог умереть с голоду. В один из злополучных дней, когда родителей убили, смерть подобралась слишком близко.

Но его нашли.

— Как дела? — спросил пожилой Божко вышедший из палатки навстречу.

В любой семье, как и в любой общине, должен быть лидер. Им был Божко. Он умел разрешать конфликты, споры, которые иногда возникали. И в общине он был самым старшим, поэтому братья между собой его в шутку называли «стариком». Сам Божко всегда ходил и говорил неторопливо. В волосах, как и в густой бороде, появлялись ниточки проседи, а на лице — морщины.

Дьюк решил, что следовало бы поскорее переодеться и двинулся к своей палатке. Заменив бесформенное тряпье, на привычный походный комплект одежды, он вновь

почувствовал, как ткань приятно ложился на кожу. Дьюк всегда чувствовал себя в ней комфортно.

И пока он это делал, Божко уселся рядом и нетерпеливо спросил:

— Удалось что-нибудь выяснить?

— Не совсем, — признался Дьюк. — Мне ничего не удалось узнать о госпоже Оливии, но зато один из капитанов обмолвился, что доставил в родовое имение Рокстерли какого-то важного человека. И ещё сказал, что теперь они возвращаются к своему господину.

— Какого-то важно человека, — Божко задумался. — Капитан и несколько солдат сопровождающие кого-то в экипаже в родовое имение, в котором никто не появлялся долгое время? Интересно, не правда ли?

— Да, очень, — неохотно отозвался Дьюк и почувствовал лёгкую усталость.

— Вот сегодня заглянем в гости к Рокстерли и узнаем, — подытожил Божко.

Дьюк много путешествовал с общиной между поселениями и городами. Ему встречались разные люди, общины побольше и поменьше, бродячие труппы артистов, служители различных орденов, торговцы и просто одинокие путники.

Дьюк, самый молодой из всех, не участвовал в обсуждениях, куда отправиться в очередной раз, и доверял выбор братьям. Ему было всё равно, главное всегда быть вместе. А все разговоры сводились к тому, в какую провинцию отправиться на заработки, где больше заплатят за перекупку товаров, в какой таверне лучше переночевать. В основном община зарабатывала перепродажей из одной провинции в другую, переноса товары через северо-восточный тракт. Реже работа подвораживалась в поселениях и городах, мимо которых пролегал путь.

За что точно Дьюк оставался совершенно спокоен, так это за безопасность во время этих передвижений. Божко и его община раньше были служителями ордена, который подчинялся напрямую управителю центральной провинции государства Гальрад, а позже — императору. Каждый из них умел за себя постоять и знал своё дело. Божко и Дьюка сумел обучить сражаться.

Иногда, с наступлением темноты, когда община ложилась спать, Дьюк не мог уснуть. В такие моменты он выходил из палатки на улицу и смотрел на ночное небо. Откуда, как гласило древнее верование, мёртвые могли посылать знаки живым. Там, где-то на краю мира, кончалась вселенная и начинался Саамир — последнее пристанище умерших душ.

В свои бессонные ночи Дьюк смотрел на небо, думал о родителях. Бывало, ждал, что однажды увидит какой-нибудь знак, поймёт, что они наблюдают за ним. Однако за многие годы ничего не было, да и не всем умершим уготована дорога в Саамир. Если тело не захоронено строго по предписанию веры, душа не найдёт дорогу к последнему пристанищу и будет вечно скитаться по краю вселенной в поисках входа. А как были захоронены родители, да и были ли захоронены вообще, Дьюк не знал.

Он мог лишь сидеть у костра и гадать, что с ними стало. Окружающая тишина и темнота вокруг часто помогала успокоить мысли. Но в эту ночь община не спала. Дьюк вышел из палатки и присел недалеко от костра.

— Эй, как дела? — прозвучал радостный женский голос, и рядом на поваленное толстое дерево опустилась Эделина.

Единственная женщина в общине, которая хоть и была лет на пять старше Дьюка, вела себя иногда как ребенок. Знала неприличные шутки, быстро пьянела от вина, могла предложить поиграть в догонялки по лесу и любила тратить деньги на развлечения.

Длинные светлые волосы удачно сочетались с привлекательными чертами лица. Тем не менее похоже, что пять лет назад она решила, что будет заботиться о Дьюке, как о родном младшем брате. И раньше постоянно пыталась его опекать: когда была возможность, готовила всякие вкусности, рассказывала что-нибудь интересное перед сном. Эделина великолепно стреляла из лука и обучила Дьюка охоте на крупную дичь — незаменимому навыку для дальних путешествий в одиночку. В своё время Дьюк попытался осилить все тонкости этого искусства, хоть стрельба и не была ему по нраву.

— Эда, иди сюда, проверь все ещё раз, — позвал Божко.

Эделина лукаво улыбнулась и направилась в палатку, а Дьюк отрывисто услышал воодушевленное предупреждение старика:

— Только смотри осторожно, никакого огня! Одна шальная искра и мы взлетим на воздух...

— Дьюк, готов сегодня повоевать?

Вайн отвлек от мыслей о том, что там может быть настолько взрывоопасным.

— Готов, только что именно нужно делать?

— Тебе? — Вайн весело усмехнулся и пожал плечами. — Ничего не делать. Будешь идти сзади нас, прикрывать тыл. Мы сами всё сделаем, не переживай.

— Будто нападение на особняк управителя такое лёгкое дело, — возмутился Дьюк. — Ты так просто об этом говоришь, и никто даже не переживает ни о чем!

— И ты должен подхватить настрой, — ответил Вайн. — Ребята давно не сражались по-настоящему. Тем более, не будем мы там ни с кем драться. Так... Забежим, покричим, оружием помашем немного — и всё. Они сами сдадутся. Что думаешь, кому-то умирать охота понапрасну?

— Да? — удивился Дьюк.

— Ага. Ну, конечно, — саркастически подхватил проходивший мимо Габор, который слышал речи старшего брата.

Дьюк готов был поклясться, если бы община подалась на служение в какой-нибудь крупный влиятельный орден, их бы всех до единого приняли с распростёртыми объятьями. Дали бы место для ночлега, хорошее жалование. Дьюк тоже умел сражаться и, казалось бы, неплохо. Однако переживал, ведь в настоящем бою бывать ещё не доводилось.

Много лет назад Божко и его община служили в ордене и роскошно жили. Дьюк бы и не встретился с ними никогда, если бы однажды власть в провинции не поменялась и во главе не встала леди Оливия Рокстерли. Божко, бывшего магистра ордена, изгнали, а сам орден распустили.

О семье Рокстерли последние несколько лет ничего особо слышно не было. Лишь известно, что леди Оливия передала правление Грейнору Рокстерли. По слухам, последние полгода он постоянно скитался по провинции между своими имениями и никому не показывался на глаза. Община желала мести. Леди Оливия потеряла свою власть и вполне могла стать уязвимой мишенью. Месть — цель неблагородная, но изгнание кого угодно сделает неблагородным. Поэтому однажды, когда община случайно натолкнулась на экипаж с гербом рода Рокстерли, оказавшийся на окраине провинции, Дьюка подослали узнать хоть какие-нибудь сведения.

Глава 11. Приходящий из ниоткуда, уходящий в никуда

Когда собратья подошли к особняку, вооружённые и подготовленные, на небе уже была видна луна. Они пряталась в тени, в окружении деревьев.

Особняк находился на внушительном расстоянии от деревни, жилых домов и посторонних глаз. Высокие окна, три этажа, каменные стены, металлическая ограда, ухоженный маленький сад прямо перед входом. В некоторых окнах горел свет. Божко рассказывал, что там должны быть слуги, конюхи, горничные. И, конечно, стражники. Двое из которых в лёгкой броне и накидке Малеонского ордена, стояли прямо у ворот.

Дьюк любовался особняком из засады и пытался представить, насколько скучно жить одному в таком огромном доме, если денег на прислугу не будет? Наверняка там ему было бы очень-очень одиноко.

— Парни, а чей это дом? — послышался притворно-пьяный голос Габора, вышедшего со стороны деревни.

Дьюк увидел, как он, слегка пошатываясь, медленно подошёл к двум охранникам возле ворот.

— Тебе какое дело? Разворачивайся и убирайся отсюда, пока цел! — один из стражников напрягся, да и второй схватился за рукоять меча.

Габор всё это прекрасно видел, но подошёл почти вплотную и снова спросил:

— Нет, ты мне ответь, чей это дом?

— Слушай, я тебе ещё раз повторяю...

Больше он ничего не успел сказать. Габор одним быстрым и точным движением воткнул нож стражнику в горло, и пока тот падал, сразу же ударил второго. Хоть они и были настороже, никто не успел вынуть из ножен оружие или просто крикнуть и уж тем более заметить в темноте лезвие в руке нападавшего. Дьюк вышел из укрытия вместе с остальными, убедившись, что путь свободен. Они тихо открыли ворота и пробрались в сад, затащили тела стражников за куст, где невооружённым взглядом их не было видно.

Пробравшись внутрь здания, Вайн и Габор шли впереди, вооружившись широкими башенными щитами и мечами, за ними — Эда с луком, потом — Божко и последним — Дьюк. В парадной были люди. Пара стражников накиннулись на собратьев, кто-то закричал и побежал, началась суeta. Вайн, Габор и Эда, стрелявшая из-за их спин, быстро расправились с угрозой. Община, не нарушая строя, направилась на второй этаж и уткнулась в запертые двери. Они были толстые, дубовые, с родовым гербом по центру и расписными орнаментами по бокам. Зодчие постарались на славу и о защите как следует позаботились. Пробить такие снаружи — дело непростое.

— А где все люди? — недоумевал Вайн.

— Там забаррикадировались, — ответил Божко. — И когда только успели? Дьюк, ты ведь тоже их чувствуешь?

Не нужно было заглядывать в замочную скважину или прислушиваться к голосам, чтобы узнать, есть ли кто по ту сторону двери. Божко обучил его этому искусству.

— Ладно, пришло время для кое-чего секретного, — восторженно проговорила Эда полушёпотом.

Собратья отошли от двери подальше. Эда взяла плотно завернутый свёрток из

тряпичной ткани стрел с толстыми наконечниками. В нос ударил резкий запах какого-то приторного масла. Вайн взял два кремня для розжига, пока Эда заряжала стрелу, и предупредил:

— Я поджигаю, ты сразу стреляешь.

— Знаю я! — отозвалась лучница и направила лук в сторону двери. — Давай уже.

Вайн высек искру, и Дьюк увидел вспышку: обмотанная ткань на наконечнике загорелась, а в следующее мгновение, когда стрела была выпущена, дубовая дверь с грохотом разлетелась.

За дверьми стояли стражники с арбалетами, которые, очевидно, ждали, что дверь взломают, и готовились сразу же выпустить град стрел. Вот только взрыва они никак не ожидали. Вайн и Габор прикрылись щитами гораздо раньше, чем по ним начали стрелять. Община быстро ворвалась за пределы дубовых дверей единым строем. Их встретило сопротивление из пяти вооруженных солдат.

Дьюк старался не отставать, постоянно находясь в движении, и поражался тому, как собратья слаженно работали, при этом не переговариваясь. Совместные действия были отработаны, каждый знал свою роль. Однозарядные арбалеты оказались бесполезны против щитов. Несколько солдат, не успевших бросить арбалет и достать меч, первыми приняли на себя удар от братьев. Те, кто оказался попроворней, отступили назад, обнажили оружие, пытаясь защищаться, но собратья для совместной атаки им так и не удалось.

Всё это происходило настолько быстро, что Дьюк так и не успел вынырнуть из-за спин собратьев, чтобы помочь. Оставшиеся стоять на ногах стражники просто сдались, признав поражение.

Каждый, кто становится служителем ордена в качестве солдата — каждый наёмник, служащий в гарнизоне или вооружённый стражник у ворот, — мог нарекать себя воином только после того, как пройдет на своём воинском пути три испытания: увидит смерть, переживёт бой на смерть и принесёт смерть.

Дьюку уже доводилось видеть смерть и в гораздо больших масштабах, чем сегодня. Тогда, пять лет назад, североземцы пересекли границу одной из провинций и напали на местных жителей. Никто не ожидал серьёзной угрозы со стороны северных земель. Считалось, что территория тех земель пустынна, почва неплодородна и там попросту никто не живет.

И всё же североземцы вторглись в земли северной провинции Гальрада. Грабили деревни, сжигали дома, убивали мужчин, забирали в рабство детей, резали скот. Это было одно из самых кровавых событий в истории государства за последние века. Благо, им не удалось продвинуться далеко. Глава государства Норберт Рокстерли, правящий в Гальраде на тот момент, и его солдаты ордена Альстеир прогнали североземцев с родной земли.

Божко, как магистр ордена, принимал участие в этой битве, но говорить о тех событиях не любил и в ответах на вопросы был немногословен. Его брата, служившего тогда в ордене, убили. Да и Габор с Вайном пострадали.

Дьюку не повезло родиться и вырасти в северной провинции Гальрада, за границами которой заканчивалось государство. Последнее, что помнил Дьюк, покинув родной дом целых пять лет назад, были крики матери, трупы, валяющиеся на грязной земле, воздух, пропитанный запахом крови и дыма. Дикий страх завладел его телом в тот день, заставляя стоять и смотреть на мать, которая в попытке обмануть смерть, задержала ворвавшихся в

дом убийц и приказала Дьюку бежать. Она не выжила, а что стало с отцом, Дьюк не знал, но предполагал наихудшее.

Сколько раз он корил себя за тот страх, хоть в глубине души и понимал, что сделать все равно ничего бы не смог. Да и погиб бы сам в собственном доме, если бы не близкая подруга детства, Камилла. Она схватила его за руку и выскочила на задний двор, побежав напрямик в лес.

Один из нападавших заметил их и бросился следом. Дьюк бежал без оглядки как можно быстрее, и не сразу понял, что Камилла рванула в другую сторону, отвлекая внимание преследователя на себя. Прошло очень много времени, прежде чем он добежал до незнакомой поляны и, обессилев, упал на траву. И понял, оказался совсем один где-то далеко от дома.

Дьюк не привык надеяться на лучшее, но в глубине души верил, что Камилла выжила. Они с раннего детства все свободное время проводили вместе, гуляли в лесу, бегали наперегонки, сражались на палках. Казалось, даже их мысли во многом совпадали. Камилла поддерживала мечту Дьюка отправиться в путешествие по континенту и повидать мир. Он-то знал, что как только станет совершеннолетним, сделает ей предложение. Конечно, речи об этом никогда не заводил, боялся. Но браки между жителями коммуны являлись обычным делом, и все понимали, что иначе и быть не могло. А соседские ребята, часто видевшие их вместе, иногда посмеивались и дразнили. И даже родители Камиллы хоть и были строги, всегда поддерживали этот союз, ведь Дьюк был сыном землевладельца, не обремененного оброками. Впереди ждала целая жизнь.

Единственная дверь особняка, ведущая в подвальные помещения, казалась чересчур узкой. Дьюк наблюдал за тем, как безоружные стражники, слуги, горничные и ещё непонятно кто под прицелом Эделины и злобным взглядом Габора заходили строем по одному. Внутри пахло сыростью, а помещение оказалось на удивление просторным. На стенах неторопливо догорали факелы, вдоль стены располагалась длинная железная решётка. Это была самая настоящая темница под особняком. Холодная и мрачная. Габор открыл скрипучую дверь, и пленники неохотно зашли за решётку.

И когда все пленники были уже внутри, Дьюк заметил, что здесь всё это время находился заключённый. Он стоял в стороне от всех, и полусшепотом привлёк внимание неприятным на слух голосом:

— Парень! Вы тут откуда, а?

Дьюк не торопился отвечать и попытался лучше рассмотреть заключённого в свете факелов. Тот выглядел так, будто провёл в заточении минимум несколько дней. Об этом говорила грязная, местами порванная одежда, отсутствие обуви и следы от кандалов на руках. В подвале догорали факелы, а значит, к заключённому приходили или собирались навестить сегодня ночью.

Божко научил подмечать детали, быть внимательным. Рассказать о людях могло множество вещей: внешний вид, манеры, жесты, речь, поведение. Дьюк подошёл чуть ближе, чтобы лучше рассмотреть, но заключённый и сам, поняв, что на него обратили внимание, примкнул к краю решётки и схватился за неё двумя руками.

— Я уже несколько дней ничего не ел, парень. Будь благосклонен, подай хоть крошку хлеба.

На тыльной стороне ладони заключённого Дьюк отчётливо разглядел татуировку:

распустившийся цветок розы, стебель которой неестественно обвивает лезвие кинжала. Он впервые видел этот символ, но знал, что это знак принадлежности к одному из орденов. Обычно татуировки наносились в орденах военного назначения, в которых предполагалось пожизненная или многолетняя служба.

Дьюк решил спросить про татуировку, но странное чувство, неожиданно возникшее где-то в глубине души, застало врасплох. Собственный меч на кожаном поясе у бедра будто ожил и взывал к себе, желая вырваться на свободу. На мгновение Дьюк отчетливо ощутил захватившую его ненависть. Будто человек, стоящий перед ним — враг, долгое время скрывающийся от преследования. Дьюк схватился за рукоять меча, чтобы обнажить клинок, но Эда, строго оборвала:

— Мы уходим.

Габор закрыл дверь решетки на ключ, заперев всех, кто ещё днем ничего не подозревая, выполнял свои привычные обязанности. И убедившись, что дверь заперта, поспешил наверх. Эда прихватила за руку Дьюка и направилась следом. Напоследок он услышал насмешливый голос заключённого:

— Ещё увидимся, парень.

Только теперь Дьюк облегченно выдохнул. Дело удалось и никто даже не получил серьёзных ранений. Эффект внезапности, слаженность в действиях, заготовленное снаряжение — все это сказывалась военная подготовка и тактика. И пока ребята решили перевести дух, Божко закрыл глаза и замер, пользуясь своей возможностью почувствовать других людей в особняке.

— Не расслабляемся, — предупредил Божко. — Нужно разделить и проверить дом. Ещё осталось несколько человек, которые сумели спрятаться в жилых комнатах на втором этаже. И нужно найти кабинет Грейнора и тщательно его обыскать.

— Я иду с Дьюком! — очень быстро отозвалась Эделина.

Вайн лишь усмехнулся:

— Кто бы сомневался.

— А я тогда пойду один, — сказал Габор своему брату. — А ты иди с Божко, не будем оставлять его одного.

Вайн кивнул в ответ. Габор был самый крупный из всех. Его высокий рост, широкие плечи и сильные руки выглядели внушительно. Он без труда мог управляться с тяжёлыми щитами, палицами, легко поднимал тяжёлые брёвна. И выглядел как типичный воин: короткостриженный, без бороды, всегда ходил с боевым поясом с креплением для ножен. Дьюк знал и то, что Габор не просто выглядел устрашающе, но и действительно умело использовал свои преимущества роста и силы в бою. И сегодня Дьюк увидел это собственными глазами. Братья друг другу доверяли и не боялись разойтись.

— Тогда встречаемся здесь, и попрошу никого не задерживаться надолго, — скомандовал Божко.

Эда и Дьюк сразу направились по лестнице на второй этаж. Узкий коридор вмещал несколько больших комнат, наглухо закрытых дубовыми дверями. Резные деревянные панели на стенах, ковёр с симметричными узорами на полу, несколько красивых портретов — всё вокруг кричало о достатке. Наверняка в комнатах были и камины, и большие удобные кровати.

Дьюк услышал скрип двери и обернулся. За дверью кто-то стоял и прислушивался к шагам в коридоре, нечаянно выдав себя. Эделина резко открыла и быстро перехватила лук,

прицелившись в жертву. Похоже, это был кто-то из прислуги, безоружный и до жути напуганный. Одинокó спрятавшийся в одной из комнат во время нападения.

— Выходи давай! — крикнула Эда, направляя на мужика стрелу. — Пошёл!

Он молча поднял руки вверх, и Эда повела нападавшего к остальным, в темницу, держась в двух-трех шагах. Дьюк последовал за ней, слушая бормотания пленного и просьбы не убивать. Проводив Эделину взглядом до двери подвала, Дьюк направился напрямиком в холл, где остальные уже собрались.

Подойдя к дверям, к своему удивлению, он отчётливо услышал девичий голос:

— ...если вы пришли сюда грабить, то прошу, отпустите ни в чём неповинных слуг и забирайте, что хотите!

Дьюк тихонечко вошёл в холл, но никто и не обратил на него внимание. Габор, Вайн, и Божко уже были на месте. Напротив последнего стояла девушка в красивом зелёном платье с узором из мелких жёлтых цветочков, возрастом чуть младше Дьюка. Судя по одежде, это точно была не служанка, а представительница знатного рода. Дьюк на мгновение застыл, не в силах оторвать взгляд. Длинные расчёсанные волосы, узкая талия, на шее ожерелье, ухоженные ногти и чистые руки. Она боялась, но старалась держать себя в руках.

— Мы не причиним вам вреда, — сказал Вайн.

Взяв себя в руки, Дьюк уже хотел заявить о своём возвращении, но Божко неожиданно спросил:

— Позволь спросить, Лира, что ты здесь делаешь? Ты ведь должна быть дома, в Браго.

Девушка оторопела от такого вопроса, и некоторое время в холле особняка стояла тишина. Она всмотрелась в полное морщин лицо старика и неуверенно спросила:

— Дядя Божко?

— Последний раз мы встречались, когда ты была ещё совсем юной девочкой.

— Я думала вы давно служите в каком-нибудь ордене и живёте своей жизнью. Зачем вы проникли сюда и упекли моих подданных в темницу? — осторожно спросила девушка.

Габор подошёл чуть ближе и решил прямо спросить:

— Госпожа Лира, пожалуйста, скажите, где сейчас ваша мать?

— Зачем вы её ищете?

— Она изгнала нас с этой земли шесть лет назад, — уклончиво ответил Божко. — Восстановить наши права может только управитель. Встретиться с управителем или его советниками и раньше было очень сложно. А Грейнор последний год скрывается от всех и скрывает других членов семьи. Вот почему мы здесь. Нам нужна Оливия Рокстерли.

Девушка глубоко вздохнула и ответила:

— Что ж, тогда вы опоздали: боюсь, мама скончалась уже как полтора года назад.

— Мои соболезнования, — тихо сказал Божко.

На мгновение все замолчали. Лира заметила Дьюка и с интересом посмотрела на него. Он уже хотел было что-то сказать, но госпожа снова обратилась к Божко:

— А почему вы не обжаловали обвинение?

— Обжаловали? — эмоционально воскликнул Вайн, но Божко присмирил его взглядом, а затем засучил рукав правой руки.

Там виднелась небольшая татуировка — разделенный надвое круг. На одной половине знак изгнанника, запрещающий посещать пределы центральной провинции, на другой пустота. Увидеть такой доводилось нечасто. И ещё реже со знаком помилования на второй половине круга.

— Нас изгнал управитель и только он может обжаловать приговор, — пояснил Божко. — Закон запрещает нам появляться в центральной провинции, хоть и при большом желании всё возможно. И даже в твой родной замок в столице есть тайный путь. Но, мы всё это время выжидали.

Только он успел закончить фразу, как в холл влетела Эделина и выглядела она довольно напуганной. Судя по всему, она бежала сюда со всех ног и теперь, пытаясь отдышаться, промолвила:

— Там такое... Трупы, кругом!

Эда перевела взгляд и заметила госпожу Лиру, и, судя по выражению лица, узнала её. На мгновение Дьюку показалось, что это был взгляд, наполненный нескрываемой ненавистью.

— Можешь объяснить, что случилось? — спокойно попросил Божко.

— Там, в подвале... Это нужно увидеть.

Община, не сговариваясь, последовала вниз за Эделиной посмотреть, что произошло. Госпожа Лира пошла вместе с ними, видимо, не желая оставаться совсем одна. В стенах особняка стояла тишина, и будто никакого нападения, сражений и смертей в этот вечер не происходило. Дьюк снова спустился в темницу по узкой лестнице одним из последних.

Ему сразу пришла в голову мысль о том, что-то не так. В подвале стояла гробовая тишина, ни единого звука. В нос ударил запах крови. Собратья молча пытались осознать увиденное. Госпожа Лира, стоявшая рядом с Дьюком, вскрикнула и от неожиданности схватила его за руку.

За решёткой не было ни одного живого человека. На холодном каменном полу лежали мертвые тела, будто растерзанные хищником. Дверь темницы распахнута настежь, но никто не успел спастись. Все случилось очень быстро.

— Это что за чертовщина? — тихо спросил Вайн.

Божко, увидев, что Дьюк рядом с девушкой, приказал:

— Уведи Лиру отсюда, сейчас же!

Одного раза было достаточно, и Дьюк поспешил наверх, не отпуская госпожу. Впрочем, никто и не желал надолго задерживаться в подвале, и вслед за Дьюком выбежали все остальные.

— Во имя святого Малеона, что там произошло? — волнительно спросил Вайн, обретая дар речи.

— Я не знаю, — ответила Эда. — Я шла туда, чтобы запереть одного из слуг, которого мы с Дьюком нашли в восточном крыле. Но когда пришла, все уже были мертвы. Мужик этот испугался не меньше моего и бросился бежать через задний двор. Я его даже останавливать не стала, сразу поспешила к вам.

Вайн с Габором многозначительно переглянулись, Божко облокотился о стену и устался в пол, размышляя о чём-то. Госпожа Лира не в силах стоять, присела на кресло возле камина. Похоже, она не могла вымолвить ни слова, но Божко всё же заставил обратить её внимание на себя:

— Лира, вероятно, это по твою душу. Кто-то знал, что ты окажешься здесь, и подготовил засаду. В темнице сидел человек...

— Это не человек! — перебила Эда. — Человек на такое не способен.

— Совершенно верно, — подтвердил Божко. — Не человек.

— А что тогда?

— Что-то, что выходит за границы нашего понимания.

— Это как понимать?

— Вот так и понимать, Эда, — прикрикнул Божко. — Вайн, Габор! Идите на задний двор и проверьте!

Братья молча кивнули и быстрым шагом удалились. На мгновение все замолчали. Эделина и раньше имела привычку проявлять эмоциональность и спорить с Божко. Но это было скорее в шутку, чем в серьёз. Сейчас же она пыталась найти оправдание увиденному, но не могла. Пока они стояли, она заметила, что пара верхних пуговиц на рубашке почему-то расстёгнуты, и поспешила застегнуть. А Божко закрыл глаза, медленно и глубоко вдохнул. Дьюк знал, что он пытается использовать дар и почувствовать присутствие других людей в особняке. Спустя несколько мгновений, он открыл глаза и обеспокоенно посмотрел на Дьюка:

— Я не чувствую присутствие этого человека. Только свои. Он сбежал за пределы особняка.

Дьюк готов был с этим согласиться, но интуиция не давала покоя. Что-то не сходилось. Кто бы этот человек не был, убить столько людей и быстро скрыться не привлекая внимания может далеко не каждый. И зачем ему это было нужно?

— Все чисто! — грозный крик Габора послышался уже издали, братья возвращались. — И лошадей в этом гребаном особняке нет!

— Значит, тот человек, сидевший в темнице, сбежал? — размышлял вслух Божко. — Не знаю, кто это был, но я не чувствую его поблизости.

— Так, нужно отсюда убираться, ясно?! — раздражённо спросила Эда. — Почему мы ещё здесь?

— Потому что наша обязанность — обеспечить госпоже Лире безопасность, — Божко оставался спокоен. — Если мы бросим её тут, то, что убило тех людей, может вернуться! Госпожу нужно отвести в безопасное место. Домой, в замок.

— Какой ещё замок? — недоумевала Эда. — Мы же изгнанники! В провинцию нас не пустят, а если стражники Малеонского ордена нас схватят, будет очень печальный...

— Замолчи хоть на секунду! — прикрикнул Божко. — Дай подумать.

Эда вздохнула, не желая продолжать перебранку. Божко замолчал и задумался над тем, что делать. Госпожа Лира молча наблюдала за собратями и, похоже, страх окутывал её всё сильнее.

Посреди этой тишины Дьюк, взглянув на Лиру и найдя верное, на его взгляд, решение, наконец произнес:

— Я отведу её домой.

Глава 12. Блуждающий с волками

Все разом затихли и уставились на Дьюка, а госпожа Лира посмотрела так, будто ожидала чего угодно, только не этого.

— Нет, это исключено! Забудь! — воскликнула Эделина.

Но Вайн одобрительно кивнул:

— А, по-моему, неплохая идея, как думаешь, Божко?

Не успел глава общины и рта открыть, как Эделина снова заголосила:

— Дьюка нельзя отправлять одного, он ещё... слишком мал для этого! Тем более община не должна разделяться: мы сильны вместе. Это то, что сохраняло нам жизнь всё это время.

Дьюк хотел сказать, что не так уж он и мал, двадцать два года от роду как-никак. Уже давно взрослый человек, но высказаться так и не успел:

— Вообще-то я...

— Ты сама часто ведёшь себя как ребенок! — вступился за брата Габор. — А парню уже двадцатый год давно стукнул!

— Знаешь что? Он не вы, взрослые бугаи, к которым и подойти-то страшно! Мало ли что может произойти в пути, нас рядом не будет, — Эда поняла, что поддержки ей не найти, и обратилась к Божко. — Ну, скажи уже, я ведь права? Община сильна, когда мы вместе. Нельзя разделяться.

Божко стоял и размышлял над всем этим. Никто не знал, что у него в голове, пока он не обратился к Лире:

— Прошу простить за это. Семейные разборки.

— Ничего страшного, — смущённо ответила девушка.

— Да, Эда, ты права. Община сильнее вместе, — нехотя согласился Божко. — Но никто, кроме Дьюка, не сможет сопроводить Лиру. Мы изгнанники и не имеем права ступить на земли центральной провинции. Он это понимает.

— Но... — Эда притихла, в попытках найти оправдание.

— Послушай, Эда! — начал Вайн. — Дьюк не служил с нами в ордене, а потому не обязан этого делать. Он так поступает ради нас. Это достойно настоящего мужчины! Я уважаю это решение, и ты тоже должна уважать.

— К тому же, чтобы попасть в дом госпожи Лире, придётся идти северо-западным трактом, — одобрительно добавил Божко. — Сейчас ночь, и там могут безопасно пройти только я или Дьюк. Ночью передвигаться опасней, ты же знаешь. Можно натолкнуться и на волков и на засаду грабителей. Тут нужен блуждающий.

— Тогда я пойду с Дьюком, — неожиданно решила Эда.

Но Божко отрицательно покачал головой.

— Нет. Если стражники увидят татуировку, тебя ждет смертная казнь. И даже Лира не спасет. Вайн прав, Дьюк уже взрослый и справится сам.

— Вот и решено! — положительно откликнулся Вайн.

Дьюк уже начал размышлять, насколько далеко может находиться дом госпожи Лире. А Божко, не теряя времени, отвёл его в сторонку, поговорить наедине. И сразу же полушёпотом поблагодарил:

— Дьюк, спасибо.

— Не понимаю, чего здесь такого, — так же тихо ответил Дьюк. — И чего Эда так разволновалось? Я просто провожу вашу госпожу домой, а потом встретимся снова. Мне кажется, она как-то странно ведёт себя с тех пор, как мы здесь.

Пока Лира стояла в стороне, собратья продолжили обсуждать, действительно ли так хорош план. А Божко лишь усмехнулся, махнул рукой:

— Она женщина. Кто ж их поймет вообще? А если серьезно, то, что убило тех бедных людей, может быть поблизости, и нам придётся убедиться, что вас никто не преследует. Помни, мы по-прежнему не знаем, с чем имеем дело. А своих врагов нужно знать в лицо.

Дьюк кивнул, отчётливо понимая, что старик прав. Не теряя времени, они вернулись обратно к общине. Прежде, чем кто-то начал собираться, Божко неожиданно и спокойно обратился к девушке с просьбой:

— Лира, боюсь, тебе придётся довериться нашей общине, поскольку оставаться здесь — безумие. Все твои слуги и стражники мертвы, лошадей нет — придётся идти пешком. Если ты согласна дать нам шанс помочь и вернуть доверие рода Рокстерли, я буду искренне рад. Поскольку родителей больше нет, дядя обладает правами на управление только до твоего совершеннолетия. А оно, насколько мне помнится, уже довольно скоро.

— Верно, — подтвердила Лира.

— Я не вправе требовать и даже просить, — продолжил Божко. — Но, когда управление провинцией перейдёт к тебе, я прошу о распоряжении позволить нам вернуться и снять все обвинения.

Лира даже не задумывалась над ответом:

— Хорошо, дядя Божко. Даю тебе слово.

Каждый из собратьев улыбнулся, услышав благую весть. Не зря всё это было затеяно.

— Отлично, — подытожила Эделина. — А теперь давайте отсюда убираться.

На улице по-прежнему стояла глубокая ночь. Собратья нашли небольшую наплечную сумку для путешествий в одной из комнат и наспех упаковали провизию, пока госпожа Лира под охраной Габора переодевалась в походную одежду в своих покоях. Старик протянул кошель с деньгами, которых, судя по весу, было довольно много. Дьюк не хотел брать и жестом попытался отстраниться — общине нужнее. Но старик настоял. Дьюку и госпоже Лире предстояло совершить путешествие, занимающее по времени около суток, если идти пешком. Сначала добраться до таверны в соседней деревне, переночевать там до утра, а затем углубиться в самое сердце провинции и достигнуть родового замка Рокстерли. Обратно Дьюку предстояло вернуться тем же путем в таверну, где будет ждать община.

Дьюк бывал на маршруте северо-западного тракта, но дальше, вглубь провинции, община никогда не продвигалась, потому что солдат Малеонского ордена можно встретить в крупных городах и деревнях. Это лишь на окраине их не было видно.

Пока Дьюк прощался со своей семьей, с которой не расставался ни разу за пять лет, госпожа Лира в сторонке о чём-то перешёптывалась с Божко. Собратья окружили Дьюка, будто расстаются с ним навсегда.

— Ну, брат, увидимся, — дружественно приобнял за плечо Вайн. — Если встретишь волков, знаешь, что делать?

— Бежать? — больше в шутку, чем в серьез уточнил Дьюк.

— Очень смешно, — подхватила Эделина и обняла его как родного брата. — Ну, давай, до встречи. Учти, я буду страшно переживать!

Оказавшись на улице, Дьюк вдохнул свежий воздух, почувствовал прохладу и

пугающую, беспроглядную темноту леса. Он никогда не боялся темноты и, когда община изредка ночевала на природе, спокойно мог прогуляться по окрестностям в одиночку, всегда держа в поле зрения лагерь. Иногда его отправляли за сухими ветками посреди ночи, пока все остальные были чем-то заняты. Но сейчас всё ещё было немного не по себе: сражение в особняке, трупы в темнице, запах крови и масла. Божко тоже решил попрощаться и, положив руку Дьюку на плечо, тихо сказал:

— Если что-то случилось, я почувствую. У меня с Лирой, в каком-то смысле, духовная связь. Мы с ребятами убедимся, что вы ушли на безопасное расстояние и они прочешут местность вокруг, может и найдут следы беглеца. А ты, как проводишь госпожу, не задерживайся в столице надолго, хорошо? Мы будем ждать тебя в трактире недалеко от главных ворот столицы, ты его мимо точно не пройдешь.

— Вам же туда нельзя...

— Не переживай, мы же не в саму столицу идем, — успокоил Божко. — Насколько знаю, там только путники и торговцы на ночлег останавливаются. И местные захаживают иногда. Но кто-то из городских стражников вряд ли будет, да и не будем мы своими татуировками светить, сам понимаешь.

Дьюк кивнул.

Они обнялись напоследок. Глава общины всегда проявлял спокойствие и стойкость, но Дьюк понимал, что и ему трудно расставаться. В глубине души старик переживал, похлеще Эделины. И на то были причины.

Ночь встретила приятной летней прохладой. Пахло свежестью. Дорога, ведущая от особняка в деревню еле виднелась, жители по ней не ходили. В особняке нашлась масляная лампа, которую Дьюк не поскупился взять с собой. Ночью сориентироваться было труднее даже по знакомой местности. Девушка шла молча, стараясь не отставать, и периодически оглядываясь назад вплоть до того момента, пока дорога не стала шире. Благо, дождя в последние дни не было и земля оставалась сухой. Ничто не замедляло движений.

Дьюк не смел нарушать тишину и вообще любил больше слушать, чем говорить, поэтому не заводил лишних разговоров. Широкая дорога слегка петляла то влево, то вправо. Из-за ночной темноты казалось, что ей нет конца.

Не выдержав молчания, госпожа Лира заговорила, лишь бы отвлечься. Она начала расспрашивать про общину, пытаясь разговорить. И вспоминала детство, когда ещё ребенком знала Божко как главу ордена:

— ...так, наверное, магистр Божко — это твой родственник, я угадала, да?

— Нет, — просто ответил Дьюк.

— Значит, кто-то из тех ребят твой брат? Или та девушка с луком — старшая сестра?

— Тоже нет.

— Тогда почему ты с ними? Вы вместе так себя ведёте, будто семья.

— Мы и есть семья, — ответил Дьюк и добавил, предрекая новые вопросы. — Только не по родству. Община сама по себе — семья. Люди, которые заботятся друг о друге и в час нужды всегда рядом.

Госпожа Лира задумалась над этим и слегка отстала, а затем резко прибавила шаг. И, оглядевшись по сторонам, как-то неуверенно попросила:

— Слушай, как тебя зовут, ещё раз скажи.

— Дьюк.

Простое имя легко запомнить, хотя Дьюку оно не очень нравилось. Были и гораздо

более красивые имена. Но в Гальраде детей часто называли именами, означающими что-то хорошее на языке древних. Считалось, что это благоприятно скажется на судьбе.

— Слушай, Дьюк, не иди так быстро, пожалуйста! Знаешь, что будет, если меня оставить одну ночью в лесу?

— Нам нужно поспешить, госпожа, — сразу отрезал Дьюк. — Чем раньше окажемся в таверне, тем лучше.

— Хорошо, только...

Не успела она договорить, как где-то впереди отчётливо послышался вой. Дьюк остановился, а Лира сразу же спряталась за его спину и с волнением в голосе быстро спросила:

— Это что такое?

— Волки, — спокойно ответил он.

— Какие ещё волки? Когда я днём здесь проезжала, не было никаких волков.

— Так, днём их практически не слышно.

Немного подождав, шагах в двадцати Дьюк увидел, как из-за деревьев вышли два взрослых волка, самка и самец, а за ними — два маленьких детёныша, один постарше, другой совсем ещё маленький. Детеныш постарше двигался медленно, хромал на правую ногу. Они переходили через тракт на другую сторону леса. На мгновение самец остановился и посмотрел на Дьюка, а затем направился дальше. За спиной раздался тяжёлый девичий вздох.

— Надеюсь, пока тебя будут есть, я успею убежать очень далеко.

Дьюк лишь пожал плечами:

— Волки редко нападают на людей. Мы просто подождём, пока они перейдут дорогу, и продолжим путь.

Дьюк привык считать, что волки разумнее людей. Они знают, что поодиночке не выжить, сбиваются в стаи, выбирают вожака, сообща охотятся и на большом расстоянии общаются при помощи воя. Волк-самец находит самку и они не расстаются до тех пор, пока один из партнёров не погибнет. Такая преданность, хоть и заложенная природой ради выживания, казалась Дьюку прекрасной.

— А, ты, же один из блуждающих... — девушку будто осенило.

Дьюк ничего не ответил, молча наблюдая за тем, как волки скрываются за деревьями.

За последние пять лет он научился многому. Каждый в общине стремился поделиться знаниями.

Дьюк был готов учиться всему и, вспоминая первые месяцы, проведённые в общине, в глубине души понимал, что без дома и родителей любые навыки могли оказаться полезными. Не всё давалось легко: стрельба из лука и врачевание получалось слабовато только потому, что особого интереса Дьюк к ним не испытал. Основы всё же удалось постичь, и он знал, что сможет выжить в одиночку, самостоятельно смастерить лук, подстрелить дичь и приготовить на костре, а в случае ранения позаботиться о том, чтобы не было заражения.

Однако лучше всех остальных получилось учить у Божко. Глава общины в своё время руководил целым орденом и много знал, а также умел интересно рассказывать. Он научил присматриваться к поведению людей, читать оставленные ими следы, правильно преследовать. Особая гордость старика заключалась в том, что Дьюк научился чувствовать людей на расстоянии и сквозь преграды, опираясь на внутренние ощущения.

Малеон, что правил в старые времена на континенте, подарил людям знания о семи дарах. Дар блуждающего — один из них. И, как правило, обучать человека сложным техникам погружения в себя и абстрагированию от реальности следовало с самого детства. Это позволяло чувствовать других людей, знать об их присутствии, даже если они находятся за непреодолимой преградой.

Когда Дьюку уже показалось, что идти скоро не будет сил, вдалеке начали виднеться огни деревенских домов. На пересечении дорог стояла небольшая двухэтажная таверна, удачное место ночлега для проходящих ночью путников. В соседней деревне «Холодная ночь» была затеряна среди глухих, петляющих улочек.

Госпожа Лира, увидев безопасное место, немного ускорила шаг, и они быстро добрались до двери. Внутри на первом этаже стояли столы, но все оставались пустыми. Постояльцы уже готовились спать. Владелец заведения встретил гостей недоверчивым взглядом, но, увидев кошель с деньгами в руке Дьюка, немного подобрел, бросил протирать стаканы и взял плату за ночлег.

Дьюк расплатился, узнал, какие из комнат свободны, и сразу направился с госпожой на второй этаж.

В отведённой для неё комнате было не слишком уютно, хоть и просторно. Здесь располагалась довольно грубая мебель без особых изысков: кровать, стол и табурет. На стене прибиты гвозди для одежды, рядом убранный помойный ведро. Маленькое окно закрыто слюдяными пластинами и выцветавшими занавесками.

Странно было видеть подобное заведение у дороги к столице. Дьюку доводилось ночевать и в тавернах получше. Госпожа Лира окинула взглядом комнату и поморщилась. Ей это всё было не по нраву. Но вместо того, чтобы выразить недовольство, сказала другое:

— Всё-таки хорошо, что мы встретились с дядей Божко. Я скорее доверюсь ему, чем кому-то другому. Хоть и прошло много лет, он не особо изменился, — честно ответила она, усаживаясь на жёсткую кровать. — Мой отец был с ним в очень дружеских отношениях и доверял нас с сестрой только ему или его людям. Уж кто, а она была бы рада его видеть! Но, когда Божко изгнали, нам даже не посчитали нужным ничего объяснить.

Никто из собратьев никогда особо не вдавался в подробности, за что именно их изгнали из провинции. Сам Божко, как-то раз вспоминая былые деньки, хорошо отзывался о Норберте Рокстерли. Человеке, который укрепил торговые связи с соседним государством — Палеонессом, и в своё время был избран императором всех трёх провинций Гальрада четыре раза подряд.

— А вот тебя я совсем не знаю! — возмутилась вдруг Лира. — Ты всегда такой молчаливый?

— О себе мне нечего рассказать.

Дьюк рассказывать не любил и не особо умел, предпочитал больше слушать. Однако, когда была необходимость, мог поддержать разговор должным образом. Девушка не желала молчать и с возмущением продолжила:

— Тогда обращайся ко мне просто по имени! И так каждый день одно и то же: “Идите обедать, госпожа. Время умываться, госпожа. Ложитесь спать, госпожа”.

— Как скажешь.

Дьюк это одобрял (тем более, никто не должен знать, что он сопровождает девушку из знатного рода), пусть лучше будет просто имя. Да и простая одежда не выдавала её происхождения. К тому же, после того, как они оказались в комнате, на девушку перестал

давить ужас произошедшего. Нападение на особняк, трупы в темнице остались где-то позади, и сама Лира, казалось, слегка оживилась и изменилась в лице. Стала больше говорить, хоть в движениях и проглядывалась усталость.

Дьюк понимал, что в роду Лиры были очень богатые и влиятельные люди, но это никак не отменяло того, что и у неё не было родителей. Они вполне могли погибнуть из-за государственных распрей и деления власти между членами семей. В истории трёх провинций существовало немало слухов о подобном. Что именно произошло с Норбертом, а затем и Оливией Рокстерли, Дьюк не знал. Но влияние, власть и деньги могли быть весомым поводом для предательства, обмана, убийства даже кровных родственников. Дьюк решил подбодрить девушку и не нашёл ничего лучше, чем заметить:

— Честно, всегда думал, что люди знатного рода не общаются вежливо, с такими как я.

Лира поняла, но лишь махнула рукой:

— Я, скорее, исключение. Вот натолкнёшься на сестру, сразу поймёшь, как разговаривают люди знатного рода.

Лира ещё раз брезгливо осмотрела комнату. Дьюк не знал что на это ответить, да и усталость давала о себе знать. Слишком уж много напряженных событий для одного вечера.

— Что ж, — сказал он, подходя к двери. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Плотно закрыв дверь, Дьюк вышел и направился к себе, оставив госпожу наедине со своими мыслями. В его комнате все было так же, как и у Лиры. Разных таверн он за свою жизнь с общиной повидал уже множество. Как и разных людей. Община жила в движении. И последствия набега североземцев на провинцию изредка бросались в глаза во время этих путешествий. Даже спустя пять лет.

Дьюку часто доводилось видеть одиноких людей, но никогда не доводилось видеть одиноких волков.

Глава 13. Замок Браго

Ранним утром Дьюк вместе с Лирой скромно позавтракали, покинули место ночлега и отправились в путь.

Уже к середине дня Дьюк был доволен положением дел: при приближении к городу встречалось больше путников, торговцев, путешественников с лошадиными обозами, прогуливающих в окрестностях местных жителей.

Дьюк никогда прежде не был в Саргосе — столице государства и одном из крупных городов трех провинций, но в детстве любил слушать рассказы отца. Некоторые простолюдины приходят сюда из деревень обучаться ремёслам, пытаются попасть в подмастерья, обжиться и заработать немного денег. В праздники на большой центральной площади собираются сотни людей. В период ярмарок на площади, где собирались местные торговцы и приезжие купцы, толпилось множество людей. Там же возвышался один из самых величественных соборов на континенте. Звон его колокола ознаменовывал начало и конец рабочего времени для торговцев, купцов и ремесленных гильдий.

Дьюк тоже думал, что, повзрослев, уйдет сюда в поисках достойной жизни, но судьба сложилась иначе. Вместе с Лирой он прошёл высокие, в три человеческих роста, двери и оказался за белыми стенами города.

— Почти дома, — одобрительно сказала Лира.

— А где твой дом?

— Во-о-он там.

Она показала рукой в сторону окраины города и вверх, на башни величественного замка из белого камня. Он возвышался над городом на высоком холме и был настолько огромен, что у Дьюка захватывало дух. Они вышли на площадь и продолжили путь по широкой улице.

— Тот замок?

— Именно! — подтвердила Лира. — Только не говори, что никогда не слышал про Браго. Всё равно не поверю!

Дьюк то и дело озирался по сторонам. Очень многое привлекало внимание. Проезжающие повозки, проходящие мимо люди, торговцы на площадях. Это был оживлённый, многолюдный, ухоженный город, не похожий на то, что он представлял у себя в голове. Казалось, широкие улицы и петляющие мелкие переулки не имели конца, и весь Саргос не обойти и за день. С центральной улицы тянулся аромат свежей выпечки, людские голоса сливались в один общий, неразборчивый гул. Периодически Дьюк натыкался глазами на стражников Малеонского ордена, по двое патрулирующих улицы.

— Ты когда-нибудь слышал, как говорят, что Браго — самое безопасное место на земле? — спросила Лира. — Если бы североземцам удалось пройти северную провинцию пять лет назад, они всё равно ни за что бы не взяли этот замок.

Идя по улице Лира продолжала рассказывать что-то ещё про свою семью, про город. Дьюк слушал вполуха и всё озирался по сторонам, наслаждаясь видами, попутно пытаясь лавировать между людьми. Следуя за девушкой, он пробирался сквозь толпу на широкие полупустые улицы. Дорога периодически вела в гору. Дьюк и не заметил, как они дошли до самой верхней части города, к воротам.

Через глубокий ров перекинулся широкий мост, будто приглашая войти внутрь крепостных стен. Металлические ворота замка, были подняты. Возле ворот и на надвратных

башнях дежурили стражники Малеонского ордена.

Как только Лира и Дьюк подошли к воротам, один из стражников, присмотревшись, узнал госпожу Лиру и поспешил кому-то докладывать о возвращении. Спустя несколько минут откуда-то из-за угла вышел худощавого телосложения человек, одетый в дорогие серебристые одежды.

— Доброго дня, госпожа Лира. Как прошла встреча с дядей? И почему вы так одеты?

— Случились неприятности, и пришлось срочно вернуться, старший советник, — отрезала Лира, тоном давая понять, что не желает разговаривать.

Советник слегка поклонился, а затем посмотрел на Дьюка с некоторым презрением. Дальше идти не хотелось. Честно говоря, он думал о том, что в замок его попросту не пустят. Госпоже Лире здесь уж точно ничего угрожать не будет, так что с заданием довести её до дома успешно покончено. К тому же, если кто-то узнает, что община напала на особняк рода Рокстерли, отсюда он уже не выйдет. Дьюк хотел было попрощаться и пойти обратно, как услышал:

— Между прочим со мной гость, который учтиво сопровождал меня до дома. Прошу относиться к моим гостям с должным уважением.

— Разумеется. Что ж, с возвращением, — холодно отозвался советник.

Лира двинулась вперёд, и Дьюк невольно пошел следом. Во внутреннем дворе располагалась огромная площадка для тренировки солдат, гарнизон, несколько кузнечных мастерских, конюшня, овчарня, колодец с водой, а где-то дальше вход в помещения замка. Внутри замок Браго выглядел не менее громоздким и величественным, чем снаружи, и у Дьюка вновь захватило дух. Он никогда и представить не мог настолько высоких потолков и невероятно просторных помещений, убранство которых было крайне дорогим.

— Возможно, мне лучше уйти? — не выдержав, тихо спросил Дьюк.

— Не переживай! — заверила госпожа. — Дяди, с которым я, кстати, так и не встретилась, нет, так что фактически сейчас я самая старшая. Побудешь некоторое время моим гостем? Всё равно потом пожалеешь, если не увидишь.

Они пошли по длинному коридору. Дьюк не сводил глаз с умело написанных портретов на стенах. Это были лорды и леди. Похоже, теперь, когда они пришли домой, Лира не переживала за свою безопасность. И, по крайней мере, старалась не думать о том, что все слуги в особняке погибли. Она действительно доверяла Божко, и, кажется, с ним у неё были связаны только хорошие воспоминания.

Убедившись, что в длинном коридоре они одни, Дьюк решил осторожно спросить:

— Ты действительно выполнишь обещание, которое дала, после того, как станешь управителем?

Лира, не ожидая подобного, даже остановилась.

— Можешь не переживать за это, так дяде Божко и передай.

Они прошли ещё несколько поворотов, прежде чем оказаться в коридоре с двумя красивыми расписными дверьми, расположенными неподалеку друг от друга. Госпожа уже было дошла до одной из них, как сзади послышался голос нагнавшего их старшего советника:

— Госпожа, могу ли я уточнить несколько моментов с глазу на глаз?

Она посмотрела на него, потом на Дьюка, всем видом показывая, что не желает разговаривать. Но, несмотря на это, всё же попросила подождать и удалилась вслед за советником, завернувшим за угол коридора. Дьюк стоял и смотрел ей вслед вплоть до того

момента, пока не почувствовал чей-то взгляд. А затем услышал за спиной женский голос:

— Ну здравствуй, Волчонок.

Он обернулся и увидел девушку, одетую в красивое тёмно-синее платье с золотистыми нашивками на рукавах и воротнике, с накинутым на плечи плащом с капюшоном. В таких ходили богачи в городе на рыночной площади. Девушка выглядела ухожено, красиво. Светлые длинные волосы заплетены в косу.

Никто уже очень давно не использовал это детское прозвище, да и знали его только близкие. Дьюк насторожился и внимательно присмотрелся. «Узнал, наконец,» — сразу прочиталось на её лице.

— Я думал, что ты... погибла, — выдавил из себя Дьюк.

— Я тоже думала, что ты погиб.

Перед ним стояла Камилла. Уже не та девочка, к которой он присматривался в детстве, гулял вместе по улицам. Не та девочка, что крепко схватила его за руку, заставляя бежать из дома. Сейчас Камилла была на полголовы выше Дьюка, равно как и в детстве. А раньше ему всегда казалось, что, когда они вырастут, он её перегонит.

Не найдя толком, что сказать, после короткого молчания он произнёс первое, что пришло в голову:

— Выглядишь великолепно.

— Спасибо. И ты ничего.

— А что ты здесь делаешь?

— А ты что здесь делаешь? — На её лице светилась нескрываемая радость.

Дьюк толком не знал, что хочет сказать. Столько всего произошло за все эти годы: община, путешествия между провинциями, бессонные ночи на природе. О чём вообще стоит рассказать? Кем он стал за все эти годы? Почему-то было стыдно признавать, что он обрёл новую семью после того, как пережил нападение североземцев. Может, следовало встать на ноги, оправиться и попытаться отыскать Камиллу?

Дьюк собрался с силами, чтобы произнести хоть что-то, в то время как она отвернулась и посмотрела в окно, куда-то вдаль.

— Слушай, я...

Дьюк скорее почувствовал, чем увидел у подруги детства едва заметную дрожь в руках.

— Ты не представляешь, как я рада тебе, — тихо прошептала она. — Правда. Думала, никого не осталось после той ночи. Совсем никого.

Дьюк всё-таки заметил, что из глаз девушки потекли слезы. Но она быстро утёрла их краешком длинного рукава и, не потеряв самообладания, повернулась к нему с вопросом:

— Так ты с кем? Ты ведь не один, правда?

В то время как глаза Камиллы еле заметно упали на меч у Дьюка на поясе, он ответил:

— Не один. Я...

Он осекся, потому что из-за поворота вновь появилась госпожа Лира. Камилла молча удалилась прочь, в другую сторону, даже не обернувшись. Всё ещё не веря в эту мимолетную встречу, он стоял и смотрел ей в спину до того самого момента, пока госпожа, схватив его за руку, не открыла дверь и не затащила в свои покои.

Это было просторное помещение с огромной кроватью, красивой резной мебелью, огромным камином и ковром под ногами. Всё сделано в одинаковых ярко-красных тонах, и в отсутствие хозяйки слуги периодически поддерживали в ней идеальный порядок, что сразу бросалось в глаза. Всё казалось нетронутым, совершенным. Идеально заправленная постель

и ровно уложенные подушки, свежие цветы на столе и совершенно никакой пыли и грязи.

— Напомнили, что, вообще-то, для гостей оружие запрещено, оно сдаётся в кузницу, — пояснила девушка. — Только если это не слугитель ордена или какой-нибудь особый гость. Так что пришлось соврать немного.

Затем в дверь постучали. Служанка слегка поклонилась и переступила порог с разрешения Лиры. Это была женщина средних лет, в одежде наподобие той, что Дьюк видел в особняке. Незамысловатое платье в красно-белых тонах с изображением герба Рокстерли и белый фартук поверх платья. Лира сказала, что хочет фруктов, та молча поклонилась и ушла.

— Что скажешь? — спросила Лира, оглядывая свою комнату.

— Великолепно.

Пока Дьюк осматривал комнату, быстро пришла другая служанка, моложе, но одетая точно так же и с подносом в руках. На нём лежало несколько яблок, виноград и ещё пара плодов, которые Дьюк видел впервые в жизни. Она молча поставила поднос на стол в другом конце комнаты, слегка поклонилась госпоже Лире и поспешила удалиться, одарив Дьюка странным, оценивающим взглядом.

— Как думаешь, что всё-таки произошло с теми людьми в подвале? — тихо поинтересовалась Лира, прерывая затянувшееся молчание.

— Не знаю. Главное, что мы оттуда далеко.

— Да уж, — согласилась Лира. — Давно не переживала подобного ужаса.

Она села за стол и съела пару виноградинок, зазывая Дьюка к себе. Он сел рядом, взяв в руки какой-то незнакомый, но по виду очень вкусный плод.

Девушка сказала, что уладила с советником все вопросы по поводу его присутствия здесь, соврала что он сопровождал её по приказу дяди Грейнора, чтобы ни у кого больше не было вопросов. Затем начала что-то рассказывать про свой дом. Но Дьюку не давали покоя мысли о неожиданной встрече.

Называть Дьюка волчком родители повелись ещё в детстве, а почему — он уже не помнил. Возможно из-за того, что волки вызывали у него восхищение и благоговение. Иногда мама могла шутя спросить: «*А Волчонок приедет сегодня обедать, а то я уже накрыла на стол?*». Было в этом нечто особенно тёплое, домашнее, навсегда оставшееся в воспоминаниях. После их гибели прозвище умерло вместе с ними.

Однажды отец присел рядом и задумчиво сказал: «*Знаешь, когда-нибудь ты перестанешь быть волчком и станешь настоящим волком*». Возможно, он вкладывал в это слово какой-то свой, особый смысл. «*Будешь как я, земледельцем, выращивать, продавать или подашься в наёмники, а? Следуй тому пути, который тебе по душе, но помни, что нужно начинать учиться, налаживать связи, уметь договариваться. В следующий раз возьму тебя с собой в Саргос, ладно? Есть у меня там друзья в одной гильдии, я вас познакомлю*». Дьюк прекрасно помнил, как был рад отправиться в столицу с отцом и давно уже этого хотел. И не только родители, но и Камилла знала прозвище, поскольку часто бывала в гостях и хорошо общалась с его родителями. И наедине, в тайне от всех, иногда сама его так называла.

Дьюку не довелось отправиться в Саргос вместе с отцом, потому что вскоре после этого разговора североземцы ступили на землю северной провинции, в Гальрад. Бродя с общиной, Дьюк подозревал, что, возможно, никогда не попадёт в столицу, не исполнит мечты детства, и никогда не услышит прозвища, которым его нарекли.

Лира говорила не переставая и Дьюк понял, что нужно уходить, потому что иначе он не

успеет пересечь лес до заката. Побыв ещё немного с госпожой, он попрощался и ушёл. Дьюк мог бы и остаться до коронации в замке: Лире лишь необходимо распорядиться подготовить одну из комнат и предупредить советников. Но воссоединение с общиной важнее всего остального.

Во внутреннем дворе кипела жизнь. Кузнец что-то выковывал в своей кузнице вместе с подмастерьем, в питомнике лаяли собаки, вокруг колодца с водой сновали разные люди. На улице ощущалась свежесть.

Дьюк искал глазами Камиллу. Хотелось увидеть её напоследок и узнать, всё ли у неё хорошо. Убедиться, что действительно всё в порядке. Некоторое время он стоял и ждал, борясь с желанием пойти обратно и разыскать её. Однако стоило Дьюку развернуться и пойти на выход, как через несколько мгновений он услышал позади женский голос:

— Дьюк, постой!

Камилла быстрым шагом нагнала его, удивительно ловко лавируя среди проходящих наперерез людей. И совсем скоро оказалась рядом.

— Уходишь? — сразу спросила она.

— Да, — Дьюк вздохнул. — Я рад, что... у тебя всё хорошо. Для меня это важно. Надеюсь, мы ещё встретимся, так как я здесь не последний раз.

— Или просто не будем прощаться. Как раз хотела сказать, я вынуждена попросить тебя остаться.

Некоторое время Дьюк стоял, не зная, что ответить. Камилла довольно крепко схватила его за руку и увела прочь от дороги, встав у стены барака для хранения оружия. Теперь поблизости никого не было, и никто не мог подслушать.

— Лире угрожает опасность, — поспешила пояснить Камилла. — В замке есть человек, желающий её смерти.

— Ты в этом уверена? — уточнил Дьюк.

— Если бы не была уверена, не стала бы тебя останавливать. Я никому не могу доверять, Дьюк, — пояснила она, быстро осмотревшись вокруг. — Здесь все чужие.

— Община будет переживать, если я не вернусь до темноты.

— Твои друзья? У меня есть человек, он найдёт их и известит о том, что ты задержишься. Ведь это ты привёл её сюда, да? Или желаешь вернуться к ним и сказать, что успешно доставил госпожу Лиру в замок, но узнал, что до своей коронации она может не дожить? — деловито спросила Камилла, взглянув ему прямо в глаза. — И, зная это, ты просто уйдешь?

Дьюк промолчал. Множество мыслей сразу же завертелось в голове. Кто может угрожать госпоже Лире здесь? И откуда Камилле это известно? Может, она что-то знает о человеке с татуировкой кинжала и розы? Он попытался сказать, что думает, но она его перебила:

— Мы не виделись много лет, прости, конечно, но...

— Дьюк, послушай! Я не знаю, каким человеком ты стал, но помню, каким был. Тот, кого я знала, никогда меня не бросал. Если хочешь, уезжай, я не буду осуждать. Но мне не справиться с этим в одиночку. Дело правда очень серьёзное.

Дьюк выдохнул. Когда перед ним вставал трудный выбор, он быстро прикидывал: а что бы сделал Божко?

— Хорошо. Но тебе придётся многое рассказать, — утвердительно сказал он.

— Да, Дьюк, многое.

Она как-то неловко, но крепко заключила его в объятия.

Глава 14. Цветок розы и лезвие кинжала

Дьюк никогда не верил в судьбу. В то, что все предрешиено, и каждый идет по начертанному пути.

Он помнил одного мальчика из коммуны, который со своими дружками иногда заявлялся в деревню. Однажды Дьюк что-то не поделил с ним. Из-за чего все началось, в памяти не отложилось. Их было трое, а Дьюк один. Мерзавец ударил Дьюка по лицу. Обошлось без серьезных ранений, хоть Дьюк и упал на землю под хохот дружков. После этого он никогда больше его не видел. И особо не задавался вопросом о том, куда тот подевался. Пока однажды случайно не узнал, что у мальчика начался жар. Сильная болезнь напала на беднягу на следующий день после того, как он ударил Дьюка. Лекарь коммуны пытался помочь, но не смог.

Однажды вместе с Камиллой заблудился в лесу, но смог отыскать дорогу домой, будто лес сам подсказывал направление, выманивал на правильную дорогу. Дьюк решил, что ему просто везло. Или что праотцы помогали, наблюдая за ним из последнего пристанища умерших душ. Таким случайным все и казалось до одного дня. Дня, когда Камилла спасла его от преследования, разлучившись с ним в незнакомой чаще северной провинции Гальрада. Он бежал как можно дальше от дома, пока окончательно не устал и не присел на поваленное дерево на небольшой незнакомой полянке. В какой-то момент лес снова начал манить вглубь, как когда-то в детстве. И он пошел, точно зная, куда следует направляться.

Дорога привела к небольшой поляне, на которой горел костер. Дьюк подумал, что это могли быть выжившие из его деревни, но подойдя ближе, увидел, как прямо на земле сидят трое североземцев, и сердце бешено застучало. Хоть вокруг было темно, его выдал хруст кустов. Враги вскочили, но когда поняли, что перед ними безоружный мальчик, всего лишь засмеялись. Один из них грубо схватил Дьюка за рубашку и вытолкнул на поляну, повалив на землю. Североземцы, одетые точно как те, что напали на родную деревню, переговаривались на своем языке. Дьюк тогда думал, что это конец и хотел завершить свой жизненный путь гордо, без криков и мучений. Но, один из троих, видимо, командир, что-то сказал остальным и неожиданно произнес, общаясь к нему:

— Что ты делаешь в такой глуши один?

Дьюк был удивлен, что чужеземец знает его родной язык, хоть и плохо говорит. Внутри кипела ярость. Но если бы он тогда набросился и попытался убить кого-то, сразу отправился бы к предкам.

Командир хотел спросить что-то еще, как вдруг где-то неподалеку послышался вой. Североземцы начали судорожно оглядываться по сторонам и обнажили оружие.

Несколько волков выпрыгнули из кустов и напали на людей. Дьюк никогда до этого не видел, но много раз слышал рассказы о таких столкновениях. Увиденное ошарашило, а тело отказалось сдвинуться с места. Волки напали быстро, повалили двоих на землю. Некоторое время жертвы хищников кричали от боли, и от этого крика кровь стыла в жилах. Земля мгновенно обагрилась кровью. Командир североземцев сумел ранить одного хищника, но второй все же повалил его на землю и вцепился зубами в горло. Дьюк понял, что остался один, и бежать не было смысла.

Позже, когда судьба свела Дьюка с Божко, он обучился на блуждающего и мог не бояться волков. Научился правильно себя вести в случае встречи с ними. Но в тот момент он

ещё был молод и не знал, как выживать. В попытке обороняться, Дьюк схватил из руки умирающего капитана меч. Но волки просто стояли и смотрели на него. Они не собирались нападать.

Они его спасли.

— Сколько ты уже здесь? — спросил Дьюк.

— Пятнадцать дней.

Камилла стояла перед ним, скрестив руки на груди. Её комната выглядела довольно уютно и просторно. Большая кровать, стол на несколько персон, обшитые тканью стулья из резного дерева, несколько больших сундуков для хранения вещей. Красиво расписанные стены синими орнаментами хорошо гармонировали со всеми предметами мебели.

Камилла кратко поведала о жизни после побега из коммуны и о том, как попала в Браго. Дьюк узнал о работе в постоялом дворе, об издевательствах бродячей труппы, о чудесном спасении Велимиром и жизни в общине в лесах западной провинции. Это была целая жизнь, рассказанная коротко и спокойным тоном. Камилла будто говорила о ком-то другом. Дьюк даже и не представлял, насколько тяжелым был её путь сюда.

— Ты сказала, что Лиру хотят убить, и что этого хочет старший советник, — подвел итоги Дьюк. — Если так, почему её до сих пор не убили? Ведь старший советник здесь уже почти пол года и времени у него было достаточно.

— Возможно, потому, что это не так просто сделать. И письмо было обнаружено не так давно.

— Для них это просто. Этот старший советник — сейчас главный в замке и служит на своем посту уже давно. Он мог бы попросить Лиру пройти в одну из комнат, например, под предлогом, что хочет поговорить наедине. И совершить убийство без шума и свидетелей. А затем распустить слух, что Лира уехала из замка под каким-нибудь веским предлогом. Но этого до сих пор не произошло.

Камилла одарила Дьюка задумчивым взглядом.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что твои друзья ошибаются и дело в чем-то другом. Если бы североземцам просто нужна была смерть Лиры Рокстерли, её бы уже давно убили. И потом, зачем вообще это североземцам? Почему, например, не западная провинция, где живет император? Разве смерть Лиры им на руку? Взяв управление провинцией, она наверняка объявит о своем праве претендовать на престол императрицы Гальрада.

— Я не знаю, Дьюк, — прямо ответила Камилла. — Правда, не знаю.

Похоже, настало время поделиться тем, что знает Дьюк. И он начал рассказывать:

— Я, пожалуй, тоже расскажу кое-что. Дело в том, что я и мои братья... как бы это сказать? Захватили особняк, где находилась Лира Рокстерли. Собственно говоря, там мы и познакомились. В особняке я столкнулся с одним странным человеком, точнее сказать, существом. Оно убило всех слуг и стражников особняка и скрылось, оставив после себя растерзанные тела. Мой наставник, Божко, предположил, что это было неудачное покушение на Лиру Рокстерли. Вот почему я сопровождал её до дома.

— Подожди, подожди. — Камилла жестом остановила Дьюка. — Вы захватили особняк Рокстерли? У тебя что, большая община?

Дьюк пожал плечами.

— Четыре человека.

— То есть вы захватили целый особняк вчетвером?

— Да, а что здесь такого? Это было довольно несложно. Мои собраты опытные войны. Камилла задумалась.

— Опытные воины? Они изгнанники, да?

— Да. Оливия Рокстерли, мать Лиры, изгнала их из центральной провинции. Они думали, что она жива и находится там, хотели отомстить за своё изгнание. И, насколько я теперь знаю, правила провинцией она недолго.

— Да, недолго. — Камилла присела рядом с Дьюком и тяжело вздохнула, на мгновение задумавшись. — Я помню, в детстве мама иногда пугала меня этим. Говорила: если не будешь много трудиться в поле и терпеливо собирать урожай, с любовью заботиться о почве, следить за хозяйством, то, в конце концов, тебя изгонят из коммуны. Ты потеряешь место для ночлега и общество людей, готовых помочь. И что тогда ты будешь делать — спросила она у меня. Тогда ты вспомнишь родную мать? И поймешь, наконец, что оказалась одна в чужом, незнакомом мире. Совершенно никому не нужная.

Она замолчала на какое-то время. Видимо, предалась воспоминаниям про родную деревню, поля для возделывания, родителей и близких подруг. Дьюк плохо помнил её родителей, особенно мать. Она общалась с ним довольно редко, однако относилась всегда с теплотой.

— Ладно, мы отвлеклись, — заметила Камилла. — Ты говорил про какое-то существо. Что там было?

— Мои собраты завели всех, кто был в замке в подвал, но там уже был человек...

Дьюк только сейчас начал понимать... они действительно довольно легко захватили особняк вчетвером. Легко, потому что внутри стражников практически не было, а у входа, снаружи стояло всего двое. И если учесть, что в особняк прибыла госпожа Лира, там должно было быть больше охраны.

— Дьюк, — позвала Камилла.

— Ах, да! В подвале был заключенный. Он явно просидел там несколько дней. У него была татуировка: цветок розы, стебель которого неестественно обвивает лезвие кинжала. Он заговорил со мной, спросил, не могу ли я дать немного еды...

— Палеонесская роза, — задумчиво перебила Камилла. — Орден, служивший Оливии Рокстерли, после смерти император Норберта. Я слышала, многие ушли оттуда в самоволку, а кто-то даже организовывал общины и нападал на людей. Извини, что перебила, продолжай.

Дьюк на секунду задумался и продолжил:

— Мы отвели в подвал всех, кого нашли в том особняке. А когда вернулись туда через некоторое время, увидели гору мертвецов, будто растерзанных каким-то животным. Жуткое зрелище. А человек с татуировкой как будто испарился.

— Звучит как-то странно, — сказала Камилла.

— Ты можешь не верить, но все было именно так. Никто из общины не знает, что это было.

— Я тебе верю, Дьюк, — убежденно ответила Камилла. — Получается, Лира доверилась тебе, потому что вы, вероятно, предотвратили покушение?

— Нет, не совсем, — поспешил пояснить Дьюк. — Конечно, это тоже сыграло роль, но дело в другом. Божко — глава общины — раньше служил у императора Норберта. Так что Божко хорошо знаком с Лирой. И вообще с семьей Рокстерли.

— Он служил в ордене при самом императоре Норберте? — восхищенно удивилась Камилла. — Тогда почему же его изгнали?

Дьюк лишь пожал плечами.

— Не знаю. Каждый раз, когда я затевал разговор на эту тему, слышал одни и те же ответы. Он не особо любит это вспоминать.

На мгновение они замолчали, и Камилла решила подвести итоги:

— Что у нас есть? Лиру хотят убить, и с этим связан старший советник. А в подвале особняка, куда она направилась, произошло непонятно что. Просто великолепно! По крайней мере, если в особняке была попытка покушения на Лиру, то нужно узнать, кто велел ей отправиться в этот особняк. С этого и нужно начинать. Наверняка, это была просьба старшего советника.

— Верно, — согласился Дьюк. — Но начинать нужно с другого: прежде всего, изучить своего врага. Понять мотивы, по которым кто-то зашел настолько далеко. Мы все ещё не понимаем намерений врага.

Камилла тяжело вздохнула.

— Да. Все же, ты остался, и это очень поможет. Спасибо, Дьюк. Кстати, тебе придется сказать Лире, что ты не ушел. И пусть выделит комнату для гостей. Только не говори о настоящей причине своего возвращения. Ей не нужно знать. Пока что.

— А что я скажу?

— Ну, придумай что-нибудь!

В голову, как назло, ни одного подходящего варианта не приходило.

Каждый в общине будет переживать. Эда, словно сама не своя, начнет делать какие-нибудь дела, Вайн и Габор отвлекутся разговорами, а Божко молча сядет в стороне. Впервые Дьюк покинул близких людей на столь длительное время, и когда они воссоединятся вновь пока не ясно. Да, бывали моменты, когда общине приходилось расходиться, но никогда поодиночке. «Община сильнее вместе» — любил говорить Божко. И сам же отпустил Дьюка, потому что верил — это лучшее решение в сложившейся ситуации.

— Дьюк, — позвала Камилла, встав с кровати, чтобы пройтись по комнате. — Ты помнишь, кто я?

— Кто ты? — не понял он.

— Госпожа Фрида! Не забудь. Ты понял?

— Да, Госпожа Фрида.

Он направился к выходу, найти Лиру Рокстерли как можно скорее. Будет ли она вообще рада, что Дьюк пожелает остаться в замке до коронации?

Камилла нерешительно вздохнула, будто собираясь с силами.

— Дьюк, ты должен знать ещё кое-что.

Он остановился в шаге от двери и замер, почувствовав напряжение в голосе. Слова давались ей нелегко.

— Твой отец жив.

Глава 15. Воспитательница Фрида Гелдер

Камилла помнила, как сильно переживала, когда ехала в замок Браго в невероятно комфортном и шикарном конном экипаже в сопровождении воинов Малеонского ордена. Как сидела молча в карете и перебирала возможные варианты будущих событий. Повторяла про себя все известные факты о личности Фриды Гелдер.

Всё оказалось куда проще, чем думалось. По прибытии её встретил старший советник Двейн. Среди толпы его легко было найти из-за одежды серебристого цвета с золотыми полосками и практически полным отсутствием волос на голове. Двейн говорил медленно, неторопливо. Сразу пригласил к себе в кабинет, предложил чаю, от которого Камилла любезно отказалась. Просто из вежливости спросил, как поживает муж, как дети. Разговор протекал размеренно и спокойно. Не пришлось даже спрашивать, что именно нужно делать. Советник сам в процессе разговора сделал несколько важных замечаний, которые Камилла тут же запомнила и повторила про себя. Следить за тем, чтобы сестры Лира и Амелия ложились спать вовремя и вовремя вставали, собирались к столу как полагается, чтобы младшая посещала назначенные ей занятия, а старшая готовилась к церемонии. Советник предупредил, что если что-то нужно, она знает, где кабинет, и может приходить до полуночи, но по пустякам беспокоить не стоит. Затем показал, где её покои. Шикарная комната, о которой Камилла могла только мечтать, находилась в противоположенном крыле замка, ближе к девочкам. Про приглашение в замок советник Двейн даже не упомянул. Его Камилла показывала только командиру стражников при въезде в замок.

Наконец, старший советник представил сестрам Фриду Гелдер.

Новую воспитательницу приняли прохладно. Лира разговаривала учтиво и вежливо. До принятия титула управительницы оставались считанные дни, и Лира всем своим видом показывала, что уже взрослая и сама знает, что нужно делать и как себя вести. В разговоре она учтиво намекнула, что Камилла для воспитательницы слишком молода и поинтересовалась, сколько у неё детей. Камилла как можно более непринужденно ответила, что детей у неё двое, замуж вышла в шестнадцать и это нормально.

Младшая сестра — Амелия, поначалу была более молчаливой. И в отличие от Леры, многое себе позволяла и с первой минуты знакомства обратилась к Камилле, чуть ли не как к хорошо знакомому другу. Камилла решила, что это попытка сбить с толку или разозлить и не реагировала, как подобает благородной даме. Тем более, простая манера общения была более привычна. В коммуне все друг друга знали и общались непринужденно.

Иногда Амелия прогуливала занятия с личными учителями. В такие дни Камилла знала, что почти наверняка могла найти девочку в саду, возле памятника отцу. Ухоженный сад, полный красивых деревьев и цветов, находился на заднем дворе замка. Камилла впервые в жизни видела такую красоту. Большинство цветов вообще не росли в Гальраде и были привезены из Палеонесса.

Наслаждаясь видом, Камилла застала Амелию, сидевшую на широкой скамье в полном одиночестве.

— И чем же ты тут опять занимаешься? — спросила Камилла.

— Просто сижу, — отстраненно ответила Амелия.

Будучи на два года младше сестры, она ничуть не уступала ей в красоте, а в каком-то смысле даже превосходила. В основном предпочитала платья светлых тонов, а её пышные

волосы красиво вились кудрями. На первый взгляд это был просто милый ребенок, но если присмотреться — далеко не с благочестивым характером. По утрам она много времени проводила, наводя красоту вместе с несколькими приближенными служанками. Вначале знакомства с новой воспитательницей Амелия надменно показывала, что излишнее общение ей ни к чему. Но за пятнадцать дней кое-что изменилось. Камилла поняла, что с ней можно общаться на разные темы, если удавалось разговорить. Амелия держалась отстраненно от многих людей, но иногда Камилла чувствовала, что ей не хватает общения. Впрочем, то же самое можно было сказать и про Лиру.

Воспитательница села рядом. Девочка смотрела на пышные пурпурные розы, украшавшие клумбу у памятника. Увидев, что Камилла тоже любит цветы, пояснила:

— Палеонесская алая роза. Любимые цветы мамы.

— Насколько я знаю, ты сейчас должна быть не здесь, — заметила Камилла. — Думаю, Лира никогда не подавала такой пример.

На разговоры про сестру Амелия реагировала резко. Камилла не раз наблюдала, что они не общаются друг с другом и поддерживают беседу только при крайней необходимости.

— О, она у нас такая учтивая! — Язвительным тоном ответила девочка. — Наверняка будет все решения стараться принимать сама! Не то, что дядя, возложил все на советников и уехал в неизвестном направлении. Поминай как звали.

— Ну, а если бы её не было, ты бы сейчас готовилась к церемонии наследования. Тогда бы ты пошла на занятия?

— Если б её не было...

Амелия резко остановилась. Наверняка в голове крутилось множество вариантов, и Камилла понимала, что ходит по тонкому льду. Нельзя поднимать темы, которые могут настроить других людей против неё. Но это был единственный способ заставить девочку шевелиться.

— Если б её не было, — продолжила Амелия. — Пришлось бы выбрать регента, который правил провинцией ещё два года до моего совершеннолетия. Так что все осталось бы на своих местах.

— И кого бы ты выбрала? — неожиданно для самой себя спросила Камилла.

На самом деле хотелось знать, кому девочка доверяет.

— Тебя, госпожа Фрида Гелдер! — неожиданно бросила она, вставая со скамьи.

— Ух ты, — иронично откликнулась Камилла. — Спасибо за доверие, но боюсь, с управлением целой провинцией мне не справиться.

— Но с нами-то ты справляешься, — быстро возразила Амелия. — Значит, и с провинцией справишься.

— Тогда не подводи мой авторитет и иди уже, наконец, на занятия.

Амелия ушла, оставалось надеяться, в комнату к учителю. Камилла уже несколько раз получала гневные высказывания об опоздании младшей. Ещё раз взглянув на палеонесскую розу, она подумала о том, что за все пятнадцать дней пребывания здесь, никаких результатов пока нет.

Воспитательница вздохнула и неспешно пошла обратно в замок. Нужно было обязательно зайти к советнику Вилберну, который ещё вчера хотел видеть её в своем кабинете, чтобы поговорить с глазу на глаз.

Его покои располагались в самом конце левого крыла замка, и дойти туда от сада занимало немало времени. Гербы рода Рокстерли на стенах, высокие узкие окна, широкие

коридоры вновь предстали перед глазами. Некоторые гости замка узнавали воспитательницу, здоровались, желали доброго дня или просто одаривали кивком головы.

Камилла застала советника Вилберна у себя в кабинете.

— Будьте любезны, закройте дверь, — сразу попросил он.

Камилла послушалась.

Ей нравился этот кабинет. Сквозь большие витражные окна проникало много солнца, делая комнату одной из самых светлых в замке. Вилберн сидел за большим письменным столом из темного дерева. В огромном шкафу стояли книги, сколько Камилла не перечитала бы за всю жизнь. А в углу комнаты большая застеленная кровать, спрятанная за белой ширмой.

Советник Вилберн поднял глаза на Камиллу, молча ожидая. Время не щадило его. На кистях рук виднелись вены, лицо покрыто морщинами, тело исхудало, седые волосы до плеч непослушно растрепаны. Во взгляде было нечто такое, что заставляло держаться настороже.

Вилберн был стар. Большую часть жизни он посвящал благополучию рода Рокстерли.

— В замке суэта и это осложняет ситуацию, — пояснила Камилла. — Советник Двейн много времени проводит у себя в кабинете, никого не пускает и что он там делает неизвестно. В замке множество гостей. И никому нет никакого дела до безопасности девочек.

— Возможно, поэтому я и попросил Дориана о помощи, и прислали вас, — ответил Вилберн.

Он всегда говорил неторопливо и спокойно, даже если это были очень важные вещи, а решение требовалось незамедлительно. Спокойствие отражалось и в неторопливой походке, несуетливых движениях.

— Видел, как вы общались с Амелией, — заметил советник. — Несколько раз. Если вам удалось заполучить её расположение, значит, вы способны на невозможное.

— Вы так считаете?

— Амелия мало кого к себе подпускает после смерти Оливии. Мать она была плохая, но все-таки — мать. А если говорить о самой Амелии, то она в людях разбирается, я это знаю, уж поверьте. Вы хороший человек. Но независимо от того, какая вы, нужен результат.

Камилла вздохнула. Вилберн говорил очевидные вещи, как тут поспоришь? И правдивые. С момента пребывания в Браго пятнадцать дней назад попытки понять, кто именно писал старшему советнику об убийстве Лиры, не сдвинулись с мертвой точки. И только недавно, когда Дьюк рассказал о покушении на Лиру в особняке, кое-что прояснилось. А ведь эта почти взрослая леди даже не сообщила ей, что покидает замок! Но рассказывать о покушении, не стоило. Тогда пришлось бы сказать и то, что Дьюк с общиной напали на имение Рокстерли, будучи изгнанниками, совершив тем самым преступление.

— Возможно, мне нужно ещё раз поговорить с вашей служанкой, — предположила Камилла.

— Хорошо, я пришлю её. Но позвольте поясню ещё раз? Ави не просто служанка, а мои глаза и уши в этом замке и на протяжении нескольких лет уже не раз сообщала важную и полезную информацию. Да и советник Двейн изменился за последние полгода, стал будто другим человеком, уже и не узнать. А раньше мы хорошо общались. Верно, это из-за того, что спутался с североземцами.

Вилберн сложил несколько бумаг на столе в одну стопку и убрал в заплечный мешок, лежащий на коленях. По всей видимости, до прихода Камиллы, он наводил порядок и

собирался в дорогу. Вздохнув, старик поднял глаза на Камиллу, и жадно оглядел с головы до ног, словно оценивая красоту женского тела. К слову, именно он подарил ей несколько шикарных платьев, тунику, пару поясов и подходящую по размеру обувь. Откуда это все и кому принадлежало раньше, язык не повернулся спросить. Но всё подошло почти идеально.

— Вижу, вы стали разговаривать более вежливо. И одеваетесь, как подобает высокородной даме. Быстро учитесь. Смотрите, как ведут себя другие. Похвальная наблюдательность, — заметил он. — Но знайте, за этими улыбками, за этими вежливыми фразами скрывается чернь. Все, что хотят эти люди, гости, приехавшие лицезреть престолонаследие, это облизать Лиру Рокстерли с ног до головы, чтобы заручиться связями, поддержкой и финансированием из казны центральной провинции. Лучше бы Лира спросила при случае, где все они были в тот час, когда императору понадобилась поддержка пять лет назад, вы так не считаете?

— О чем вы говорите? — не поняла Камилла.

— О нападении североземцев. Не припоминаете? Северная провинция пострадала, но, благо, не слишком сильно. Экономике довольно быстро удалось восстановить, хотя это уже никого не волновало. Главное, что император Норберт справился, разбив североземцев силами своего ордена. Пожалуй, это последний значимый поступок, который он свершил перед тем, как расстаться с жизнью.

Камилла не ответила. Вилберн ничего не знал о её детстве. Прошло пять лет после нападения на коммуну, и казалось, время пролетело незаметно. Все эти годы она иногда спрашивала себя: родная деревня до сих пор существует или навсегда стерта с лица земли? Мог ли кто-то выжить и вернуться? Чтобы отстроить сожжённые дома, заново засеять землю и развести скот. Чтобы смотреть, как плодородная почва впитает невинную кровь и примет в свои объятия мертвые тела. А затем продолжит приносить жизнь, как это было всегда.

— Видите? — спросил советник, достав из-под плаща завернутое в трубочку и перевязанное лентой письмо.

— Что? — не поняла Камилла.

— Печать, — Вилберн указал пальцем на надломанную после вскрытия печать герба Рокстерли. — Меня вызывает лично управитель Грейнор. К сожалению, вынужден оставить вас разбираться со всем самостоятельно.

Камилла чуть не потеряла дар речи. Взглянув на печать, она увидела символ ястреба, расправившего крылья в двойном круге. Герб Рокстерли, встречавшийся в коридорах замка.

— Что? — возмутилась она. — Вы не можете уехать! А если меня раскроют? Вас рядом не будет.

— Никому нет никакого дела до безопасности. Разве не вы это сказали? Вряд ли кто станет подозревать, прошло уже почти две недели. Поэтому помните: все в ваших руках. Лира — будущее всего Гальрада. Истинная дочь своего отца. Если все пойдет хорошо, она заявит о своем праве на престолонаследие и станет императрицей всего Гальрада.

— Это невысказано, — прошептала себе под нос Камилла, понимая, что не сможет ничего изменить.

— Я отправил письмо Велимиру о том, что покидаю замок и оставляю вас одну. Попросил, пусть прибудет в леса Саргоса и ждет, чтобы в случае необходимости обеспечить вам безопасный отход. На ваше счастье он один из лучших блуждающих на континенте и, думаю, сможет вас разыскать.

Советник встал из-за стола, перекинул сумку через плечо и оглядел кабинет. А затем

спросил:

— Могу я что-то ещё сделать для вас напоследок?

— Может, вы хотя бы скажете дяде Лиры, что она в опасности?

— Я думал об этом, но нет, — ответил советник. — Не то, чтобы Грейнор мне не доверял. Мы всегда были в хороших отношениях. Однако не общались уже около полугода. И с тех пор, как он начал странствовать по провинции, многое изменилось здесь, в Браго. Сейчас у меня нет никаких доказательств, а слова простой служанки легко опровергнуть. И в итоге ничего не изменится.

— То есть, управитель не поверит? — уточнила Камилла.

— Моё слово против слова старшего советника? Нет, не думаю. Знаете, раньше, когда был жив Норберт, я вел дела по внешней политике всего государства. Хорошие были времена, но они прошли. Теперь меня считают стариком, которому всюду мерещатся заговоры и посягательства на семью управителя.

Вилберн вздохнул.

— Что ж, прощайте, Камилла. Надеюсь, когда встретимся в следующий раз, Лира будет жива и здорова.

Он направился к двери. Камилла не знала, когда встретит этого человека снова.

Несколько часов до вечера Камилла провела, бродя по имению Рокстерли, в попытках придумать план. Все нити вели к старшему советнику Двейну, а он любил сидеть в своем кабинете и держаться подальше от всех. Всюду расхаживали важные лорды, стражники, прислуга, главы гильдий, аристократия из столицы. Длинные коридоры начали казаться однообразными, а залы наполнялись разговорами о предстоящей коронации, обсуждениями рода Рокстерли, величия замка и величине богатств.

Под вечер от мыслей отвлекла Авистия — глаза и уши советника Вилберна. Камилла натолкнулась на неё, направляясь проконтролировать, что сестры находятся в своих комнатах и готовятся ко сну. Авистии на вид было лет десять-двенадцать, совсем ещё ребенок. Но советник не прогадал. По общению и поведению девочка была умна не по годам.

— Я выполнила ваше указание, госпожа Фрида, — отрапортовала она, слегка поклонившись.

Как раз ранним утром Камилла, как и обещала Дьюку, написала послание его общине. В нём было кратко сказано, Дьюк задерживается в замке до коронации и Лире угрожает опасность. Камилла приказала девочке найти получателя на окраине провинции, в таверне.

— Ты передала письмо? — на всякий случай уточнила Камилла.

— Да, — уверенно подтвердила Ави. — Собственноручно человеку по имени Божко. Содержимое письма никто не ви...

— Да тише ты! — шикнула Камилла и отвела девочку в сторону, хотя проходившие люди совершенно не обращали на двоих никакого внимания. — Молодец, только много не болтай.

— Ни слова, госпожа. Вы знаете, что советник Вилберн покинул замок сегодня днем? — спросила вдруг девочка.

— Да, знаю. Переживаешь за него?

— Нет, что вы. Советник давно не покидал замок, но ничего страшного случиться не должно. Он велел во время своего отсутствия держаться рядом с вами и выполнять поручения. Я полностью в вашем распоряжении.

Она снова сделала легкий поклон.

— Здорово, — отозвалась Камилла без особой радости. — Раз так, нам нужно будет ещё раз поговорить про то, что ты видела. Но не сейчас. Позже приходи. А теперь иди.

Ави молча поклонилась и поспешила удалиться. Возможно, хоть так поиски убийцы сдвинутся с мертвой точки.

Когда в Браго наступал вечер, гости расходились по комнатам, кто-то все ещё гулял в саду, другие возвращались в главный зал и при факелах слушали менестреля. Кто-то танцевал до глубокой ночи, кто-то просто выпивал. Слуги зажигали факелы на стенах в длинных коридорах, и огромный замок превращался в гигантскую постройку ярких огней, величественно возвышающуюся над Саргосом, столицей Гальрада. Главные ворота закрывались до утра. Наступала ночь.

Когда Камилла пришла провести Амелию, та уже была в кровати, читала какую-то книгу при свете свечей. Она отвлеклась, поднимая глаза на нарушившую покой воспитательницу.

— Убери книгу. Я гашу свет, — предупредила Камилла — Ты же не боишься темноты?

— То, что я младшая сестра, не означает, что я ребенок. Мне уже четырнадцать, Фрида.

— Я помню.

Амелия отложила книгу и улеглась на подушку. Шикарный балдахин над кроватью, подвешенный к потолку с трех сторон, всегда был закрыт только со стороны окна.

— Была одна воспитательница до тебя. Жутко мне не нравилась, — зачем-то решила рассказать Амелия. — Однажды я разозлилась на неё и пожаловалась маме, что она меня ударила. Это, конечно, была ложь. Но никто даже не стал разбираться, было это на самом деле или нет. Просто после того разговора я больше никогда её не видела.

— И ты это рассказала, чтобы я понервничала?

— Нет, не по этому. Просто... у меня скверный характер.

— Я так не думаю. Но иногда кажется, что хорошая порка действительно не помешает, — больше в шутку пригрозила Камилла. — Так что лучше закрывай глаза и спи.

Амелия кивнула и отвернулась на правый бок, то ли и вправду решив лечь спать, то ли просто притвориться. Камилла погасила свечи и тихо покинула комнату.

В это время в замке становилось гораздо тише и спокойнее, чем днем. В пустующих коридорах и возле дверей встречались только стражники, реже кто-то из гостей. Звуки шагов негромким эхом разносились по коридорам. Но на этот раз прямо у двери юной госпожи ожидал старший советник.

— Добрый вечер, Фрида. Амелия спит?

— Да, уже легла.

Сонное состояние вмиг улетучилось. Перед ней стоял человек, замешанный в покушении на Лиру. Ещё не хватало, чтобы кто-то навредил девочкам ночью. Раньше они жили в донжоне, который всегда охранялся стражниками. Но Амелия упоминала, что после смерти отца, мать девочек решила, что в собственном доме ей никто не угрожает, и велела отменить охрану не только у себя, но и у всех дверей в замке. Она пыталась многое изменить на свой лад вскоре после смерти императора. И, кажется, пора бы уже посоветовать девочкам закрывать комнаты на ключ до утра.

— Раз вы, наконец, свободны, мне бы хотелось обсудить кое-какие детали вашего пребывания здесь. Прошу пройти ко мне в кабинет, там и сможем спокойно поговорить. Это

ненадолго.

Голос старшего советника звучал спокойно и сдержанно. Он едва заметно улыбнулся и Камилле это не понравилось. В его поведении прослеживалось что-то неестественное, нечеловеческое. А за добродушным взглядом могли скрываться лживые намерения. Но поиски доказательств так и не сдвинулась с мертвой точки, а Камилла все время хотела найти повод ещё раз побыть у советника в кабинете. И теперь он сам зовет туда. Этим стоило воспользоваться.

Глава 16. Тайное становится явным

Дьюк выглянул в окно. Из комнаты Лиры открывался прекрасный вид на Саргос. Город предстал, будто на ладони. И ночью столица стала красивее, чем днем. В окнах некоторых домов горел свет, у подножия центральной рыночной площади все ещё гуляли люди, а гигантский собор с круглой крышей величественно возвышался над домами из белого камня.

Мысли об отце не выходили из головы. Камилла сказала, что он спас её, найдя в лесу, а потом направился в деревню. Дьюк видел собственными глазами, как мать убили североземцы. Но почему-то вне всяких сомнений знал, что отец совершенно точно жив.

— Ты так и не сказал, как тебе новая комната?

Дьюк обернулся посмотреть на возмущенную Лиру. Похоже, она уже собиралась спать, но увидела проходящего по коридору Дьюка и позвала к себе, в очередной раз расспросить, все ли нравится в замке. Она была очень довольна тем, что он остался. Правда, о цели возвращения пришлось приврать, чтобы не раскрывать Камиллу. Поэтому он сказал, что якобы виделся с общиной, но решил вернуться в замок до окончания коронации и спросил, может ли он побыть гостем. Очень захотелось увидеть церемонию престолонаследия самому.

После этого Лира сразу же приказала служанкам подготовить одну из свободных комнат и распорядилась, чтобы он ни в чем не нуждался.

— Комната просто великолепная, — ответил он.

На самом деле она по размерам почти такая же, как дом, в котором он раньше жил с родителями. Одна только комната в громадном замке!

— Обычно в это время Фрида уже приходит, — недовольно сказала Лира, зевая. — И где её носит? Ты же ещё не успел познакомиться с моей воспитательницей?

— Успел.

— Правда? — удивилась Лира.

Дьюк понял, что ответил, не подумав. Действительно, откуда он, путешествующий с общиной странник, мог знать Фриду Гелдер?

— Ну, мы встречались пару раз, — быстро поправил себя Дьюк. — В коридорах замка.

— Понятно, — устало протянула девушка. — Учти, если что, она замужем и...

Дьюк уже не слушал. Слова девушки на счет того, что воспитательница где-то задерживается, заставили заволноваться. Повернувшись к двери и закрыв глаза, он глубоко вздохнул.

В замкнутом пространстве дар блуждающего только усиливался, давая возможность ощущать и узнавать не только, сколько людей находится по ту сторону стены, но и кто именно. Дьюк почувствовал, как Камилла пошла вместе со старшим советником Двейном прочь от комнаты девочек по коридору. За ними не спеша направились два человека, держась на небольшом расстоянии. Он был готов поспорить, что это два стражника Малеонского ордена. Именно их Дьюк увидел возле окна неподалеку от комнат сестер и подметил это потому, что никогда не видел стражников, стоящих на одном месте где-то в коридоре. Тем более в вечернее время суток. Обычно они всегда ходили по трое или четверо, патрулируя выделенную территорию замка.

— Ты что, используешь дар? — в очередной раз возмутилась Лира, заставив Дьюка открыть глаза. — Ты меня слушаешь вообще?

— Я пойду посмотрю, где там госпожа Фрида, — засуетился Дьюк. — А ты будь здесь, никуда не выходи, хорошо?

— Я вообще уже собираюсь лечь спать.

Дьюк выскочил из комнаты и пошел по следу. Дойдя до поворота, он вновь решил вдохнуть полной грудью и сконцентрироваться. Медленный вдох помогал быстро абстрагироваться от реальности и сосредоточиться. Но этого не понадобилось, ведь негромкий голос старшего советника послышался прямо из-за поворота, будто он стоял где-то рядом:

— Я хотел поговорить об одном интересном выводе. С нашей первой встречи мне показались странными несколько моментов, поэтому я решил отправить своего человека в поместье к Гелдерам. И знаете, что он там обнаружил? Что госпожа Фрида Гелдер находится в собственном доме и в столицу даже не собиралась.

Дьюк выглянул из-за угла и понял, что два стражника оказались здесь не случайно и сейчас стояли прямо у Камиллы за спиной.

— Только не надо кричать. Иначе вас сразу же убьют на месте, — предупредил Двейн. — Придется сказать сестрам, что вы передумали у нас работать. Мои люди выведут вас отсюда без лишнего шума. И мы больше никогда не встретимся.

Дьюк уже начал было искать место, чтобы спрятаться, если кто-то вздумает пойти в его сторону. Но быстро сконцентрировавшись, он ощутил, что советник Двейн направился дальше по коридору, в противоположную сторону. А вот Камилла и два стражника двинулись прямо к нему. Из-за поворота послышался грубый голос:

— Шевелись, давай!

Дьюк достал оружие, поняв, что лучшего момента для атаки не найти. Не успев толком сообразить, что делает, он выскочил из-за поворота и пырнул одного из стражников прямо в живот. Камилла, находящаяся между ними несколько мгновений стояла ошарашенная, пока Дьюк совершал второй смертельный удар в горло раненого стражника. Им очень повезло. Стражники не доставали оружие из ножен, поддерживая иллюзию того, что просто сопровождают госпожу Фриду во внешний двор.

Второй потянулся за мечом, но Камилла сжала его руку. А другой прикрыла несчастному рот и, навалившись всем телом, приперла к стене. Дьюк совершил ещё один точный удар. Острием в центр горловины, как и учил Божко. Конечно, до этого применять навыки на практике не доводилось, только тренироваться, сражаясь понарошку, но мешкать и отступать было уже поздно.

Тело второго стражника обмякло, рухнув на каменный пол. Камилла уперлась плечом о стену, а затем и сама медленно сползла на пол, тяжело дыша.

— Ты в порядке? — спросил Дьюк.

— Он меня раскусил, — тихо, со злостью в голосе ответила Камилла. — Вот ублюдок, да? Теперь понятно, как они уволили предыдущую воспитательницу, о которой рассказывала Амелия.

Дьюк выдохнул и волнение пропало. Камиллу не успели ранить или чего хуже — убить. Он быстро огляделся вокруг и увидел небольшую дверь. Маленькая кладовая была вся в пыли. Видимо, служанки раньше хранили здесь инвентарь.

— Давай их сюда, — сказал Дьюк.

Камилла, не мешкая, помогла затащить трупы за дверь, при этом стащив с пояса одного из них кинжал. И после того, как дверь закрыли снаружи, сказала:

— Думаешь, это хорошая идея?

Дьюк только пожал плечами. Лучше в голову не приходили, а следы надо заметать быстро.

— А ты-то что тут делаешь? — шепотом всплыла на кого-то Камилла.

Дьюк обернулся и увидел выглядывающую из-за угла девочку, одетую как служанка. Странно, но он не слышал звуков шагов.

— Вы в порядке, госпожа? — взволновано спросила она вместо ответа.

— В порядке, — Камилла оглядела следы крови на полу и стене и шепотом скомандовала. — Быстро вытри здесь кровь и смотри, чтобы никто ничего не видел.

Девочка кивнула и поспешно куда-то удалилась. Видимо, за тряпками и водой.

— Не переживай, свои, — сказала Камилла, увидев многозначительный взгляд Дьюка. — Идем.

Камилла поднялась и уверенно направилась куда-то вперед, по коридору. Им везло. В столь позднее время гости или веселились в главном зале или готовились ко сну в своих комнатах. Поэтому на пути им не встретилось ни одного человека.

Камилла остановилась у расписанной дубовой двери и огляделась, убедившись, что поблизости никого нет. Дьюк догадался, что это и был кабинет старшего советника, который очень кстати отправил своих людей выпроводить Камиллу, и теперь лишился охраны.

— Что ты собираешься делать? — спросил Дьюк.

— Собираюсь пойти к Двейну, приставить лезвие к горлу и узнать, кто должен убить Лиру Рокстерли!

— Рискованно.

— Терять уже нечего, — твердо сказала она. — Он думает, что от меня уже избавились и оставаться в замке будет глупо. Я же не могу пойти спать и завтра вести себя так, будто ничего не было? Так что, надеюсь, он там, и все пройдет гладко.

Дьюк на мгновение закрыл глаза и вздохнул, в очередной раз используя дар. Кабинет старшего советника не пустовал.

— Он там, — подтвердил Дьюк. — Сидит за столом возле окна. Один.

Камилла невольно удивилась:

— Дьюк, ты что, блуждающий?

Он только сейчас понял, что никогда не говорил ей о даре. Просто к слову не пришлось.

— Ладно, неважно, — она нервно махнула рукой. — Сейчас надо действовать. Раз советник там, план такой: ты открываешь дверь, я быстро забегаю и узнаю все, что давно уже нужно узнать. А ты стоишь возле двери и караулишь. Если кто-то будет идти в эту сторону, развернешь, скажешь что-нибудь. В общем, придумаешь, что делать.

Дьюк немного замешкался. Он привык все тщательно обдумывать, прежде чем действовать. Но ситуация этого не позволяла.

— Ты уверена? — наконец, спросил он.

— Нет, давай уже, открывай!

Он схватился за ручку двери, и они посмотрели друг на друга. Камилла сжала рукоять кинжала в руке так сильно, будто хотела раздавить. Дьюк кивнул и открыл дверь. Камилла резко вошла в помещение. Что происходило дальше, он не видел. Никакого шума из кабинета не доносилось, пока тихо и угрожающе не зазвучал женский голос:

— Если вздумаешь кричать, убью сразу!

Все-таки было любопытно, и он заглянул за дверь одним глазком. И судя по всему, все

пошло хорошо. Камилла склонилась через небольшой стол над советником Двейном, который так и остался сидеть на стуле, и держала кинжал лезвием возле горла. Вид у него был ошарашенный.

— Ты хотел убить Лиру Рокстерли, отвечай живо! — полусшепотом пригрозила Камилла.

Дьюк снова сконцентрировался и на пару мгновений прислушался к ощущениям, стараясь понять, нет ли кого поблизости. Но не почувствовал посторонних. Однако внезапно ощутил кое-что другое.

Его меч в ножнах на поясе взывал к себе. Неописуемое словами, но знакомое ощущение, когда что-то внутри побуждает, вызывает желание. Меч будто сам просился в руку. Дьюк уже было схватился за рукоятку, но отвлекся, услышав злобное шипение советника:

— ... не жить тебе шляха гальрадская, сдохнешь очень быстро.

— Я задала вопрос, отвечай!

Дьюк обернулся, услышав шум и подумав, что началась драка. Определенно что-то произошло за доли секунды. Небольшая возня и пара резких ударов. Он увидел, как тело советника упало со стула на пол, а из горла засочилась кровь. Камилла, обойдя стол, подбежала к Двейну, пытаясь понять, жив или нет, но его уже было не спасти. Тело врага обмякло и не шевелилось.

— Вот сволочь! — выругалась Камилла подойдя к Дьюку. — Сам напоролся на нож.

— Напоролся на нож? — удивленно уточнил он. — И ничего не рассказал?

— Нет, не рассказал. Он вынуждал его убить, оскорблял, просил, будто как раз собирался умереть. А потом схватил мою руку с кинжалом у горла и со всей силой воткнул в себя. Я даже не успела ничего сделать!

Дьюк выглянул за дверь, убедиться, что поблизости никого нет. Камилла вышла следом и закрыла дверь, чтобы ненароком не привлечь ненужного внимания. С кинжала Камиллы стекала кровь, а кисти рук пробила мелкая дрожь. Три трупа — довольно много для одного дня. Хотя бывало, что Дьюк видел гораздо больше мертвых. Но не убивал при этом сам. А сейчас думал лишь о том, как быстрее и правильнее замести все следы.

— Дьюк, что делать? — заволновалась Камилла.

— Для начала, спрятать тело где-нибудь в кабинете и запереть дверь. Иди, я останусь здесь. Найди ключ от комнаты, спрячь его за ширму или под кровать. Чтобы было трудно найти. И уходим.

Камилла кивнула и вернулась в кабинет старшего советника. Но через несколько секунд неожиданно выскочила обратно.

— Дьюк, слушай...

Она порывалась что-то сказать, но долго подбирала слова. Молчание затянулось, и он сам решил уточнить:

— Ну, что?

— Труп исчез.

Он недоверчивым взглядом посмотрел на Камиллу и решил сам убедиться. Свеча, стоявшая на столе, погасла. Теперь только свет луны из окна освещал часть помещения, но этого было достаточно. На первый взгляд в кабинете все находилось, так как он видел пару минут назад. Но в том месте, где должно было лежать тело старшего советника, осталась только кровь на полу. Тело в самом деле исчезло.

Он считал, что немало повидал за свою жизнь. Но трупы пропадали впервые.

— Может, ты его не убила, — предположил Дьюк, осматривая комнату.

— Убила, точно говорю. И дыхание проверила.

— Значит, уже спрятала?

— Я, по-твоему, дура что ли? Если бы это...

Оба застыли, услышав, как что-то металлическое с громким звоном упало на каменный пол. Дьюк посмотрел в угол комнаты и увидел плотно задернутые шторы, откуда и исходил звук. За ними было продолжение кабинета, ещё одно помещение, судя по всему, спальня. Дьюк медленно вынул меч из ножен. Камилла аккуратно взяла со стола советника два кремня и подожгла свечу. Комнату озарил свет.

— Если не посмотрим, точно не уснем, — осмелел Дьюк. — Пошли.

Они подошли вплотную к шторе, но не решались сделать ещё пару шагов.

— Дамы вперед? — попытался пошутить Дьюк.

— Очень смешно.

Он отодвинул штору и осторожно вошел. Камилла не отставала, освещая небольшое помещение.

Это была спальня. Уютная, небольших размеров, половину которой занимала кровать. Хозяин любил уют и чистоту, все вещи лежали в образцовом порядке, только на полу валялся металлический кубок. Он-то и привлек к себе внимание. Камилла прошла вперед, пытаясь найти следы.

Свеча в её руке погасла, но комнату резко, с каким-то странным звонким звуком осветил другой источник темно-синего оттенка. Дьюк сначала не понял, откуда он исходит, но затем обратил внимание на собственный меч. Свет исходил от лезвия и от символов на нем. Камилла, стоявшая впереди, обернулась и посмотрела удивленно, но почти сразу изменилась в лице, глядя куда-то позади него. И приглушенно вскрикнула:

— Сзади!

Дьюк резко повернулся. Он оказался первым, замахнулся и наотмашь ударил, куда попало. И благодаря свету меча понял, что по удачному стечению обстоятельств отрубил тянущуюся к нему кисть руки. Свет ярко освещал того, кто стоял прямо перед ним, издавая от боли тихий, но до жути страшный визг.

Это был не человек. Нечто похожее по строению тела, но с более длинными руками и в разодранной местами одежде старшего советника.

Дьюк нанес ещё один колющий удар в живот со всей силы, которая только возможно, и подался вперед, повалить врага на пол. Меч удивительно легко вошел в плоть, словно нож в масло. Впрочем, оружие никогда не подводило с того дня, как попало в руки.

От испуга и неожиданности он продолжал бить по уже упавшему существу, которое через пару ударов уже перестало шевелиться, испустив дух. Тяжело дыша, он, наконец, остановился, пытаясь лучше рассмотреть врага. Но свет меча начал постепенно тускнеть, пока они снова не остались в темноте.

Некоторое время Дьюк не шевелился, боясь даже сделать шаг. Камилла вновь зажгла свечу прямо за спиной и подошла поближе, чтобы рассмотреть. Это было что-то до жути пугающее и определенно уже не живое. Застывшие глаза, неестественно большие, устремились куда-то в пустоту и больше походили на глаза животного, чем человека. Руки и ноги безобразно длинные, худые. И бледная грубая кожа.

Существо бездыханно лежало на полу. Вне всяких сомнений, что бы это ни было, недавно оно было советником Двейном.

— Я, кажется, знаю, что это такое, — неожиданно прошептала Камилла.

— И что же это?

Она осторожно наклонилась, чтобы посмотреть поближе.

— Давай сначала уберемся отсюда? — предложила она.

— Ты ключ нашла? — вспомнил Дьюк. — Надо бы закрыть дверь.

Камилла нервно кивнула. Затем поспешила покинуть темную комнату, придерживая рукой свечу и аккуратно перешагнув через тело. Дьюк поспешил следом. Ключ лежал на столе прямо возле окна на самом видном месте. Он взял его и, сделав глубокий вдох, закрыл глаза. Убедиться, что поблизости никого нет и существо в другой комнате точно мертво.

Только оказавшись в покоях у Камиллы, они смогли вздохнуть спокойно. Дьюк сел на кровать, в то время как она, на удивление, начала расхаживать по комнате то в одну сторону, то в другую.

— Это был нирту, — выдала Камилла.

— Что ещё за нирту?

— Существа, обладающие возможностью менять внешний облик, перевоплощаясь в того, кого убивают. Дориан как-то рассказывал о них, — нервно ответила она. — Я увидела и сразу вспомнила картину, которую видела у себя в общине.

— Никогда ни о чем подобном не слышал.

— Никто не слышал. Дориан видел собственными глазами, как пытались тайно создать одного из таких где-то на севере. Он говорил, это были какие-то неудачные попытки познать тайны вечной жизни и человеческих границ. Я тогда не восприняла всерьез рассказы об этом. Но, североземцам все же удалось их создать.

Дьюк удобнее устроился на застеленной слугами кровати и задумался. Существа, которые могут принимать облик того, кого убивают. Созданные на севере, далеко отсюда. Никто не знает, что вообще существует нечто подобное. Впрочем, и Дьюк бы не поверил, если б не видел сам.

— Что ты молчишь? — спросила Камилла.

— Я думаю.

— Думаешь, — повторила она. — Ну, извини, что отвлекаю.

Камилла нервно ходила по комнате, а затем в этой давящей тишине все же решила успокоиться и села рядом.

— Они не хотели убивать Лиру, — наконец, сказал Дьюк. — Им нужно не убить её, а заменить! Это ведь сложнее, потому что занимает больше времени. И если этот нирту убьёт человека и перевоплотится в него, то необходимо ещё и переодеться в одежду погибшего. А это занимает время. И тело... — Дьюк хлопнул себя по лбу. — Теперь все понятно! Их цель действительно убить Лиру, но сделать это не здесь. Убить можно, но куда деть тело? Спрятать? Рано или поздно найдут.

— Нюхачи? — подсказала Камилла.

— Да, например. Трупный запах или просто одна из служанок случайно обнаружит. Вот зачем понадобилось заманивать Лиру в особняк и устраивать там покушение. Теперь все сходится. Из особняка в замок должна была вернуться другая Лира Рокстерли. Но моя община помешала этому, и она осталась жива. Тот, кто велел отправиться в особняк, должен быть связан с покушением.

Камилла угрюмо вздохнула.

— Я как-то до сих пор не нашла время спросить у неё об этом.

— Завтра вместе и спросим, — наметил план Дьюк — Обязательно.

— Кстати, почему твой меч светился, — вспомнила Камилла. — Когда мы обнаружили нирту.

— Такое первый раз. Может, меч как-то реагирует на них?

Дьюк мысленно выругался. Они вошли в помещение, не зная, чего ожидать и могли запросто умереть. Наверняка враг на это и рассчитывал, и кубок упал на пол не просто так, а для привлечения внимания. Вероятно, нирту, лишившись телесной оболочки, хотел убить их, перевоплотившись в новое тело. Воспитательница Фрида подошла бы для роли человека, который может заманить Лиру в ловушку. Если бы не меч, они бы здесь и не сидели.

— Дашь взглянуть?

Дьюк привстал и аккуратно вынул оружие из ножен.

— Глифовый меч! — изумились Камилла. — Но, откуда?

— Это долгая история, — уклончиво ответил Дьюк.

Сейчас не время рассказывать про встречу с врагами в лесу и чудесное спасение волками. Как-нибудь в другой раз, в более приятной обстановке, вечером, сидя у камина где-нибудь в безопасном месте.

— У меня тоже есть такой, — призналась Камилла. — От Дориана. Он думает, меч поможет спастись от зла. Вообще-то он говорил, что это очень редкая вещь, и во всем мире таких немного.

— Кажется, этот человек много знает о североземцах, — сказал Дьюк.

— Это верно! Когда вернусь в общину, у меня будет очень много вопросов.

Камилла подошла к небольшому столику возле окна и медленно наполнила себе кубок вином.

— Без тебя, я бы точно не справилась, — подытожила она и осушила сразу пол кубка. — Ты мой герой.

— Кажется, алкоголя уже достаточно.

— Знаешь, может, я хочу напиться и вообще забыть о том, что видела сегодня?

— Сомнительная идея. Ты же с детства не переносишь алкоголь.

— Все ещё помнишь об этом? — спросил она, подливая вина в кубок.

Дьюк подошел к Камилле и взял за правую руку, не давая возможности выпить. Он почувствовал, как её бьет мелкая дрожь.

— Конечно, помню.

Глава 17. Гальрадский ястреб

Идя знакомыми путями, Камилла осознала, что довольно быстро привыкла к шикарному убранству, постоянному порядку и чистоте, вкусной и разнообразной пище. И все же не переставала наслаждаться. Бесконечные коридоры с однотонными коврами, величественные гербы и картины на стенах, витражные окна, сад с изысканными цветами и деревьями — все поражало красотой и кричало о богатстве. В детстве Камилла совсем не так представляла замок и его обитателей. Иногда, когда она заходила в гости к Дьюку, его отец рассказывал о путешествиях в западную провинцию на подработку и о том, что знает об орденах. По этим рассказам, жизнь в замке протекала почти так же, как в хорошо укрепленном лагере. Который, прежде всего, строился для удержания обороны и в качестве средства военного контроля. Но тот, кто занимался строительством Браго, позаботился и о комфорте, и о защите.

Самый большой и, пожалуй, самый величественный замок на континенте возвышался над Саргосом, столицей Гальрада, как символ величия. Император Норберт правил именно здесь. Собирал политиков, управителей, магистров орденов. Проводил собрания, отдавал распоряжения, выслушивал советников. Среди этой насыщенной политической жизни росла Лира и её сестра. Вероятно, у Норберта не было много времени на детей, поэтому присутствие воспитательницы стало для них привычным делом. А так же учителей по точным наукам, политике, грамматике и риторике. Девочек готовили к взрослой жизни. И Камилла знала, что по неизвестным причинам воспитательницы в Браго не задерживались. Впрочем, и она не могла надолго здесь остаться, даже если бы захотела.

Камилла с Дьюком направились в сад к Лире, узнать, кто и зачем попросил её поехать в особняк.

— Вон она, видишь?

Камилла указала Дьюку на дочь покойного императора Гальрада, идущую из сада в сторону главного зала.

— Давай расскажем Лире, для чего ты здесь на самом деле? — предложил Дьюк, пользуясь моментом.

— Даже не думай об этом! — возмутилась Камилла полусшепотом. — Всею своё время. Я проникла в её дом обманом и притворяюсь другим человеком. Считаешь, она хорошо отреагирует на это?

Дьюк пожал плечами, неуверенно соглашаясь.

Камилла за недолгое время проживания в Браго уже успела привыкнуть к девочкам. Сестры отличались друг от друга не только внешне, но и характерами. В то время как Амелия проявляла свободомыслие, бунтарское отношение к жизни, пытаясь доказать что-то окружающему миру и себе самой, Лира всегда старалась оставаться смиренной по отношению к правилам. И, насколько возможно было судить, с самого детства делала, что велели, если это было правильным. Носила подобающую одежду, учтиво и излишне вежливо вела себя при других, всегда приходила вовремя, прилежно училась. В целом, старалась быть послушной и часто делала то, что положено вопреки собственным желаниям. Новую воспитательницу воспринимала с должным уважением. Но соответствовало ли это уважение тому, что скрывалось в глубине её души, Камилла не знала.

Именно поэтому не стоило рассказывать о том, кто на самом деле воспитательница

Фрида Гелдер. Девочки потеряли отца и мать, оставшись с дядей, который покинул родной дом на долгое время. И если Амелия, бывало, открыто показывала, что ненавидит весь мир за это, то Лира умело скрывала тоску за маской учтивости и доброты.

Старшая сестра, заметив Дьюка и воспитательницу, направилась им навстречу, приветливо улыбаясь. Предстоящая церемония коронации не могла её не радовать и волновать одновременно.

— Замечательно, что вы уже успели познакомиться, — заметила Лира, обращаясь к Дьюку. — Вчера я хотела показать госпоже Фриде моё платье для церемонии, но не получилось. Можем сделать это сегодня.

Камилла устало вздохнула, закатывая глаза. Примерка платья — занятие довольно скучное. Конечно, Лиру можно понять — скоро наступит момент, после которого жизнь изменится. В её руках будет ответственность за судьбу центральной провинции. Но есть дела важнее, чем предстоящая коронация. А именно — североземцы, вторгшиеся в самый центр Гальрада.

— Я так и не дождалась вас, госпожа Фрида, — вспомнила Лира. — И легла спать. Надеюсь, ничего не произошло?

Собравшись с мыслями, Камилла коротко ответила:

— Нужно поговорить, Лира.

— Что-то случилось?

— Да, случилось. Покушение на тебя в особняке, куда ты уезжала из замка, никого не предупредив.

Они удачно встали в стороне от главной аллеи сада, где никто не мог их подслушать. Судя по выражению лица, Лира собиралась возмутиться, но Дьюк её опередил:

— Я рассказал твоей воспитательнице о том, что произошло в особняке. И она переживает. Знаю, сейчас все хорошо. Но просто ответь на несколько вопросов для нашего спокойствия и все.

Лира не нашла, что сказать на это, и только слегка пожала плечами, с сомнением посмотрев на Дьюка. Все-таки нападение общины на особняк было их общей тайной, о которой никому не положено знать. Видимо, Лира решила, что Дьюк рассказал воспитательнице только часть правды. Например, что Лира сбежала, увидев трупы, и Божко с Дьюком по счастливой случайности оказались рядом и предложили помощь.

— Кто велел тебе направиться в особняк? — выпалила Камилла.

— Дядя Грейнор.

— Дядя, который путешествует по Гальраду и находится неизвестно где, сказал направиться в особняк?

— Он прислал письмо, — неохотно пояснила Лира. — Там было сказано, что он желает встретиться в фамильном особняке в западной провинции, чтобы сообщить что-то важное. Я подумала, это на счет будущей коронации и, конечно же, отправилась туда. В письме он сказал, что встреча должна быть тайной и мне следует отправиться с капитаном нового ордена без экипажа и охраны. Никто не должен был знать о моём визите. В письме дядя велел предупредить об этом только старшего советника.

— А письмо точно было от него? — спросил Дьюк.

— Конечно! — возмутилась Лира. — На нём стоял Гальрадский ястреб. Печать Рокстерли. Такая есть только у членов семьи и больше ни у кого. В настоящий момент их всего три. У меня, у Амелии и у дяди.

Камилла задумалась. Управитель, находясь вне дома, желает лично пообщаться с Лирой? И что же такого важного он хотел сообщить Лире, что назначил тайную встречу?

— А почерк тоже его? — спросила она.

— Что за глупости? Зачем дяде писать самому? — снова возмутилась Лира. — За него это делает архивариус.

И достоверность письма можно проверить только по печати. Как бы то ни было, Лира больше не беспокоилась о своей безопасности, находясь дома. Недаром говорят: «Браго — самое безопасное место на земле». В детстве, если речь заходила о столице и самом большом замке на континенте, кто-то обязательно упоминал эту крылатую фразу.

— Конечно, я переживаю, — призналась Лира. — Дядя наверняка прибыл туда после нашего бегства и не смог меня найти, а вся прислуга и стража мертва. Представляю, как он перепугался. И писем после этого от него не приходило. Но с ним все будет в порядке, я уверена. Все-таки он путешествует со стражей, да и сам славится тем, что умеет превосходно постоять за себя.

Камилла некоторое время подбирала слова и все же решалась спросить:

— Слушай, а твой дядя, он не мог... как бы это сказать? Намеренно подстроить твою...

— Конечно, нет! — Перебила Лира, поняв, о чем речь. — Спросите любого, все знают — дядя человек чести. Он бы ни за что не предал меня и сестру столь подлым образом! И больше, пожалуйста, не спрашивайте о таких вещах.

Камилла тяжело вздохнула. Кажется, даже намек на предательство кого-то со стороны близких людей вызывал протест и возмущение. Лира искренне верила в безопасность собственного дома и преданность всех, кто её окружает. Трудно будет убедить в том, что враг уже совсем рядом.

— Я познакомлю вас с дядей, и все сомнения сразу же исчезнут, — Лира продолжила убеждать воспитательницу. — Хоть его и не было дома долгое время, на коронацию он просто обязан явиться. Так что не беспокойтесь, лучше проверьте, чем занята Амелия, наверняка опять прогуляла занятия.

— Разберусь, — коротко ответила Камила.

— Я могу идти, госпожа Фрида?

Камилла опустила глаза и кивнула.

Лира слегка поклонилась воспитательнице, как это было положено, и поспешила удалиться, не оборачиваясь.

— Как же она иногда бесит, — неожиданно для себя призналась Камила, глядя ей в след.

Дьюк промолчал. Они нашли ближайшую свободную скамейку в саду и, не сговариваясь, присели. Сказать особо было нечего. А раньше она полагала, что когда встретит Дьюка, столько всего расскажет, что не хватит и нескольких дней. Было бы неплохо безмятежно болтать, совсем как в детстве, проводить вместе вечера после утомительной работы в поле.

— Думаешь, североземцы могли добраться и до дяди девочек? — решила спросить она.

Но Дьюк отрицательно покачал головой.

— Нет. Все-таки он главный человек в провинции, у которого в подчинении целый орден. Наверняка, его редко оставляют совсем одного. И, скорее всего, охраняют даже ночью.

— Да, я тоже об этом подумала, — согласилась Камила. — Но ведь до советника

Двейна они добрались? А он тоже был не последним человеком в провинции. И тогда, что это все значит?

— Только то, что мы что-то упускаем, — размышлял Дьюк. — Не понимаем чего-то очевидного, лежащего на поверхности. Североземцы наверняка готовились длительное время, чтобы убить и заменить Лиру, оставив втайне существование этих нирту. Вот только зачем? Мы все ещё не знаем мотивов. И это все ставит в тупик.

— Они хотят контролировать политику Гальрада, разве нет? — неуверенно предположила Камилла то, что пришло на ум. — Поэтому понадобилась именно Лира, чтобы занять престол и получить власть над центральной провинцией.

— Зачем?

— Как это зачем?

— Подумай о североземцах, о благословленной на севере, о нирту. Что бы ты делала на их месте? Ты говорила, что один человек объединил и сплотил кланы, жившие на севере врознь, — вспомнил Дьюк. — Так рассказал твой друг из общины? Очень давно потомки Маледона правили континентом, и, возможно, поэтому она хочет заполучить власть. Но зачем нужна Лира? И почему Гальрад?

— Да, ты, пожалуй, прав.

— Мы все выясним, — уверенно успокоил Дьюк. — Пойду, прогуляюсь и обдумаю. А вечером увидимся.

— Конечно. И, волчонок, спасибо, что остался со мной.

Дьюк молча улыбнулся и кивнул, принимая благодарность. А затем ушел.

В замке временами было скучно и совершенно нечем заняться. Конечно, работа воспитательницы подразумевала находиться рядом с сестрами, но они были уже далеко не дети и сами без чьего-либо надзора выполняли ежедневные дела и обязанности. Лира холодно отвечала, что ей помощь не нужна, а Амелия занималась какими-то своими делами и часто была себе на уме. Одним словом, постоянный контроль был совершенно ни к чему. Большую часть времени Камилла была свободна и посвящала себя девочкам в основном по утрам, когда приходилось их будить, и вечерами, когда наступала пора укладывать спать.

В свободное время Камилла гуляла по замку, саду, проводила время в собственных покоях. За крепостными стенами во внутреннем дворе величественно возвышалась трехэтажная круглая башня — донжон. Раньше в ней жил император Норберт со своей женой и дочерьми. Девочки временно перебрались в жилое крыло замка, чтобы быть ближе к гостям и всегда на виду из-за приближающейся коронации Лире. Поэтому башня длительное время пустовала, но всегда охранялась. Камилле было безумно интересно, как все обустроено на самом верху, в покоях хозяина. Хотелось собственными глазами увидеть, как жил управитель центральной провинции, посмотреть на роскошь и уют самого безопасного места в Гальраде.

А пока нужно вернуться обратно в общину живой и невредимой. Познакомить Дьюка с Дорианом и Велимиром. Может быть, осуществить мечту детства и отправиться в путешествие. Посетить города Беренгарского союза, только вдвоем, и никого напряжения и опасности.

Может, стоило носить с собой оружие, чтобы не вышло как в прошлый раз? Дамы в замке не носили мечей, кинжалов, не ходили в доспехах. А на полотняную рубаху надевали длинные платья, подчеркивающие фигуру. Их боевые подвиги сводились к стойкому

терпению и жертвам, принесенным во имя красоты. Чего только стоил один корсет и неудобная обувь. Среди гостей мечи при себе носили только лорды и вассалы, но скорее для подчеркивания статуса, как символ богатства и власти. Вряд ли они пользовались оружием, борясь за жизнь против разбойников где-то в глухих лесах Гальрада.

Камилла сама и не заметила, как дошла до внешнего двора, где находилось пустующее ристалище. Трибуны в ожидании зрителей окружали посыпанную песком площадку, где раньше устраивали турниры. Бои не проводились здесь со дня смерти Оливии Рокстерли. Организацией заниматься некому, да и незачем. Девочек вряд ли такое сильно интересует, а дядя уже долго отсутствовал.

Камилла бродила в одиночестве по опустевшим запыленным трибунам и поднялась до места, где сидел управитель.

А под вечер, как обычно, направилась в комнаты сестер, чтобы пожелать доброй ночи и убедиться, что обе в своих покоях и готовятся ко сну. Почему-то Камилла привыкла всегда сначала заходить к Амелии, так повелось с первого дня. Иногда ненадолго задерживалась там, потому что девочка, бывало, хотела поболтать о чем-нибудь.

Она как обычно, лежала в своей постели, с зажженной свечей, дочитывая книгу.

— Что читаешь? — поинтересовалась воспитательница, подходя к кровати.

— Читаю про Палеонесс, — ответила Амелия. — Много раз мы всей семьей плавали туда, когда отец налаживал торговые связи с принцем Освальдом. Он приглашал нас на праздник вознесения святой Вианоры. А ты бывала в Палеонессе?

— Нет, ни разу.

Камилла села на край кровати, поближе к девочке.

— Очень зря. Там так красиво! Люди со всего континента направляются туда за предсказаниями оракулов и товарами с центральной ярмарки Алкории. А ещё у них сильная армия, лучшая на континенте. И в ней одни девушки, представляешь? Их называют Девами Палеонесса.

Камилла мало что слышала о Палеонессе. Никто из коммуны не уходил дальше ближайшего города. Только странные слухи ходили об этом государстве. Что девочек с раннего возраста обучают нескольким дарам, дают достойное образование и готовят для поступления в Палеонесскую Военную Академию. И что столица Палеонесса — Алкория невероятно красива.

— Нам с Лирой там тоже сделали предсказание, — призналась Амелия. — На счет будущего. Я никому не говорила какое. Даже родителям. Но тебе скажу, хочешь?

Камилла ничего не ответила, задумчиво посмотрев на девочку. С чего вдруг воспитательница заслужила хранить такие тайны? Молчание затянулось, и пришлось спросить:

— Так ты скажешь или будешь молчать?

— Скажу. Так вот, нам предсказали, что одна из нас умрет молодой, а вторая станет императрицей.

Камилла презрительно фыркнула и, на всякий случай, уточнила:

— Ты же не веришь в это, да?

— Хотелось бы, — вздохнула девочка. — Потому что Лира будет претендовать на место императора, а я смогу скромно наблюдать за её успехами и только. Так что у неё гораздо больше шансов получить титул императрицы, а у меня — умереть от болезни, как мама. Но дело в том, что это был не простой провидец с улицы. А личный королевский оракул принца

Освальда. Все великие люди хотят попасть к нему за предсказанием в башню печали. Он практически никогда не ошибается.

— Практически никогда — не значит никогда.

— Это точно, — согласилась Амелия. — Слушай, а у тебя сколько детей?

— Двое, — сразу ответила Камилла, без запинки. — Оба младше тебя.

— Скучаешь по ним, да?

— Честно говоря, как только сюда приехала, думала, что жутко от них устала. А сейчас, конечно, скучаю.

Врать было несложно, даже совсем. Сначала лжесоветнику, теперь Амелии. Перед поездкой Камилла так сильно волновалась, что кто-то уличит во лжи, что запоминала биографию Фриды Гелдер, пока не будет отлетать от зубов. Но, как оказалось, делать этого было необязательно.

— Ладно, доброй ночи, — попрощалась Камилла. — Тебе уже пора спать.

Воспитательница задула свечи, и комнату осветил лунный свет. Затем направилась к выходу и уже потянулась к двери, но внезапно услышала задумчивый вопрос прямо в спину:

— Ты ведь на самом деле не воспитательница, да?

Камилла замерла на месте, ощущая на себе взгляд младшей. Спокойная, сонная атмосфера в комнате сменилась нарастающим напряжением. Рука сама по себе сжала дверную ручку. Давно ли Амелия догадывалась? Может, не стоило так легкомысленно относиться к вопросу о детях?

— У меня что, так плохо получается? — наконец, спросила Камилла.

— Не то, чтобы совсем ужасно.

— Так в чем же дело?

Камилла вернулась обратно к кровати Амелии и встала прямо над ней. Глаза ещё не привыкшие к темноте едва различали её силуэт. Девочка села, облокотившись спиной об перегородку у изголовья кровати и прижав ноги к телу.

— Те, кто были до тебя они... совсем другие, — призналась Амелия. — Старше. И вели себя иначе. Вот я и подумала, что ты здесь не просто для того, чтобы следить за нами и воспитывать. Чего ты, кстати говоря, практически не делаешь.

— А для чего же? — продолжила спрашивать Камилла.

— Я думаю, дядя попросил нанять тебя. Чтобы ты присмотрела за мной и Лирой. И чтобы ничего не случилось, по крайней мере, до коронации. Ведь сейчас, когда приближается этот день, в замке полно гостей. Кто-то может оказаться недоброжелателем.

Камилла вздохнула и села на прежнее место рядом с девочкой. Сейчас самое лучшее было бы подтвердить её слова. Это все бы решило, по крайней мере, до прибытия управителя Грейнора в замок. Но после всего произошедшего обманывать не хотелось.

— Я очень хочу сказать тебе, что это правда, — тихо выдавила из себя Камилла. — Но это будет ложью.

Амелия задумчиво посмотрела на воспитательницу, но все же решилась спросить:

— Тогда кто же ты?

— Я... твой друг, — уклончиво ответила Камилла. — Это все, что тебе надо знать.

— Не можешь рассказать, да? — с грустью в голосе спросила Амелия. — Хорошо. Просто, знай, я тебе доверяю. И не буду расспрашивать.

— И почему же ты мне доверяешь?

— Тебя ведь пригласил советник Вилберн. А он служит нашей семье уже многие годы.

Я ему верю не меньше, чем себе.

Выходит, Вилберн все же рассказал девочкам о том, что лично подобрал воспитательницу. И именно это спасло Камиллу. Но, почему же нирту, притворяющийся советником Двейном, решил проверить Фриду Гелдер? Где она прокололась? А затем ещё и письмо с гальрадским ястребом сначала для Лиры, потом для Вилберна. Это все неспроста.

— Просто... расскажи мне все, когда придет время, ладно? — тихо попросила Амелия. — Это гораздо лучше, чем ложь.

— Обещаю. А сейчас закрывай глаза и спи.

Убедившись, что Амелия легла, Камилла вышла из комнаты. В коридоре замка было пусто и тихо, как и обычно в это время. И только где-то внизу можно было различить еле уловимые разговоры людей, оставшихся пить вино и болтать после ужина. Она не могла сделать ни шагу дальше и просто прислонилась спиной к двери, выдохнув с облегчением.

Глава 18. Тайны дяди Грейнора

В детстве Дьюк не мог представить, что однажды станет одаренным, пусть даже самым простым и распространенным в Гальраде даром.

Он приложил множество сил, чтобы научиться, и это был долгий процесс. Разум следовало подготовить: заниматься медитацией в одиночестве, абстрагироваться от реальности, погружаться в себя, учиться направлять внимание, и только потом пробовать ощущать других. Впервые закрывшись от внешнего шума, люди предстали перед ним бликами. Очень расплывчатыми и нечеткими. Затем, они стали более четкими и отдаленно напоминали силуэты людей. Находясь под впечатлением, Дьюк запомнил эти блики. Словно внутри каждого человека есть свет. Тогда он думал, что этим светом были души людей. Они сияли и все по-разному. И даже Божко не мог ответить, чем на самом деле они были. Никто не знал.

Обучение на блуждающего далось тяжело, но Дьюк старался. В детстве он хотел овладеть каким-нибудь даром, и эта мечта не позволяла сбиться с пути. Помогло, конечно, и терпеливое наставничество Божко. Дьюк решил, что сделает это во что бы то ни стало, потому что не исключал возможности, что, несмотря на сплоченность общины, однажды может вновь остаться один. В своих медитациях он часто оставался наедине с собой и воспоминаниями о погибшей матери.

И спустя годы понял: не важно, как сильно люди сияют. Рано или поздно, любой свет гаснет.

— Господин, вас ожидают, — сухо сообщила служанка.

Дьюк посмотрел на девочку. Эта была та самая, которая вытирала кровь после убийства стражников. Она тихо вошла в комнату, не соизволив постучаться в то время, как Дьюк спал. Пока не почувствовал чей-то пристальный взгляд.

— Кто ожидает? — не понял он, вставая с кровати.

— Переоденьтесь и следуйте за мной, — проговорила девочка. — Я подожду за дверью. Лира Рокстерли ожидает вас у себя.

Она вышла так же тихо, как и зашла. Дьюк некоторое время сидел, пытаясь прийти в себя. Быстро сменив одежду, он вышел в коридор и молча последовал за служанкой. Это было странное начало дня. Слуги старались не беспокоить гостей по утрам, чтобы невзначай не разбудить. Дьюк настолько привык к этому, что, казалось, поменял режим и стал просыпаться позже обычного.

У него не было какой-то другой одежды кроме той, в которой явился в замок, так что выбирать и возиться по утрам не приходилось. Он выделялся на фоне знатных и богатых гостей, одетых в роскошные костюмы, но никто не обращал на него внимания.

Служанка остановилась возле покоев Леры Рокстерли, молча поклонилась и ушла. Дьюк сначала подумал, что Лира хочет увидиться тайно и поговорить с глазу на глаз. Пока не услышал женские голоса за дверью.

Открыв дверь, он увидел как Лира, Амелия и Камилла сидели за маленьким столом напротив окна.

— Я это не буду, неси мне десерт! — потребовала Амелия у служанки, стоящей рядом с ней.

— Почему не ешь? — забеспокоилась Камилла.

— Что-то аппетит пропал.

— О, Дьюк, — восторженно поприветствовала Лира. — Заходи скорее, мы уже заждались.

Дьюк вошел, сторонясь быстро удаляющуюся служанку и сел на единственное свободное место. Он не особо хотел есть, но каждый раз, видя богатую кухню в Браго, аппетит появлялся сам по себе. Это не тоже самое, что постоянно есть мясо подстреленных в лесу кроликов, иногда подгорающих на углях. Или перекусывать чем попало в грязной таверне где-нибудь на окраине неизвестной деревушки. Правда, в этот раз Дьюк не увидел всего того, что обычно наблюдал в главном зале. Сестрам еду подавали по особому списку, в котором запрещались некоторые фрукты и сладости, чтобы оставаться стройными.

— Ты уже знаком с моей младшей сестрой, Амелией? — деловито спросила Лира у Дьюка. — Я тебе про неё рассказывала.

Младшая никак не отреагировала, а Камилла заговорщически посмотрела на Дьюка, пока никто не обращал на неё внимания.

— Мы собрались, потому что дядя приезжает завтра, на коронацию, — объяснила Лира. — От него пришло письмо. Вот и решили позавтракать в спокойной обстановке подальше от шума гостей. Вы с дядей обязательно поладите. Мы с Амелией и сами давно его не видели. Хотелось бы послушать истории о путешествиях по западным лесам Гальрада. Может о том, что говорят про моё будущее правление в других городах и про...

— Молва там одна ходит, — грубо оборвала младшая. — Говорят, какая-то глупая девочка управителем собирается стать.

Лира сделала вид, что ничего не слышала. Зато Камилла строго одернула Амелию:

— Молча ешь, поняла?

— Всё-всё, молчу.

Дьюк задумался как быстро пролетело время. Управитель Грейнор прибывает уже завтра. Что враги предпримут теперь, когда Лира избежала смерти? На что пойдут, чтобы не допустить её до престола? Попытаются убить прямо в замке? Дьюк начал размышлять, что бы сделал на месте врага, как учил Божко. И в голову приходило множество вариантов.

Камилла решила задать вопрос, который практически в тот же миг возник в голове и у Дьюка:

— Кстати, а почему управитель покинул родной замок на такое длительное время?

Девочки молча переглянулись, и Амелия скомандовала сестре:

— Расскажи ты.

Та не стала спорить:

— Обычно, когда спрашивают, я говорю, что дядя Грейнор решил надолго уехать в связи с кончиной мамы. И вспоминать, что было, особо не хочется...но вам расскажу. Примерно полгода назад дяде пришло послание от людей с северных земель. В послании говорилось, что захваченные во время нападения на северную провинцию дети из деревень живут как рабы в стылых землях, на севере. Североземцы предложили встретиться и обменяться пленниками, заключить пакт о перемирии.

Лира сделала паузу и налила себе чай в красивую маленькую чашку. Украдкой Дьюк поймал взгляд Камиллы и уже начал догадываться, чем закончилась эта история.

— И дальше что было? — поторопила воспитательница.

— Будь кто-то другой — может и ничего. Но дядя согласился, несмотря на предостережения советников, — продолжила Лира. — Североземцы — пленники

действительно содержались в одной из тюрем Гальрада, доживали свои дни, если можно так сказать. Никто не знает, как именно об этом узнали в стылых землях. Дядя взял отряд лучших воинов ордена и повел пленников на границу с севером. Но, это была ловушка, подстроенная врагом. Ни на что больше эти дикари и не были способны. Дядя потом рассказывал, что врагов было больше, чем их раза в два, но с огромными потерями он все же смог отбиться. Хоть североземцы и истребили весь отряд, хвала Малеону, ему удалось отступить и выбраться живым. Ему и советнику Двейну. Больше никто не выжил.

Дьюк от услышанного застыл на месте. Некоторое время в комнате стояла тишина. И Камилла тоже задумалась.

— Фрида, ты чего? — обеспокоенно спросила Амелия.

— Ничего, — выдавила из себя воспитательница, — Просто такая ужасная история. Кажется, мне надо выпить. Передайте вино.

Лира потянулась к кувшину и осторожно поставила возле воспитательницы. А Амелия бросила подозрительный взгляд на Лиру и Дьюка, уточнив:

— Кстати, как вы познакомились?

Он был не готов отвечать на подобные вопросы и начал подбирать слова, чтобы соврать что-то правдоподобное, но Лира неожиданно приняла инициативу на себя:

— Я случайно встретила с Божко, — уклончиво ответила она. — Оказалось, Дьюк путешествовал вместе с ним по Гальраду.

— Правда? — младшая сильно обрадовалась, услышав о Божко, и сразу спросила у Дьюка. — И как он?

— Он в порядке.

— В порядке, — повторила она. — Когда увидишься с ним в следующий раз, передай, что я была бы рада его видеть.

Дьюк кивнул в ответ. И напомнил себе, что Божко и остальные ждут где-то неподалеку. Иначе и быть не может. Община ни за что его не бросит. Будет ждать, сколько потребуется, и скоро они встретятся вновь.

Остаток завтрака прошел в неловком молчании. Несколько раз Лира пыталась заговорить с сестрой, но та отвечала односложно и холодно. Зато довольно аппетитно набрасывалась на еду. А Камилла сидела, летая в своих мыслях, и будто бы находилась где-то далеко отсюда. Дьюк понял, что уже не хочет есть, и попрощавшись, вышел из комнаты, бредя куда-то вперед. Всюду ходили люди: гости, слуги, стражники. Главный зал почти пустовал, только пара человек негромко о чем-то разговаривали. Несколько слуг протирали окна, другие — трон управителя, величественно возвышавшийся в конце зала.

На улице ярко светило солнце, стояла жара, разбавляемая прохладным ветерком. Внешний двор вмещал несколько жилищ слуг, казармы воинов ордена, навесы для сена и соломы, мастерскую кузнеца, каменщика, помещение для ловчих соколов. Была даже часовня. В центре находился колодец, впрочем, не единственный на территории.

Дьюк почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся. Камилла нагнала его, как в тот раз, когда он чуть было не ушел навсегда. Жестом поманив к себе, она зашла в самое неприметное место — псарню.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — загадочно спросила она.

Дьюк понял, о чем именно речь:

— Грейнора Рокстерли убили полгода назад, а затем заменили. Вместе со старшим советником.

— Да, верно, — взволновано согласилась Камилла, облокотившись о стену псарни. — Я все ещё надеюсь, что это не так. До старшего советника североземцы могли добраться и при других обстоятельствах, правда?

— Стали бы они упускать такую возможность? — уверенно спросил Дьюк. — Я думаю, что именно для убийства Грейнора Рокстерли североземцы и предложили обменяться пленниками. Для них это было счастливым стечением обстоятельств. Они предполагали, что Грейнор пойдет на подобное.

— Считаешь, это правда?

— Да. Помнишь письмо? Печать гальрадского ястреба есть только у членов семьи, — продолжал Дьюк. — Теперь все сходится. Власть в руках нирту, и им нельзя её потерять. Поэтому они хотят заменить Лиру. И письмо ей мог отправить только дядя, и только для того, чтобы Лиру убили в особняке.

— Верно. Выходит, управитель Грейнор — враг, который узурпировал трон. И только мы вдвоем об этом знаем.

Дьюк задумался. Североземцы долго и тщательно готовились, продумывали все от и до, умело пользовались преимуществами. О нирту скорее всего никто не знает. Кроме одного человека из общины Камиллы, который, по странному стечению обстоятельств, видел нирту раньше и оказался инициатором плана действий, которые привели Камиллу сюда.

— Что будем делать? — наконец, спросил Дьюк.

Он-то считал, что отступать уже поздно после всего, что произошло. Нужно бороться до конца. Хотя бы ради Лир и общины. Лира должна жить и править, вести центральную провинцию к светлому будущему. Тем более, она обещала отменить изгнание Божко и восстановить его доброе имя.

— Мы убьем Грейнора Рокстерли, — заявила Камилла.

Дьюк радостно усмехнулся.

— Я знал, что ты это скажешь. Только это будет непросто.

— Ты ведь со мной, правда?

— Конечно.

Камилла нервно выдохнула. А какой ещё ответ она ожидала?

— Спасибо тебе.

Дьюк хотел было ответить что-то на благодарность, но Камилла вдруг начала прислушиваться. А потом неожиданно спросила:

— Ты слышишь?

— Ничего не слышу, — не понял Дьюк.

— Я тоже. Собаки затихли.

Они одновременно заглянули вглубь псарни пытаясь понять, почему стало тихо. Псы стояли за вольером молча, практически не шевелясь. И все как один смотрели на него.

— Знаешь, животные с детства как-то странно на меня реагируют, — признался Дьюк.

Камилла удивленно посмотрела на него.

— В каком смысле?

Он хотел было рассказать про волков, спасших его в лесу от североземцев, но была бы долгая история. К тому же, Дьюк и сам многого не понимал. Волки не стали нападать на Дьюка ещё в детстве. В тот самый день, когда они с Камиллой заигрались, убежали далеко в лес и заблудились, а затем встретили волка и волчицу, прежде чем найти дорогу домой. Интересно, Камилла все ещё помнила об этом? Вероятно да, ведь она тогда перепугалась до

смерти.

— Неважно, — махнул рукой Дьюк. — Лучше сделай кое-что. Расскажи девочкам всю правду. Время пришло.

— Сказать, что их единственный родственник убит, а враг в облиии дяди узурпировал трон и направляется сюда, чтобы убить Лиру, не допустив её на престол? Как они на это, по-твоему, отреагируют?

— Продолжать скрывать правду нечестно по отношению к ним. И чтобы защищать их, придется все рассказать, иначе потом будет поздно, и Лира скорее поверит дяде, чем нам. Бояться нечего, у нас же есть доказательства.

— Ты уверен?

— Да. Девочки поверят, вот увидишь. Так что пойдём.

Когда Дьюк и Камилла вернулись обратно, сестры все ещё находились в комнате, но будто не замечали друг друга. Пока две служанки наводили порядок на столе, старшая с интересом рассматривала корешки книг на книжной полке в углу комнаты и не желая уходить. А младшая старательно доедала свой десерт, мечтательно глядя при этом в окно.

— Лира, надо кое-что обсудить, — серьезным тоном сказала Камилла. — Сядь за стол.

Старшая молча послушалась. Служанки поспешили быстро забрать остатки посуды и удалиться, услышав воспитательницу.

Камилла посмотрела на Дьюка, собираясь с силами. Он едва заметно кивнул, подталкивая к предстоящему разговору. Начать нужно было именно воспитательнице, да она и сама это понимала, поэтому села на стул напротив сестер.

Дьюк закрыл глаза и сконцентрировался на закрытой двери, убедиться, что за ней никого нет. Коридор пустовал.

Все тем же строгим тоном Камилла начала с предупреждения:

— Сейчас будет очень серьёзный разговор.

— Мы что-то сделали? — осторожно спросила Лира.

Шутливый тон младшей, казалось, развеял нагнетающую обстановку:

— Если что, это все она!

Хорошее начало разговора, ничего не скажешь. Но Камилла проявила терпение и продолжила все тем же тоном, сохраняя спокойствие:

— Все, о чем мы сейчас будем говорить, останется в стенах этой комнаты, строго между нами. Я никого ни в чем не обвиняю, но у нас есть проблема.

— У кого это у нас? — поинтересовалась Лира.

— У тебя, твоей сестры, у меня и Дьюка, — перечислила воспитательница. — У Гальрада, в целом.

«У континента», — мысленно продолжил Дьюк. — «У всего человечества». Хотя последнее уже лишнее. Интересно, североземцы только континент хотят захватить или весь мир? Насколько далеко их заведут амбиции, если все сложится удачно?

— Это по поводу вашего дяди. В общем, — Камилла остановилась, подбирая слова, а затем резко продолжила: — Его убили. Полгода назад. И заменили на другого человека, в точности похожего внешне. Тот, кто в данный момент правит провинцией, не ваш дядя, а враг государства, захвативший власть.

Наступила тишина. Младшая задумчиво уставилась куда-то перед собой. Старшая посмотрела на воспитательницу возмущенным взглядом, будто только что прозвучала

неслыханная ложь. Но Дьюк разглядел в её глазах оттенки тревоги. Будто Лира догадывалась о чем-то уже очень давно.

И все же, сохраняя спокойный тон, она решила возразить:

— Простите, госпожа Фрида. Этого просто не может быть. Не может, понимаете?

— Может, — настояла воспитательница. — И хватит называть меня Фрида. Меня зовут Камилла, ясно?

— Я знала, что у тебя какое-то такое имя, — беззаботно сказала Амелия. — Фрида тебе совершенно не подходит. Но, извини, конечно, дядя все-таки жив. Лира лично виделась и общалась с ним перед тем, как он отправился странствовать по Гальраду. И не думаю, что в пути мог кто-то напасть, он же не один путешествует. К тому же, дядя хорошо сражается, о его битвах менестрели даже сложили несколько песен.

Дьюк решил не мешать, понимал, что может только навредить, если собьет Камиллу. Впрочем, все внимание девочек было приковано не к нему. Он тихо сел на кровать Лиры и продолжил слушать. А Камилла придвинулась ближе к младшей, затем медленно и внятно произнесла:

— Ты ещё ничего не поняла, Амелия? Послушай меня очень внимательно: Грейнор Рокстерли попал в ловушку и был убит, как и старший советник Двейн, полгода назад на переговорах с североземцами. В Браго вернулись совершенно другие люди. Вернее, даже не люди. Существа, способные менять внешний облик.

— Как неизвестные? — догадалась Амелия.

— Да, как неизвестные. Из сказок. Только по-настоящему.

Младшая посмотрела на Дьюка, но Камилла сразу пояснила:

— Ему можно доверять, мы с ним давно знакомы, и это он помог выяснить правду.

Амелия все ещё смотрела недоверчивым взглядом, не зная, сомневаться в словах воспитательницы или нет.

— У нас есть доказательства, — вмешался Дьюк. — Советник Двейн, который чудесным образом выбрался живым из ловушки североземцев. Как и Грейнор Рокстерли.

— Допустим, это правда, но зачем североземцам это нужно? — осторожно уточнила Амелия.

— Это правда, — повторила Камилла. — Дьюк убил Двейна, и он принял свой первоначальный облик. И поверь мне, лучше этого не видеть. Я приехала по просьбе советника Вилберна, чтобы их остановить. Думаешь, стала бы я...

Камилла не смогла договорить. Все это время Лира тихо сидела, опустив голову вниз и плотно закрыв лицо руками. Наступившую тишину прорезали всхлипывания. Не пытаясь больше сдерживаться, она разревелась.

Глава 19. Выбор

Наблюдая за тем, как Лира плачет, Камилла в одночасье осознала, почему боялась открывать девочкам правду. Образ воспитательницы шатко стоял на столпах лжи: знания о том, кто такая Фрида Гелдер, поручительстве советника Вилберна и хороших отношениях с сестрами. Казалось, открыв правду, вопросы о происхождении возникнут сами по себе. Будут ли девочки вообще разговаривать, узнав, что Камилла из бедной семьи простолюдинов? Семьи, у которой даже собственного дома не было.

«Никакая ты ни девочка из деревни» — голос старика возник в голове, как напоминание, — *«Может, раньше так и было, но не сейчас»*.

Но кто Камилла на самом деле? Просто никто?

Глупые мысли. Пожив в Браго в роскоши и комфорте, она больше не хотела быть никем. Но и врать сестрам тоже не хотела.

Благо, сейчас всем было не до этого. Лире грозит смерть, управитель Грейнор убит, а североземцы вторглись в Гальрад и тайно захватили власть. Амелия растерянно смотрела на сестру. А Камилла придвинулась к старшей, робко попыталась обнять, чтобы успокоить девочку, но она грубовато отпихнулась руками.

— Не трогайте меня!

Младшая сразу же возмутилась:

— Ты посмотри какая плакса.

Но тут же поняла, что зря, увидев гневный взгляд Камиллы, в котором отчетливо читалось: «лучше замолчи».

— Простите, — виновато сказала Лира, опустив голову. — Я помню, дядя вернулся сам не свой после битвы с североземцами. Вел себя странно, не хотел общаться с нами, долго сидел в своих покоях. Мама пыталась с ним поговорить, но все тщетно. — Старшая вытерла слезы рукавом платья и продолжила: — А потом, через пару дней она заболела. Я знала, что он ходил к ней в комнату несколько раз перед тем, как состояние сильно ухудшилось. Дядя никого не пускал к ней, кроме нас. Лекарши сказали, что симптомы не такие как у обычной хвори, но не могли понять в чем дело. И кровопускание не помогало. Я догадывалась, что что-то здесь не так.

Лира подняла глаза и посмотрела на Камиллу:

— Эта тварь в обличии дяди отравила её. Теперь я понимаю. Вот, кто виноват, что мамы не стало!

Камилла тяжело вздохнула и сделала ещё одну попытку сблизиться. На этот раз старшая не стала отстраняться и обняла воспитательницу, положив голову ей на плечо. Амелия тихо сжала кулаки. Видимо, ничего подобного ей в голову не приходило. Вот как умерла Оливия Рокстерли, мать девочек. После смерти мужа — императора Норберта, она осталась совершенно беззащитна перед лицом опасности.

— Они просто ублюдки, — гневно прошептала Амелия. — Просто ублюдки эти североземцы. Что же теперь делать? Дядя прибудет в замок завтра.

Камилла увидела, как Дьюк собрался с силами что-то сказать. Наверное, выбирал как бы лучше преподнести то, что они собираются убить его здесь, в родном доме. Но Лира подняла голову, уперлась руками в стол и заявила:

— Мы просто не пустим его в замок! Пусть убирается туда, откуда пришел, верно?

Она посмотрела на Камиллу, затем на Дьюка и сестру, ища поддержки. Камилла мало понимала в политике и законах, но что будет если племянница откажется впускать в дом хозяина замка? Что в этом случае предпримет сам лжеуправитель? Пойдет к императору Гальрада с просьбой помочь осадить замок, объявив племянницу врагом государства? В этом случае для Лиры все обернется ещё хуже. Но что-то подсказывало, что лжеуправитель просто так не уйдет, даже если подъемный мост и ворота закроются прямо у него перед носом. Он потребует впустить, а стражники Малеонского ордена послушаются, не смотря на приказы Лиры. Она ещё не имеет законной власти и титула управителя.

— Дьюк, ты согласен? — взволновано спросила Лира. — Если не пустить дядю, то...

— Нет, — жестко оборвал Дьюк. — Мы впустим его, без каких либо намеков на то, что нам о нём всё известно.

— Вся власть в замке будет у него!

— Ненадолго, — уверил Дьюк. — Мы убьем Грейнора. Или ты хочешь отсиживаться здесь всю оставшуюся жизнь? Надеяться, что дядя просто уйдет и больше не вернется? Он может перевоплотиться в другого человека и проникнуть в замок под новым обликом. Североземцы не останутся, они слишком далеко зашли.

Порассуждав, Амелия решила:

— Если ты и вправду убил советника Двейна, или кем он там был, а Вилберн уехал, то формально Лира в замке старшая, не смотря на возраст. Другие советники отправились в Беренгарский союз, помочь уладить политические проблемы, там сейчас напряженная обстановка. Но если дядя потребует открыть ворота, их откроют.

— И он убьет меня, — закончила Лира мысль за сестру. — Сохранит власть управителя, пустит североземцев в Гальрад и захватит государство.

Камилла быстро взвесила шансы. Попытаться объяснить людям в замке, что дядя на самом деле убит, очень проблематично, даже несмотря на доказательства. Далекое не все поверят, даже если увидят мертвого советника Двейна. Но самое главное, времени осталось слишком мало.

— Между прочим, без дяди мне даже не стать управителем, — грустно вздохнула Лира. — Он и должен был приехать на коронацию, как раз для того, чтобы официально передать правление провинцией.

— И что теперь будет? — спросила младшая.

— У нас есть время, — спокойно ответил Дьюк. — Мы обязательно придумаем, как убить Грейнора. К тому же, у нас все ещё нет точных доказательств, и даже не смотря на то, что советник Двейн оказался нирту, дядя может быть ни при чем. А чтобы удостовериться, что вашего дядю подменили, надо пустить его в замок.

Никто не стал спрашивать, как именно он собирается это сделать. Но у Дьюка уже появился план. Меч среагировал на нирту, когда он приблизился к старшему советнику, значит и на нирту в обличие Грейнора он тоже должен среагировать. И дело не в странном свечении глифов, природу которого он до сих пор не может объяснить. Все дело в ощущениях, в том, что он почувствовал, когда столкнулся с нирту, благодаря мечу. Если нирту и правда заменил Грейнора — Дьюк сразу это поймет.

Младшая тяжело вздохнула и взглянула на Камиллу, а старшая посмотрела в окно, на Гальрад. Где-то там, за этими стенами, нирту в обличии дяди направлялся сюда. Кажется, обе видели ситуацию безвыходной, несмотря на уверенность Дьюка.

— Почему сейчас? — нарушила тишину Лира. — Почему они решили это делать

именно сейчас? С момента нападения на северную провинцию прошло много лет, и это была неудачная попытка вторгнуться в Гальрад. Люди уже давно об этом позабыли, а здесь творится такое.

Камилла выдохнула, пытаясь не взорваться. Неудачная попытка нападения, отнявшая жизни родителей, которых не вернуть никакими молитвами и страданиями.

— После нападения они долгое время готовились к чему-то большему, — ответил Дьюк.

— Выбирали момент, — грустно усмехнувшись, согласилась Лира. — Вот и выбрали. Дождались гибели отца. И, между прочим, нового императора избрали довольно быстро. Мама получила титул управителя и привела орден Палеонесской розы, а потом оставила правление советникам.

— Эти её советники пустили все на самотек, потому что мама просто не была готова к правлению, — сказала Амелия. — А, североземцы ждали и смотрели, как четыре с половиной года провинция просто приходила в упадок. Из казны воровали деньги, неконтролируемый орден превратился в тупое сборище убийц и бандитов, на обращения людей никому не было дела. Лучшее время для захвата власти и придумать нельзя.

— Не смей, — тихо, но отчётливо перебила Лира. — Не смей говорить плохо о маме. Она старалась держать порядок, как могла.

— Ничего она не старалась, и тебе это прекрасно известно, — опровергла младшая. — Зато хотела из тебя сделать второго отца, будущую императрицу Гальрада. Но вот, видимо, не судьба.

Лира злобно посмотрела на сестру и, казалось, готова была броситься на неё прямо через стол. Уверенно встав со стула, она возвысилась над сестрой. Но Амелия приняла это с вызовом.

— Сядь и успокойся, — попросила Камилла.

— Ты мне не воспитательница и не надо указывать, — гневно бросила Лира, а затем вскрикнула.

Воспитательница, а точнее притворяющаяся ей Камилла, резко встала, и схватив старшую за шкуру, силой посадила на место. Как ни странно, Лира от неожиданности замолчала, вместо того, чтобы возмущаться. И даже Амелия оторопела.

— Вам надо не ссориться, а думать, как спастись, — возмутилась Камилла, словно ругая обоих из-за какой-то шалости. — Сейчас только вы есть друг у друга. Враг уже завтра будет на пороге, а вам интересно вспоминать старые обиды? Какие же вы все ещё дети.

Старшая хмыкнула и отвела взгляд в сторону, не решившись спорить. Поняла, что неправда. А вот Амелия, видимо, не чувствовала за собой вины и быстро сделала вид, что все в порядке.

— Старший советник и правда странно себя вел после своего возвращения полгода назад, — в задумчивости произнесла она.

— Да и дядя тоже, — согласилась Лира. — А советник Двейн вообще днями напролет сидел в своих покоях, что раньше бывало не так часто. Однозначно отвечал на вопросы и говорил как-то иначе. Вот только никто и подумать не мог, что это уже не он. Как же не хватает сейчас дяди Божко! Он бы быстро навел порядок и придумал что-нибудь.

Дьюк развел руками.

— Так зачем его вообще изгнали?

— Не знаю, мы тут ни при чем, — пояснила младшая. — Они с мамой были в плохих отношениях, это сыграло решающую роль. С отцом-то Божко хорошо ладил, да и нас знал,

считай, с младенчества.

Дьюк вздохнул. После упоминания о Божко никто не решился перевести тему обратно. И конкретного плана не было. А придумать его необходимо до завтрашнего утра.

Выходит, Оливия Рокстерли, мать девочек, совершенно не знала, как правильно поступать в роли управителя. И ничего не боялась. Она не только изгнала Божко, но и распустила орден. А все свои надежды на укрепление репутации рода и титул правителя Гальрада возложила на Лиру.

Чтобы не сидеть просто так с этими мыслями и молчать, он решил, что нужно побыть одному, поразмыслить над всем. Хотя бы недолго.

— Пойду в сад, погуляю, — сказал Дьюк, вставая с места, — Там лучше думается.

Никто не стал его останавливать. Дьюк молча направился к выходу, хотя Лира хотела что-то предложить, но в последний момент почему-то передумала.

— Ладно, пойду, догоню его, — решила Камилла. — И смотрите не убейте здесь друг друга, пока нас не будет.

Солнце все ещё стояло высоко, освещая грязные крыши надвратных башен. Камилла отправилась в сад и попыталась найти Дьюка, но сделать это было непросто. Он ушел довольно быстрым шагом и затерялся где-то среди многочисленных деревьев и цветов. Однако, спустя время Дьюк сам её нашел, оказавшись прямо за спиной. И кто вообще придумал эти дары?

Обернувшись от прикосновения за плечо, Камилла приятно удивилась, увидев, как Дьюк протягивает цветок розы красно-фиолетового оттенка.

— Подумал, что поднимет настроение.

— О, это так мило, — улыбнулась Камилла. — Последний раз я получала от тебя цветы в детстве, на день рождения, помнишь? Ты выглядел таким смущенным. Но было приятно.

Дьюк несколько не смутился. День грозился остаться мрачным, от слез Лир и злости Амелии внутри все трясло. Приятно было осознавать, что хоть что-то в этом мире могло принести радость.

— Похоже, в этот раз смущенной выглядишь ты.

— А вот и нет, — запротестовала Камилла.

Отчего-то ей захотелось быстро сменить тему разговора, но на всякий случай она уточнила:

— Кстати, а где именно ты его взял?

Дьюк посмотрел в сторону центральной аллеи сада.

— Там, сорвал возле памятника императора.

— Дьюк, ты что, с ума сошел! — Теперь воспитательница возмутилась. — Этого нельзя делать. Убери немедленно.

Камилла выхватила цветок и, оглядевшись, быстренько положила на скамью рядом, пока никто не видел.

— И что вы тут делаете?

Камилла даже вздрогнула от неожиданности. Лира возникла из-за поворота и, похоже, решила взять себя в руки, старалась вести себя спокойно и естественно. И не дождавшись ответа на свой вопрос, сразу же сказала:

— В общем, появилась идея. Пойдем, покажу одно место.

Старшая жестом поманила куда-то вглубь сада. Там аккуратно протиснулась между

двумя пышными высокими кустами, зовя за собой. Камилла пошла следом и оказалась в тени густо посаженных деревьев, где одиноко стояла никем не замеченная очень красивая расписная скамейка из темного дерева.

— Вот здесь можно спокойно поговорить без посторонних глаз и ушей, — присев, сказала Лира.

— Хорошее место, — одобрил Дьюк, усаживаясь рядом.

— Да, тайная скамейка родителей. Они встречались здесь, побыть наедине, посекретничать. И чем там ещё люди обычно занимаются?

Камиллу больше волновало другое:

— Ты почему оставила сестру?

Но старшая небрежно отмахнулась.

— Её высочество закрылась в своих покоях и не собирается выходить. Так что все в порядке. И она предложила хорошую идею, как можно убить дядю. Вот почему я бросилась вас искать, — Лира вздохнула и продолжила: — В общем, в честь возвращения хозяина обычно всегда устраивается пир. Тем более, в замке гости, и они очень ждут прибытия управителя. Будет пиршество и, конечно, выпивка. Можно поступить с ним так же, как поступили с мамой. Отравить вино и подать.

Камилла переглянулась с Дьюком. Риск очень велик. В любом случае, у них есть всего одна попытка.

— Хорошая идея, — отозвался Дьюк. — Только нужна служанка, которая это сделает, и яд где-то раздобыть.

— Яд имеется, — уверила Лира. — Амелия знает, где достать. И вино в наличии.

И служанка, которая подойдет для этого дела, тоже. Камилла сразу вспомнила про помощницу Вилберна. Вот кто все сделает точно и не станет задавать лишних вопросов. И все же это рискованно. Пока она размышляла над всем этим, Лира вздохнула и сказала:

— Отец всегда говорил, что весь род Рокстерли прямые потомки Маледона. Впрочем, ничего в этом необычного нет. Многие правители и первые люди государства распускают слухи о том, что они благословленные. Но мне всегда казалось, что отец не просто распускал слухи, а по-настоящему в это верил. Папа был единственным и поздним сыном, а вот дедушка имел отменное здоровье и скончался не так давно от старости.

— И что здесь такого?

— Как, что? Ещё очень давно Маледон с помощью ритуала древних наложил на свои последующие поколения и поколения своих советников знак благословения судьбы. Их потомки, которых называют благословленные, всегда многого добиваются. А еще, считается, что таких людей невозможно убить, им не страшны болезни и яды. Они могут умереть только естественной смертью или от рук других благословленных. А Отец в итоге умер от инфекции дыхательных путей вскоре после того, как отбил нападение североземцев. Хотя у нас в роду у всех было отменное здоровье, никто не болел, все доживали до старости. Это, конечно, сильно сказалось на репутации рода, ведь все узнали, что мы не являемся потомками Маледона. На совете быстро переизбрали нового императора, а маму оставили править центральной провинцией.

Камилла не знала, что такое знак благословения судьбы, но наверняка доля правды в этом есть. А это означает, что благословленная на севере рассчитывает на благоприятный исход, потому что она под этим самым знаком судьбы. И убить её, получается, невозможно?

— А я тут кое о чем размышляла, пока шла сюда, — вспомнила Лира. — Почему

североземцы, обладая такими серьезными возможностями перевоплощения, держат власть, но не используют? Вот пришел ты к власти в обличие управителя. Но не разрушаешь экономику изнутри, не убиваешь важных политических фигур, не посягаешь на жизнь императора. Тогда зачем?

Дьюк и Камилла переглянулись.

— И вот тогда в голову пришла интересная мысль, — продолжила Лира. — Североземцам нужно удержать власть, потому что они выжидают. Но вопрос, чего именно? И я думаю, что они ждут собрания старейшин.

Дьюк ничего не ответил и посмотрел на Камиллу, которая осторожно уточнила:

— А что такое собрание старейшин?

— Ты что, не знаешь? — искренне удивилась Лира в свойственной ей манере. — Это важнейшее мероприятие, на котором избирается новый император на следующие три года. Среди старейшин есть как представители простого сословия, так и самой верхушки аристократии. И даже кое-кто из других государств, например, супруга принца Освальда. Они и избирают императора.

Камилле, как и Дьюку, этого не откуда было знать. Для них в деревне все было просто, выборы императора назывались выборами.

Лира поспешила закончить мысль:

— В обличие дяди или меня североземцы могли бы заявить о праве на престол и захватить власть во всем Гальраде. И уже потом разрушить государство изнутри.

— А у тебя есть шанс стать императрицей? — сразу поинтересовался Дьюк.

— На ближайшем собрании нет. Хотя меня к этому и готовили с самого детства, пока что я слишком молода и не опытна в политике. Сначала нужно какое-то время вести дела провинции и необходимо, как управитель, в чём-то себя проявить. Хотя бы провести некоторые положительные реформы. И заручиться поддержкой старейшин. Тогда будет шанс.

Дьюк отрицательно покачал головой:

— Североземцы долго готовились и тщательно все планировали, прежде чем попытаться убить кого-то из членов вашей семьи. Они бы не стали надеяться на счастливый случай или удачное стечение обстоятельств. Их план должен быть определен от и до. Тут скорее что-то другое.

— Сейчас они не могут напасть, потому что на границе северной провинции установлен аванпост ордена Нефритовой зари, — вспомнила Камилла слова Дориана. — Может быть, они хотят на этом самом собрании под каким-нибудь предлогом попросить императора отозвать орден? Лжегрейнор же не может прийти ко двору посреди бела дня и просто так это попросить?

Лира задумчиво посмотрела на воспитательницу и тяжело вздохнула. Затем неожиданно вспомнила:

— Фри...то есть, Камилла. Амелия просила передать, что звала тебя поговорить. Наедине.

Это нисколько не удивляло. Стоило предполагать, что когда Амелия узнает правду про свою воспитательницу, вопросы начнут появляться сами собой.

— А, да, конечно. Пойду, проведу Амелию. Только не засиживайтесь здесь, сегодня нужно совершить все приготовления. Дьюк, приходи ко мне в комнату вечером, — напоследок попросила Камилла. — Думаю, мы с девочками все подготовим сами.

Дьюк молча кивнул, и Камилла спокойно отправилась обратно в замок.

Младшая ждала в своей комнате, размышляя о чем-то возле зеркала. Это место девочка привычно занимала каждое утро после пробуждения, когда фрейлины приходили, чтобы помочь навести красоту.

Амелия заметила воспитательницу в зеркале и повернулась. Зачем-то взглянула в окно на почти безоблачное небо и полуденное солнце. И только убедившись, что они остались вдвоем, а Камилла закрыла дверь, решительно спросила:

— Поговорим?

— Ну, давай поговорим, — ответила воспитательница.

— Расскажешь, кто ты?

Нет больше никакой Фриды Гелдер. Лира с нетерпением ждала родного дядю, который никогда не придет. И Амелия тоже ждала. А теперь только и остается, что закончить тот ночной разговор. Рассказать правду. Вернуться туда, откуда все началось — в детство в коммуне.

Камилла присела на просторную скамейку рядом с девочкой и заговорила:

— Я — никто. Я родилась в небольшой деревушке на окраине северной провинции, название которой ты вряд ли знаешь. С шести лет помогала родителям в поле, готовилась жить в деревне и вести хозяйство. Я выросла в коммуне, где несколько семей живут вместе под одной крышей, замуж выдают по расчету, а родителям помогают вести дела с юных лет.

— Значит, нападения североземцев коснулось и тебя?

— Да. Все произошло прямо у меня на глазах, — неохотно призналась Камилла. — Мне удалось убежать. И Дьюку тоже.

Девочка вздохнула. Наверное, это было совсем не то, что она ожидала услышать.

— Прости, — еле слышно произнесла Амелия.

— Все в порядке.

— Нет, правда, прости. Не надо говорить «все в порядке», когда вспоминаешь то, от чего внутри больно.

Камилла не знала, что на это отвечать. Да и стоило отвечать что-либо?

Амелия горько усмехнулась и заметила:

— Оказывается, мы с тобой не такие уж и разные.

— Всего лишь небольшое различие в том, что ты дочь бывшего императора и сестра наследницы престола на провинцию.

— Я тоже осталась без родных из-за североземцев, помнишь? Они убили дядю, и, вполне вероятно, отравили мать. Никого у меня больше нет, только глупая сестра. Считаю, одна.

Камилла хотела возразить, сказать, что девочка не одна. И вообще не стоило так говорить о родной сестре. Вот только сейчас для этого было не самое подходящее время. К тому же, Амелия продолжила разговор, и её уже было не остановить:

— Я все ещё помню это чувство. Ощущение пустоты. Даже сейчас стоит начать думать о родителях и все внутри переворачивается. Как-то утром я проснулась и начала плакать, хотя после смерти мамы прошло уже много времени. Меня всю трясло, захватила паника, хотелось куда-то убежать. Я была в комнате одна и вдруг осознала, что мама сегодня не зайдет ко мне, как раньше по утрам. Я не знала, откуда вырвалась эта тревожная мысль. И почему именно в этот день. Наверное, снился какой-то сон про родителей, воспоминания

детства.

— Ты скучаешь, — тихо проговорила Камилла.

— Да, скучаю. Знаешь, после смерти мамы Лира держалась, не хотела показывать слабость при других. И уж точно при мне. Зато запиралась в своей комнате по ночам и плакала, думая, что никто не узнает. Мама любила Лиру и предпочитала вкладывать все силы в будущую управительницу провинции, а не в меня. Мечтала, что однажды она станет императрицей и продолжит дела отца. Лира поэтому, наверное, хотела быть сильной, чтобы показать, что наши души не сломлены. Что Рокстерли сильный род, способный удержать власть. Все, как её учили. Но я ненавидела её за это, — Амелия закрыла лицо руками и отчетливо, будто самой себе, прошептала. — Как же я ненавидела её за это.

Амелия отвела глаза, будто стыдилась сама себя. И все же Камилла решила спросить:

— Почему ненавидела?

— Не люблю, когда люди лгут. Когда притворяются, тоже не люблю. Делают вид, что все хорошо, а внутри больно. Это ведь неправильно.

Камилла горько усмехнулась:

— Убиваться горем до конца жизни тоже не самый лучший вариант.

— Конечно, нет. Но ты же понимаешь, о чем я?

— Да, — честно ответила воспитательница. — Понимаю.

Камилла и раньше догадывалась, что Лира не хотела давать слабину, потому что ей велели быть под стать дочери императора на виду у всех остальных. Понимала также и то, за что Амелия её осуждала. Между ними была пропасть. И отдаляла их вовсе не зависть, что одной суждено получить власть, а другой нет. Именно потеря родителей стала причиной. Даже в этой битве североземцы оказалась победителями.

— Ладно, я хотела спросить совсем не об этом, — перевела дух младшая. — Как получилось, что ты оказалась здесь вместо настоящей воспитательницы? Вы с Вилберном близкие друзья?

— Нет, но у нас есть общий друг, — объяснила Камилла. — Из общины, в которой меня приютили. Они вместе служили в ордене Палеонесской розы. В общине хотят, чтобы Лира продолжила дело своего отца и приняла престол императрицы. А Вилберн попросил о помощи, узнав, что твою сестру хотят убить.

Амелия задумалась над этим.

— Знаешь, хорошо, что отправили именно тебя.

Камилла хотела было сказать, что на самом деле других кандидатов и не было, но язык не повернулся.

— Кто-то другой отступил бы, узнав, насколько опасен враг, — пояснила Амелия. — Но ты не отступила. Я думаю, поступки определяют людей, а не то, кем они родились, тебе так не кажется?

Камилла слегка пожала плечами, ничего не ответив. Возможно, с этим стоило согласиться.

— Сколько себя помню, с детства завидовала тому, что Лире суждено стать управительницей. И что мама все внимание отдавала только ей. А ведь она всего лишь на два года старше. Но сейчас это неважно, просто ... спаси мою глупую сестру, не дай умереть, — она взглянула Камилле прямо в глаза. — Пожалуйста, не дай ей умереть.

— Для этого я здесь. А теперь идем, у нас много дел. Ты же знаешь, где достать яд?

Амелия с готовность встала с места.

— Сказала же, что знаю. И, кстати. Выходит, нет у тебя детей?

Улыбаясь, Камилла отрицательно покачала головой.

— Так и знала. Слишком ты ещё молода и фигура ничего. Но не переживай, всё впереди.

Глава 20. Полотно судьбы

Дьюк постучался в дверь.

Практически сразу открыла девочка — служанка, разбудившая его утром. Она поклонилась и монотонно проговорила:

— Госпожа Фрида сейчас занята.

Дьюк хотел уже поинтересоваться, чем же именно, но услышал голос Камиллы из комнаты:

— Если это Дьюк, пусть войдет.

Девочка отошла в сторону, пропуская внутрь, а затем сразу закрыла дверь. В покоях было душно и пахло чем-то душистым, видимо, маслами для купания. Камилла переодевалась за деревянной ширмой, стоя на мягкой шкуре медведя.

— Подожди, я скоро буду, — сказала она.

За окном начинало темнеть. На тумбочках по углам комнаты стояли зажжённые свечи в красивых подсвечниках.

— Вина, господин? — спросила служанка, наполняя кубок.

Дьюку не хотелось, но почему-то рука сама потянулась к кубку. Все-таки, один раз попробовать, что же здесь наливают, стоит. Дьюк осторожно глотнул. Вкус оказался на удивление приятным, со сладковатыми фруктовыми оттенками.

— Господин, те трупы... — служанка на мгновение запнулась, подбирая слова. — Трупы, которые вы спрятали в шкаф для инвентаря. Я убрала.

Служанка говорила, смотря прямо в глаза.

— Мне помогли, — поспешила пояснить она, увидев удивленный взгляд Дьюка. — Не переживайте, вопросов никто задавать не будет. У советника Вилберна много служанок по всему замку, которые тайно подчиняются ему и обо всем докладывают. Мы пустили слух о том, что старший советник взял свою охрану и срочно куда-то направился, никому не сообщив. И хотя стражников, наверняка, могут спохватиться вышестоящие капитаны, магистра в ордене сейчас нет, и там царит полная суматоха.

— Она взяла одну из бутылок вина, приготовленных для завтрашнего пира, — сказала выходящая из-за ширмы Камилла. — Яд мы уже подмешали и спрятали бутылку в надежное место. Все подготовлено.

Выглядела Камилла не так, как обычно он привык видеть за последние дни. Платье светло-серого цвета с полосками из зеленой ткани и с зашнурованными вырезами по бокам, через которые еле виднелась полотняная рубаха. Это платье на ней выглядело великолепно. Если бы Дьюк встретил сейчас Камиллу впервые в жизни, то точно бы решил, что перед ним какая-то высокородная замужняя дама.

— Отлично, значит, тебе все рассказали, — сказал он служанке.

— Да. Я разговаривала с госпожой Амелией. И сделаю все, что требуется. Надеюсь только, что советник Вилберн вернется в замок живым и здоровым.

Дьюк знал это имя по рассказам Камиллы, однако с самим советником не встречался. А ведь он, выходит, уехал к управителю, оставив Камиллу разбираться со всем самостоятельно. И его тоже могут заменить, как старшего советника, если у врага возникнет такая необходимость.

— Вернется, — для спокойствия заверил Дьюк. — Североземцам рискованно

привлекать внимание неоправданными смертями, тем более, сейчас. Им это даже и не нужно.

— Спасибо, — зачем-то поблагодарила служанка и обратилась к Камилле. — Я могу идти, госпожа Фрида?

— Да, конечно, Авистия. Утром увидимся.

Девочка поклонилась и вышла, закрыв за собой дверь.

Они остались вдвоем, в полумраке догорающих свечей. Повисло молчание, словно обоим совершенно нечего было сказать. Казалось, Камилла хотела как-то начать разговор, но все не могла подобрать нужных слов. Что-то сильно тревожило её и не давало покоя. Дьюк прекрасно понимал, что завтрашний день многое решит, и другого шанса поговорить может и не представиться.

— Красивая была роза, — нарушив тишину, вспомнила Камилла.

— Думал, немного отвлечет. Наверное, это было глупо, прости.

Камилла села на кровать и тихо, будто самой себе ответила:

— Совсем не глупо.

Дьюк присел рядом. Они молчали некоторое время, даже не взглянув друг на друга.

— Значит, решили? — спросила Камилла. — Убьем нирту ядом на пиру?

— Разве вы уже не подготовили все, что требуется?

— Да, просто вдруг есть другие идеи?

— Ничего лучше в голову не пришло, — признался Дьюк. — В любовную нападать глупо. Сзади подкрадываться тоже не лучший вариант. Как ни крути, управителя охраняют. И ночью у его покоев будут стражники. Тем более после того, как обнаружат старшего советника мертвым. И случиться это должно довольно быстро.

— А из лука как стреляешь?

— Не особо.

— Да, я тоже не очень.

Камилла встала с кровати и подошла к столу, налить себе вина. Посмотрела на Дьюка, но тот отрицательно покачал головой. Больше не хотелось.

Выпив немного, она задержала взгляд на мече Дьюка, висевшем на поясе. Оружие, которое он носил всегда с собой.

— В детстве мы часто сражались на палках, представляя, будто это настоящие мечи, — вспомнила она. — Помню, я частенько побеждала.

— Я поддавался.

Камилла хмыкнула в ответ, будто бы услышала отговорку. А Дьюк вспомнил, как однажды во время вот такой игры сильно треснул палкой ей прямо по лицу. Камилла отвернулась и спустя какое-то время начала подавлять порывы заплакать, всеми силами стараясь это не показывать. Он тогда совершенно не знал, что нужно делать. Благо, рана оказалась несерьезной, но Дьюк впредь решил, что будет осторожней и с тех пор не увлекался и не напирал. А дома отец, узнав о произошедшем, вздохнул и сказал с упреком: «Ну, ты и дурак, сын, тебе Камиллу защищать нужно, а не колотить».

— Кстати, на счет мечей, — вспомнила Камилла, отвлекая его от мыслей. — Дориан сказал, глифовый меч может защищать от зла. Значит, и я могу узнать, когда нирту рядом? Если мой меч начнет светиться.

— Если честно, мне кажется, только я могу это использовать.

— Почему же?

Дьюк некоторое время собирался с мыслями, чтобы сказать как можно понятнее. И решил выбрать самый простой вариант:

— Я не такой как другие люди.

Наступила тишина. Дьюк никому не рассказывал об этом, даже Божко. А почему, и сам толком не мог объяснить. Иногда, сидя у костра в одиночестве или выйдя из палатки ночью прогуляться, пока остальные в общине спали, он думал о своей жизни, вспоминал все, что произошло в детстве.

— Знаю, это звучит странно, но меч не просто светился, — объяснил Дьюк. — Когда я столкнулся со старшим советником, меч будто принуждал обнажить его. Это необычное чувство, но такое уже бывало. Раньше я не придавал этому значения.

— Может тебе показалось? Не могут же предметы что-то побуждать?

— Не предметы, а все вокруг. Такое редко случается. С самого детства я обращал внимание, но не придавал значения. Помнишь, как мы выбрались из леса после того, как заблудились и натолкнулись на диких волков? А потом лес как будто указал верный путь. И со мной такое происходило ещё раз, когда мы убежали из дома. А в детстве меня обидел один мальчик из соседней деревни, а после этого я узнал, что он умер от болезни.

— Дьюк, мы были детьми, — перебила Камилла. — Нам просто повезло найти дорогу обратно.

— Не просто, — попытался объяснить Дьюк. — Всё будто обладает энергией и тесно взаимосвязано друг с другом тонкими нитями, невидимыми для обычных людей. Иногда я чувствую это, но не могу объяснить.

— Понятно. Значит, ты особенный.

Камилла не верила в то, что не видела собственными глазами. Но Дьюк мыслил иначе. Этот мир не совсем такой, каким кажется. Существует невидимая сила, пронизывающая все вокруг.

— Раньше, я представляла, что мы однажды встретимся, — неожиданно поделилась Камилла. — Воображала, как именно это будет в мельчайших деталях. И думала, что столько всего тебе расскажу. Слов не хватит.

— Так расскажи.

— Так расскажи, — Камилла горько усмехнулась, передразнивая его. — Что расскажи? Как я не ела несколько дней, спала на земле и каким-то чудом набрела на постоянный двор, где согласились приютить? Как меня схватили по пути в Саргос и избивали каждый вечер, заставляя молчать? Как я начинала думать о тебе в общине, отбрасывала все мысли и шла заниматься делами, только бы отвлечься? Изматывала себя, пока окончательно не выбьюсь из сил. А, знаешь, почему? Потому что понимала: начну думать об этом и решу, что тебя больше нет. Что я осталась совсем одна в этом проклятом мире, понимаешь? Я боялась об этом говорить даже с теми, кому доверяю. Не хотела слушать о том, как мало у тебя шансов выжить. В одиночку, никому ненужным, без дома и родни, в незнакомых местах.

— Я здесь, цел и невредим, — ответил Дьюк.

— Тебе было семнадцать лет, — она повысила голос, словно пытаясь достучаться. — Семнадцать, Дьюк!

— Не так уж и мало, — он пожал плечами. — Да, если хочешь, мне повезло. Встретились хорошие люди. Но сейчас мы оба здесь, это же самое главное, правда?

Камилла не собиралась что-то отвечать. Она поставила кубок и легла спиной на большую кровать, устала в потолок.

В детстве все казалось проще. На любые темы говорилось легко, можно было гулять до ночи, ходить друг к другу в гости, делиться переживаниями, доверять друг другу самое сокровенное. Родители Камиллы всеми силами поддерживали этот союз. Дьюк помнил, что однажды они с Камиллой даже ходили на речку купаться. Не обошлось без смущения, но все выглядело как игра. Поплывешь или струсить?

Вздыхнув, Дьюк решил, что разговор закончен, встал и направился к двери.

— Ладно, увидимся завтра.

Он уже было подошел к выходу, как вдруг услышал:

— Зачем ты остался?

Не зная, что ответить, Дьюк обернулся и переспросил:

— Что?

— Я спросила: зачем? Ради девочки, которую решил спасти? Или потому, что встретил меня?

Он вдруг понял. Встреча с волками в лесу, знак из Саамира от предков, обещающих крепкий союз. Мечты о путешествиях по континенту, спасение от североземцев. Все это заставляло Камиллу находить силы, выживать и противостоять трудностям, несмотря ни на что. Но дело было не только в знаках и воспоминаниях.

А в чувствах. В том, что они оба бережно хранили их долгие годы.

— Я, наверное, выгляжу глупо, да? — осторожно спросил в ответ Дьюк. — Собирался уйти тогда, после первой встречи за много лет. Просто увидел тебя в шикарном синем платье, в этом огромном замке и решил, что все хорошо. Что ты вышла замуж за какого-нибудь богача со своей землей, общаешься со знатью и ведешь финансовые дела. Я собирался тогда уйти ради тебя.

Камилла встала с кровати и подошла к нему чуть ближе, чем следовало бы, и посмотрела прямо в глаза.

— А сейчас ради чего уходишь?

Этот вопрос остался без ответа.

— Завтра мы оба можем погибнуть, — шепотом напомнила Камилла. — Можем снова потерять друг друга, понимаешь?

Она подалась вперед, и Дьюк инстинктивно сделал тоже самое. Губы слились в сладостном поцелуе.

Невидимое притяжение, возникшее между ними, незаметно усилилось. Нашупав пальцами пуговицы платья, Дьюк начал расстёгивать одну за другой, не спрашивая разрешения.

Камилла оставалась спокойной, но мелкая дрожь в руках предательски выдавала. Он понял, что детские чувства не исчезли бесследно, что сам сильно желал именно этого. И что теперь все изменится для них обоих. И даже если останутся одни против всех в этом проклятом мире, она, как и в детстве, пожертвует собой, защищая его.

Глава 21. Управитель

Дьюк осмотрел комнату. Лунный свет из окна падал на стол, где на идеально чистой скатерти стоял кубок недопитого вина и корзинка с яблоками. Пожалуй, эти покои — лучшее место, где Камилле довелось пожить. Огромная комната, кровать, ковры, целый шкаф с книгами и даже камин.

Дверь скрипнула, и в тёмную комнату тихо проскользнула Камилла. На ней было все тоже светло-серое платье, так что Дьюк едва различал силуэт.

— Ты долго.

— Прости, — полушепотом ответила Камилла. — Я пообещала посидеть с Амелией, пока она не уснет. Так что пришлось остаться ненадолго. А вот Лира, похоже, спит. Или просто решила притвориться.

Камилла села на краешек кровати, и Дьюк оценил, насколько ей шло это платье. Перед ним сидела не деревенская девочка из детства, а взрослая девушка, прошедшая через многое за несколько лет. Нападение североземцев на деревню и его сделало другим человеком. Раньше он много болтал, а сейчас и двух слов связать не мог, чтобы выразить, как она прекрасна.

— Поможешь с платьем или будешь глазеть? — спросила она.

— Да, сейчас.

Дьюк перебрался по огромной кровати и, найдя в темноте завязки платья возле шеи, медленно потянул. Затем ослабил шнуровку, идущую вдоль спины, и помог платью опуститься вниз, оставив тонкую нательную рубашу.

— Некоторые вещи до тебя долго доходят, — пожаловалась Камилла. — Может, лучше...

Нежное прикосновение Дьюка заставило её замолчать. Ладонь медленно опускалась вниз, обжигая каждую клеточку тела. Дьюк чувствовал, как Камилла старалась оставаться невозмутимой, сидела, гордо и прямо. Как и в детстве, она не привыкла показывать слабость, но ужасно плохо её скрывала.

— Кажется, кто-то из нас много болтает, — решил отшутиться Дьюк, нарушив тишину.

— Кажется, я сейчас кого-то просто прибью, Дьюк Альбер.

Камилла встала и легла на кровать, жестом маня Дьюка за собой.

— Просто, думаю о завтрашнем дне, — решила отговориться она, забираясь под одеяло. — Как считаешь, мы сможем убить управителя?

— Конечно. Вдвоем у нас все получится.

Они оказались под одеялом, положив головы на подушки, прямо напротив друг друга. Лицо Камиллы выражало спокойствие и тихую радость.

— Не припомню, чтобы в детстве ты был таким самоуверенным.

Ее слова раззадоривали. Дьюк рывком навис прямо над ней и прижал руки к кровати без возможности шевелиться. В её глазах читалось немое согласие. Он слышал порывистое дыхание, чувствовал прикосновение рук и смотрел, как растрепались по подушке её длинные волосы. А в глазах плясали озорные огоньки страсти.

— Вот сейчас с тобой справлюсь, — шутливо пригрозил он. — А завтра с нирту разберемся.

— Мне сопротивляться? — иронично спросила она. — Или, может, не стоит?

Вместо ответа Дьюк нашёл под одеялом край её нательной рубахи и потянул вверх, оголяя тело. Их губы слились в поцелуе. Ироничные переговоры уступили место страсти.

И в следующее мгновение они занялись любовью, чувствуя друг друга в этой темноте. Плевать, что произойдет завтра. Пусть хоть целый мир перевернется с ног на голову! Этой ночью они принадлежали друг другу. Их родители чуть ли не с детства пророчили женитьбу. Только влюбленность из детства не исчезла, а лишь переродилась во взрослую любовь.

Отдышавшись, Дьюк взглянул на Камиллу, коснулся её лица и покрутил пальцами прядь длинных волос. Она, в очередной раз, опередила, начав разговор:

— Ты хотел что-то сказать?

— Давай, ты первая, — уступил Дьюк.

— Хотела спросить, что будем делать, после того как разберемся с управителем? Дориан говорил, что североземцы снова придут в Гальрад. Так что даже если мы убьем всех нирту, это не будет окончательной победой. Они попытаются снова захватить континент. И будут придумывать план там, где никто не сможет их достать, в этом... как Лира называла ту территорию на севере? Холодные...

— Стылые земли, — подсказал Дьюк.

— Именно. Она там. Та, кто виновна в гибели моих родителей и всей нашей коммуны. Я хочу добраться до неё, а ты?

Камилла вопросительно посмотрела на Дьюка, но он поделился своими планами:

— А я хочу найти отца.

Было бы замечательно отправиться на поиски вместе. Вот только куда идти? Эти мысли уже неоднократно приходили в голову после признания Камиллы о встрече с отцом в лесу. Можно было бы начать со старого дома, с земель, где раньше находилась коммуна. Может там уже образовалось новое поселение, и отец вернулся? Но сердце подсказывало: все совсем не так просто. А других зацепок для поисков у него попросту не было. Да и слишком много лет прошло.

Камилла некоторое время поразмышляла и предложила:

— Тогда поищем его вместе, когда закончим здесь? И думаю, все-таки нам стоит немного поспать.

Дьюк согласился. И заодно предупредил:

— Ты же понимаешь, что если я не буду спать, то и ты не будешь?

— Значит так, — возмутилась Камилла — Я старше, значит я главная. Сказала, надо выспаться, значит надо выспаться.

Дьюк хорошо помнил, как в детстве она так же говорила, когда их отпускали куда-то вдвоем. Понимала ответственность и старалась не влипать в неприятности. С тех пор мало что изменилось.

Но она вдруг резко поменяла тон:

— А если серьезно, давай договоримся, что все решения будем принимать вместе?

— И решать проблемы тоже вместе, — подхватил Дьюк.

— Точно! Найдем твоего отца, а затем отправимся на север и убьем благословленную?

— Да уж. Лучше по одной невыполнимой задаче за раз.

Камилла пододвинулась ближе и нежно поцеловала его в губы. Какое-то время они просто лежали и смотрели друг на друга. Казалось, время замедлило свой ход, приближая их к вечности.

— О чем думаешь? — решила спросить Камилла.

— Ты знала, что волки выбирают пару один раз и на всю жизнь?

Она закатила глаза, игриво улыбаясь.

— Волки... сколько помню, ты всегда ими восхищался. Любил слушать, когда кто-то о них рассказывал. Особенно после того, как мы встретили двоих в лесу.

Дьюк пожал плечами.

— Однажды волки спасли мне жизнь.

— Больше не буду называть тебя волчонком.

— Меня так много лет уже никто не называл, — вспомнил Дьюк. — До нашей встречи в Браго.

— И хорошо. Потому что ты давно уже не волчонок.

Вспомнив о своей общине, Дьюк неожиданно для себя начал рассказывать, как путешествовал с ними вдоль северо-восточного тракта, пытался торговать, учился сражаться у Божко и тренировался, чтобы стать блуждающим. Камилла лежала и молча слушала. Дьюк не хотел, чтобы эта ночь заканчивалась, но в какой-то момент он затих и сам не заметил, как заснул.

— Просыпайся, немедленно! — взволнованно проговорила Камилла.

Дьюк неохотно открыл глаза. Он все ещё находился в уютных покоях замка, где на столе стояло вино, а солнечный свет уже пронизывал узкие окна. Она возвышалась над ним в одной нательной рубашке и, убедившись, что он проснулся, кинулась за ширму, одеваться.

— Что случилось? — забеспокоился Дьюк.

— Мне сообщили, что Грейнор уже скоро прибудет, — нервно сказала Камилла. — Весь замок уже на ногах! И мы должны быть готовы.

Он приподнялся и огляделся. Это не было сном: великолепные покои, признания, ночь, проведенная вместе.

Видимо, старую одежду Дьюка Камилла спрятала в сундук, а на кровать бережно положила новую. Штаны свободного покроя, из очень качественной ткани, темно-красного цвета, туника, в тон расшитая золотистыми нитками, и плащ с капюшоном. Наряд любого человека в Гальраде, будь то бедняка или феодала, стремился подчеркнуть благочестие, закрывая все тело. Но если у простолюдинов одежды были из дешевой ткани и менялись редко, у аристократов все было иначе. Дьюк не раз замечал, что гости часто меняли одежды. Будто соперничали друг с другом, пытаясь продемонстрировать превосходство и роскошь.

Только Дьюк успел накинуть тунику, как перед ним оказалась Камилла. Он снова ожидал увидеть платье, но на этот раз на ней было надето практически тоже, что и у него: штаны, рубашка с поясом. Она завела за ухо растрёпанные непослушные волосы и скомандовала:

— Быстрее одевайся, а я иду искать Авистию. Нужно ещё раз все продумать перед пиром. Управитель скоро будет здесь!

Дьюк молча кивнул и принялся одеваться дальше. Удивительно, но новая одежда хорошо подошла по размеру и сидела комфортно. Он ухмыльнулся от мысли, Вайн и Габор могут его и не узнать, да и Божко тоже. Только Эделина, завидев его, издали побежит с криками обниматься. Мысли о родной общине грели душу и прибавляли уверенности в себе. Они все ещё находились где-то там за пределами стен, в томительном ожидании. Конечно, не следовало заставлять ждать себя так долго, но обстоятельства иного выбора не дали.

Наконец, Дьюк решил выйти в коридор и отыскать Камиллу. В замке было

неспокойно: гости торопились на первый этаж, кто-то становился у окон. Трубачи на стенах извещали о скором прибытии хозяина. Наверняка дозорные заметили его экипаж издалека.

— Дьюк, — Камилла подошла сзади и дотронулась до плеча, отрывая от мыслей. — Ты готов? Нам сообщили, что экипаж управителя вот-вот прибудет. Мы и не ожидали его под утро.

Рядом с ней стояла Авистия, во взгляде которой виделась готовность к решительным мерам. Дьюк уже привык видеть её такой, но в этот раз она наверняка старательно скрывала переживания.

Он услышал, как на первом этаже довольно громко заговорил глашатай замка.

— Приветствуйте! Перед вами управитель центральной провинции, хозяин замка Браго, лорд Грейнор Рокстерли.

Внизу послышался какой-то шум. И Дьюк внезапно понял, что должен быть уже там.

— Мне нужно туда. Нужно узнать, действительно Грейнор жив или нет.

— Что? — опешила Камилла. — Но как?

— В прошлый раз меч среагировал на нирту, когда я приблизился к старшему советнику, — напомнил Дьюк. — Значит, тоже самое должно произойти и сейчас. Меч — это инструмент, с помощью которого можно их распознать.

— Дьюк, нет, не ходи туда, — воспротивилась Камилла. — Мы до конца этого даже не знаем.

— Но проверить все же стоит, да и вряд ли будет другой шанс приблизиться. Так что ждите здесь.

Дьюк бегом спустился. Гости толпились по бокам центрального зала и слиться с толпой не составляло труда. Они все ещё подходили с разных концов замка, и Дьюк не выделялся. А посередине величественно шел он. Высокий, статный, одетый в дорогие одежды. Нечто неведомое и пугающее, скрывающееся под личиной хозяина замка. Можно было бы накинуться на него прямо сейчас, прирезать и показать толпе, кто он на самом деле. Но Грейнор был не один, а в сопровождении пары солдат и капитана Малеонского ордена.

Пока все это происходило, Дьюк выкроил возможность и протиснулся поближе, в первые ряды. Как раз в этот момент Грейнор со своей свитой проходил мимо, с серьезным видом приветствуя всех вокруг.

Меч отозвался. Начал истошно взывать к себе, жаждал вырваться на свободу, перерезать врагу глотку. Вне всяких сомнений перед ним находился нирту. Но вместе с этим и сам Грейнор тоже почувствовал зов меча. На мгновение он остановился и посмотрел на Дьюка, прямо в глаза, словно пытаясь найти источник опасности.

И этот взгляд пронизывал душу насквозь. Дьюк почувствовал, как весь их план рушится, словно картонный дом. От всего этого стало не по себе. Грейнор стоял и смотрел, не двигаясь с места, и даже гости начали поглядывать на Дьюка.

Глава 22. Яд и вино

Дьюк не двигался с места. Внезапное бегство лишь усилило бы любопытство Грейнора. Когда лорд Грейнор уже сделал шаг, его внимание привлек другой человек.

— Рада видеть тебя, дядя.

Лира вышла к гостям и стояла на парадной лестнице у всех на виду, возвышаясь над остальными. Заметив это, управитель полностью переключил внимание на племянницу.

— Лира. Вот я снова и дома, — его голос прозвучал спокойно. — Не хочешь обнять родного дядю?

Она не сдвинулась с места.

— Нет? — с усмешкой отозвался Грейнор. — Может, тогда скажешь, не видела ли ты старшего советника? Почему он меня не встречает?

Старшая немного замаялась, но, взяв себя в руки, произнесла как можно увереннее:

— Наверное, в своих покоях. Последнее время он проводит там дни и ночи.

— Вот как? — удивленно спросил Грейнор, подойдя к Лире ближе.

Несколько аристократов, раздетых в богатые одежды, хотели подойти и лично поприветствовать лорда, но стражники Малеонского ордена не позволяли этого сделать, объясняя, что он устал с дороги и после коронации сможет дать аудиенцию для всех желающих.

Зал постепенно пустел. Растерянная Лира не могла пошевелиться. Грейнор, воспользовавшись этим, подошел ближе, поравнявшись на ступеньке, и спросил:

— Все хорошо? Ты какая-то бледная, или мне кажется?

— Все в порядке, — сразу же ответила она. — Просто немного волнуюсь перед коронацией.

— Не переживай, все пройдет отлично. Пойду, проведу советника Двейна. В организационных вопросах нужно всегда быть на чеку.

На лице Грейнора появилась легкая ухмылка, и он пошел наверх, даже не обернувшись. Лира осталась стоять с испуганным лицом.

Дьюк посмотрел ему вслед и, убедившись, что он ушел, схватил девушку за плечи и спросил:

— Ты как?

Тихий ответ последовал не сразу:

— Да уж, это точно не мой дядя.

— Не стоило сюда приходить. Камилла же велела оставаться у себя, — упрекнул Дьюк. — Твоя сестра у себя?

— Да, она в своих покоях, — вздохнув, ответила Лира. — Я просто хотела взглянуть на него вот и все.

Он схватил её за руку и повел наверх, чтобы поскорее найти Камиллу. В это время двое стражников, сопровождавших Грейнора, шли обратно в бараки Малеонского ордена. Дьюк хорошо запомнил их лица. Солдат отпустили, посчитав, что в замке никакой угрозы нет. А вслед за ними прямо из-за поворота выскочила Камилла. И Авистия вместе с ней.

— Грейнор там, в коридоре, — сказала она. — Может, попробовать сейчас?

Они со служанкой посмотрели друг на друга, а затем на Дьюка. У Авистии в руках было заготовленное вино и пара кубков. Конечно же, действовать нужно быстрее. Пока ещё не

началось пиршество, Грейнор не проверил кабинет старшего советника и не узнал, что его уже давно убили, а весь план нирту по захвату власти раскрыт. Тем более он собирался сделать это в ближайшее время и, видимо, разговор с капитаном его немного задержал.

Они осторожно выглянули из-за угла. Грейнор и капитан стояли в пустом длинном коридоре у окна и о чем-то разговаривали. Лучше и придумать нельзя.

Дьюк кивнул, дав знак Авистии, что пора идти. Она волнительно посмотрела в ответ и двинулась в сторону управителя.

— Дьюк, — тихо обратилась Камилла. — Вместе с Грейнором должен был вернуться советник Вилберн. Ты его видел? Пожилой, небольшого роста, худой, лицо в морщинах...

— Это ещё кто такой?

— Тот, кто позвал меня в замок. Он говорил, что получил письменное указание ехать к Грейнору.

— Что ж ты раньше не сказала? — удивился Дьюк, пытаясь быстро соображать. — А если Грейнор выпытал у него информацию и убил? Тогда тебя могли раскрыть. А вдруг Грейнору теперь все известно и Лира в ещё большей опасности, а с ней и мы, как сообщники.

Лицо Камиллы вмиг поменялось. Она предчувствовала беду. Дьюк аккуратно выглянул из-за поворота. Ави молча шла по коридору и, будто случайно заметила управителя. И они услышали невинный голос служанки:

— Налить вам вина, господин?

— Ты не видишь, мы разговариваем? — грубо отозвался Грейнор.

Капитан Малеонского ордена, довольно молодой парень, не намного старше Дьюка, обратил внимание на девушку и заметил:

— Может, выпьем с дороги? — его голос звучал задорно. — Налей-ка мне.

Ави послушно налила один кубок и отдала капитану, затем сразу же наполнила второй. Грейнор нехотя посмотрел и тоже взял. Капитан улыбнулся и чокнулся с управителем, а в тишине коридора отчетливо прозвучал звук стукающихся кубков. «Молодец, солдат, сам же и уговорил глотнуть вина», — подумал Дьюк.

Грейнор поднял кубок. Капитан тоже решил выпить, но неожиданно остановился и положил ладонь на кубок управителя, успев остановить его руку. Принюхался. Посмотрел на вино, а затем сказал:

— Оно отравлено, управитель.

У Дьюка все похолодело внутри. Камилла шагнула вперед, порываясь отправиться в коридор сама, но Дьюк среагировал и схватил за руку, прижав к стене. Лира шагнула назад, чтобы её ненароком не сбили с ног.

— Ты что делаешь?

— Ави нужно спасать! — воскликнула Камилла. — Пока ещё не поздно.

— Веди себя тише, — попросил Дьюк. — Они не должны нас видеть. Не сейчас.

— Но её убьют, — тихий голос Камиллы задрожал.

Дьюк и сам все понимал. Выглянув из-за угла, он решил посмотреть, что будет дальше, и мысленно попросил Ави бежать. Но она осталась стоять на месте, видимо, шокированная таким поворотом событий.

— Твоих рук дело? — закричал Грейнор на девочку. — Кто тебя послал, отвечай!

— Это не я господин. Я... не знала.

— Разберись с ней, — приказал управитель.

Капитан Малеонского ордена вынул меч из ножен и пырнул служанку в живот. Да с такой силой, что она не успела закричать, а просто свалилась на пол и сжалась от боли. Идеально чистый ковер обагрился кровью. Собравшись с силами, она все же попыталась отползти назад, но следующим ударом острое лезвие меча проткнуло горло.

— Вам кто-то угрожает в собственном доме, — удивленно сказал капитан.

Грейнор посмотрел по сторонам, но Дьюк за долю секунды успел юркнуть обратно за поворот. Затем он услышал, как управитель сказал:

— Идем, нужно поговорить без посторонних глаз.

Камилла оперлась спиной об стену.

— Вот хренов нюхач, — тихо выругалась она. — Откуда он только взялся?

— Я этого не знала, — ответила на вопрос Лиры, едва сдерживая слезы. — Дядя нанял Малеонский орден перед тем, как отправиться путешествовать по Гальраду. Я ничего не знала об этом капитане.

Дьюк понял, что нужно срочно брать все в свои руки. Лиру немедленно уводить из замка, ведь она для Грейнора сейчас главная угроза. Ему будет проще убить её, воспользовавшись попыткой отравления и обвинив в измене, чем тайно перевоплотиться. Так что смерть Ави ему на руку, а капитан будет свидетелем.

— Ладно, новый план, — скомандовал Дьюк Камилле. — Забирай Лиру, и убегайте из замка, быстрее.

— А как же ты? — сразу оживилась она.

Дьюк осторожно выглянул из-за поворота и убедился, что враги ушли. Дьюк думал, что Грейнор будет везде ходить с охраной, но в коридорах замка его сопровождает только капитан. И ещё не поздно их догнать. Поймать момент и избавиться от врага без лишнего шума. Камилла с опаской посмотрела на Дьюка, кажется, догадываясь, что он задумал.

Дьюк поспешил объяснить:

— Пойду, попробую подкараулить Грейнора, когда он останется один, и убить.

— Это очень опасно, даже не думай, — запротестовала Лиры. — Да, и Амелия ждет нас в своей комнате. Если тебя схватят, она вряд ли сможет убежать из замка одна.

У Камиллы вызвало возмущение совсем другое:

— Значит, идешь геройствовать в одиночку?

— Другого шанса не будет.

— Тогда идем вместе?

— Нет. Твоя задача — спасти жизнь Лире. Помни, зачем мы здесь. Забирай её и беги. Об Амелии не переживайте, без неё я из замка не убегу.

Камилла вздохнула, видимо, пытаясь подобрать какие-то верные слова, чтобы отговорить его от этой затеи. Дьюк и сам понимал, что это безумие, но попробовать все же стоило. Ведь если они сейчас покинут замок, Грейнор останется под надежной защитой, в самом безопасном месте на континенте.

— А из замка ведут тайные выходы? — спросил Дьюк у Лире. — Наверняка здесь предусматривался такой на случай длительной осады, разве нет?

Но девушка отрицательно покачала головой:

— Если и есть, то я о нём не знаю. Родители знали, но замок никогда не осаждали, и мы ничем таким не пользовались.

— Тогда идите напрямую и побыстрее, — посоветовал Дьюк и поймал упрекающий взгляд Камиллы. — Послушай, я не стану рисковать, обещаю.

Но она от этих слов только ещё больше разозлилась:

— Это, по-твоему, не риск, идти туда в одиночку? Хочешь всех спасти? Только знаешь, что будет, если ты погибнешь? — она посмотрела прямо в глаза. — Тогда я тоже погибну. Мы только обрели друг друга, и я не собираюсь потерять тебя вновь, ты понял?

— Бегите сразу в лес, запутайте следы.

— И как потом я тебя найду?

— Я сам тебя найду. Лес подскажет, — Дьюк направился за поворот, пока девушки не продолжили отговаривать.

Дьюк быстро двинулся к цели, обходя по пути безжизненное тело Авистии. Её невинное детское лицо застыло от ужаса перед ликом смерти.

Он преодолел длинный коридор и свернул в западное крыло замка. Здесь начиналось помещение с жилыми комнатами, и управитель мог подняться на этаж выше. Дьюк уже хотел использовать дар блуждающего, чтобы обнаружить хоть кого-то в этом коридоре, как вдруг услышал голос капитана Малеонского ордена в одной из комнат:

— ... распорядись и скоро уберут тело. А затем ребята вернутся и доложат обо всем.

Дьюк приблизился к двери.

— Хорошо.

Вторым был точно грубый низкий тембр Грейнора. Дьюк подошел ещё ближе, затаив дыхание и стараясь не шуметь.

— Как я мог допустить такое? — с наигранной горечью в голосе спросил Грейнор. — Полгода не было дома и вот сюрприз для дядюшки. После всего что я для них сделал. Ты не проверял, был ли там кто-то еще? Должно быть, убийцам уже известно о том, что попытка провалилась. Хоть бы проверил даром блуждающего.

На мгновение повисла пауза. И правда, если бы капитан воспользовался даром блуждающего, сразу обнаружил бы их троих. На самом деле Дьюк так и поступил бы. Но капитан, к счастью, не додумался. Дьюк снова прислушался к разговору:

— Кто бы это мог устроить?

— Ясное дело кто. Моя племянница, Лира, это её рук дело, — уверенно ответил Грейнор. — Немедленно оповести своих людей. Найди её и убей.

— Но, почему вы решили, что именно она, управитель? — спросил капитан. — В замке много влиятельных гостей, приехавших на церемонию. Я думаю, что...

— Думать — не твоя работа, Ририх, — грубо перебил Грейнор. — Твоя работа — защищать мои интересы и интересы провинции.

На мгновение возникла тишина. Затем управитель тяжело вздохнул и все же ответил:

— Ладно, я скажу. Проверь для начала, не подслушивает ли нас никто.

Дьюк понял, что сейчас капитан собирается использовать дар блуждающего и сможет легко его обнаружить. Много времени для этого не потребуется, и бежать нужно сразу. Он уже приготовился дать деру куда подальше и инстинктивно сделал шаг назад, но через секунду Ририх объявил:

— Проверил, все чисто. Мы одни.

Выдохнув, Дьюк сначала не поверил. Ририх явно не новичок в этом деле, раз использовал дар так быстро. Но разбираться придется потом.

— Советник Двейн оставался за старшего, а сейчас его нигде не видно, — начал Грейнор. — Подумай сам, почему? Наверняка скоро мы обнаружим труп. Лира избавилась от моего человека, потому что решила навести здесь свои порядки. Наверняка считает, что

её правление будет формальным, не смотря на предстоящую церемонию.

— Формальным? — спросил Ририх, очевидно не поняв формулировки.

— Да, формальным. На бумагах, но не на самом деле, соображаешь? Вообще-то я и сам хотел поговорить с ней об этом. Хотел... просто быть рядом и давать советы, направлять хотя бы первое время, может быть, несколько месяцев или больше, — его голос звучал убедительно, с нотками мягкости и сочувствия. — Но, как видишь, мне здесь уже давно не рады. Я прекрасно знаю, что Лира хотела бы править, возродив наследие своего отца, но на этом наши взгляды расходятся. Я вижу будущее провинции совсем иначе. А девочка решила избавиться от всех проблем подлым образом. И наверняка не без помощи сестры. За столь длительное время и её успела настроить против меня. Сказала, например, что это я виноват в смерти их матери, Оливии.

Дьюк позавидовал. Лжеуправитель врал, выдумывая прямо на ходу. Переиначил аргументы под свои доводы. Вплел смерть матери девочек, своё долгое отсутствие и просто выставил Лиру коварной, жадной до власти, тварью, готовой пойти на все ради «наследия отца». Глупо было надеяться, что посланные шпионы североземцев плохо подготовлены и не могут переворачивать ситуацию в свою пользу.

Не успел Ририх что-то на это ответить, Грейнор продолжил давить фактами:

— Лира вся в мать. Оливия тоже любила власть, контроль, все держать в руках и никому не доверять. Правда, на её правлении это сказалось далеко не в лучшую сторону. Да и между нами говоря, я давно уже считаю, что сморившая Оливию болезнь не просто кара судьбы.

— Хотите сказать, девочка убила родную мать? — уточнил Ририх.

— Кто теперь скажет наверняка? Только сам видишь. Лира расправилась с матерью так же, без лишнего шума. И решила, что это снова сработает. Да и потом, если она будет править самостоятельно и начнет наводить свои порядки, думаешь, тебя оставят при дворе? Да она знать не знает, кто ты такой и весь твой орден. А там, в Гальраде, выжидают бывшие сторонники Норберта, изгнанники, жаждущие вернуться. Они придут и наврут Лире, что верны только ей одной, как в своё время поступил магистр Палеонесской розы, наврав Оливии. Которые получив власть, начали разорять казну и набивать свои кошельки. Так что наверняка Лира захочет возродить орден Альстеир и прогнать тебя. Ты не думал об этом?

Ририх промолчал. Дьюк пытался быстро сообразить. Выходит, лжеуправитель, возможно и вправду убил Оливию Рокстерли и именно поэтому представил все так, будто уже давно догадывался, что это убийство совершила Лира, но не придавал огласки без каких-либо доказательств. А новый орден вместо старого, что остался при дворе от покойной Оливии, нанял просто для того, чтобы окружить себя людьми, которые ничего не знают о том, кто такой человек по имени Грейнор Рокстерли. Ририх и его люди знали Грейнора именно таким, как сейчас: жестоким, твердым, способным на убийство человеком. Интересно, что он наврал, когда сказал, что нужно бы отлучиться из родового замка с охраной на полгода?

— Иди и убей Лиру Рокстерли, — снова скомандовал Грейнор. — А её сестру мы схватим позже и будем пытаться до тех пор, пока не признается в соучастии.

Дьюк не стал дожидаться ответа Ририха и решил поскорее убраться, пока капитан Малеонского ордена не вышел из комнаты. В коридоре попросту негде спрятаться, разве что в одной из других комнат. Но совсем уж не хотелось загонять себя в тупик. Теперь и безопасность Амелии была под серьёзной угрозой. Нужно увести её из замка, пока капитан ещё ничего не понял.

Глава 23. Побег

Камилла понимала, что действовать нужно немедленно. Не успеют сбежать сейчас — погибнут. Дьюк не даст Амелию в обиду, и в случае опасности они вместе покинут замок — так заранее обговаривалось, если план по отравлению не срывается.

Лиру же удерживало другое. Выглянув из-за угла, она посмотрела на Авистию, без движения лежащую на ковре. Камилла собралась с силами бежать и схватила девушку за руку.

— Она... умерла?

— Да, — быстро ответила Камилла, — Умерла. А мы ещё живы и должны торопиться.

Лири молча кивнула, и они направились к выходу.

В этот момент почему-то вспомнились нравоучения Дориана. Он говорил о том, что мертвым уже не поможешь, а живые должны позаботиться о себе. «Северяне и у меня отняли близких людей, но я не ною. Потому что надо двигаться дальше», — сказал он тогда, у себя в покоях. — «И тебе следует! Если необходимо, то через силу перестать жалеть себя и проявить, наконец, характер, раз хочешь научиться сражаться и не сдохнуть в первом же бою».

Сражаться, как ей казалось, она научилась. Велимир заставлял оттачивать навыки боя, доводя их до автоматизма, тренировать выносливость и закалять характер. А Дориан и вовсе постарался, устроив реальный бой насмерть.

Они быстро шли по главному залу, стараясь не привлекать лишнего внимания. Лири двигалась молча, не отпуская руки воспитательницы. Камилла понимала, что покидала стены замка если не навсегда, то на долгое время. Она чувствовала скрытый под плащом глифовый меч, удобно закрепленный на поясе — единственную драгоценность, потерять которую никак нельзя. Конечно, жаль было оставлять подаренные Вилберном платья, обувь, а также собственные покои размером больше, чем некоторые дома.

— Амелия сказала, советник Вилберн тебя сюда позвал, — призналась Лири. — Ты пыталась спасти мне жизнь, а я этого даже не знала. Умирать из-за меня — это совсем неправильно.

— Североземцы отняли у меня семью, — ответила Камилла.

— Ты меня прости за все, хорошо? — зачем-то попросила она. — За то, что я сказала и вообще... Ты лучшая воспитательница из всех, что у нас были.

— Ты мне льстишь.

Они вышли во внутренний двор и быстро направились к выходу. Камилла попыталась разглядеть погоню, но во внутреннем дворе ничего необычного не происходило. Разве что слуги занимались своими обязанностями, резвее чем раньше.

— Нет, правда. На самом деле...

— Болтай поменьше! — перебила Камилла, вспомнив старика Велимира. — Выберемся тогда и поблагодаришь.

Подойдя к главным воротам, они остановились. Один из стражников перегородил путь прямо у выхода. Обычный солдат на посту, короткостриженный, одетый в простую легкую броню с символикой Малеонского ордена.

— Вы покидаете нас, госпожа Лири? — удивленно спросил он. — А как же коронация?

Камилла вздохнула.

— Мы уходим ненадолго и успеем вернуться, — без какой-либо фальши заверила девушка. — Можете не беспокоиться.

— К сожалению, до окончания коронации управитель запретил выпускать вас из замка без его разрешения, — уведомил солдат. — Такой приказ. Если хотите, могу отправить к нему гонца, узнать о разрешении?

Камилла стиснула зубы, чтобы не выругаться. Ещё не хватало стоять и ждать пока этот хитрый ублюдок узнает о том, что они покидают замок и схватит их. А ещё проще — убьет на месте и все.

Лира, удивленная таким поворотом событий, не нашла, что ответить, и Камилла ехидно спросила:

— Это когда же, интересно, управитель успел отдать такой приказ?

Стражник принялся с интересом рассматривать её, словно пытаясь понять, кто вообще перед ним: миледи местной аристократии или чья-то прислужница. И всё-таки он не растерялся:

— Сразу после прибытия в замок мы получили указания от капитана Ририха.

Камилла положила руку на рукоятку меча. Можно было быстро ударить прямо в горло. Тогда уж точно никаких проблем с выходом не будет. Пройти главные ворота, перейти опущенный мост и всё! Дальше только спуск в Саргос. Только вот поднимется тревога, и тогда уже у Дьюка и Амелии точно не будет шансов выбраться. А ещё будет погоня, и ничем хорошим это не кончится.

— Вы что, думаете, дядя не разрешит мне выйти? — подала голос Лира.

— Не думаю, что с этим будут какие-то проблемы, — тупо повторил стражник. — Просто позвольте мне отправить гонца и спросить разрешение на счет выхода? Это не займет много времени.

Камилла поняла, что время уходит и медлить нельзя. А поведение стражника начало ужасно злить. Она собралась припугнуть тем, что он лишится своего жалования за подобную дерзость, но Лира её перебила:

— Слушай, ты...

— Простите, но гонца отправлять не нужно. На самом деле я хотела сделать дяде небольшой сюрприз в честь возвращения, ну и... — Лира слегка замялась, обдумывая слова. — А вот если вы отправите гонца, дядя все узнает и никакого сюрприза не получится! Поэтому мы и хотели покинуть замок ненадолго и без предупреждения. К тому же, я иду с воспитательницей, она за меня в ответе.

Стражник подозрительно покосился на Камиллу. Взгляд его остановился на рукояти меча, торчащей у неё из-под плаща.

— Это не займет много времени, — добавила Лира для пущей убедительности. — А после коронации я попрошу капитана как-нибудь отблагодарить вас за помощь.

— Ну... — стражник немного заколебался, не зная, что и сказать, — Ладно, проходите, госпожа Лира. Только, возвращайтесь поскорее.

Камилла и Лира стараясь казаться невозмутимыми, прошли главные ворота и мост, пока охранник не передумал. Впрочем, он уже на них и не смотрел. А продолжал стоять и нести свою службу с таким же каменным лицом, как и до этого. Будто ничего не произошло.

— Молодец, — тихо похвалила Камилла.

В Саргосе они оказались довольно быстро. Камилла предпочла бы раствориться в толпе и успокоиться, но сегодня как назло на городских улицах люди толпами не ходили.

Центральная площадь, выглядела почти что пустынной, и только возле большой городской таверны сновало множество зевак. В детстве Камилле рассказывали, что ремесленников в Саргосе хватает, и иногда она представляла, как вырастет и отправиться сюда, чтобы заработать на жизнь. Думала о том, что будет жить в доме из белого кирпича.

Лира вела вперед. Пройдя несколько улиц, она остановилась, прислонившись к стене дома, чтобы перевести дух.

Камилла же не чувствовала усталости, да и в одиночку могла бы двигаться быстрее. Лира выглянула из-за угла и прошептала:

— Похоже, нас уже разыскивают.

Камилла не поверила своим ушам и тоже осторожно выглянула из-за поворота. Небольшой отряд стражников Малеонского ордена во главе с капитаном подошел к главной площади, осматриваясь и расспрашивая прохожих. Камилла выругалась про себя. Быстро же они сориентировались!

— Ладно, показывай, где выход из города.

Камилла начала нервничать. Они сорвались с места и побежали по центральной улице. Девушку приходилось буквально тянуть за собой.

Выбравшись, наконец, из города, они сразу направились в сторону леса, подальше от городских стен. В спешке добежав ближайших деревьев, Камилла спокойно вздохнула, скрываясь в чаще леса вместе с девушкой.

— Кажется, оторвались, — сказала Лира.

Воспитательница рвалась вперед, в лес, не давая ей толком соображать. Она пыталась двигаться как можно быстрее, чтобы увеличить дистанцию. Лира старалась не отставать. За спиной приглушенно слышались голоса.

Приятная лесная прохлада и свежесть пробудили воспоминания Камиллы о родной коммуне и любимом лесу, который ей так нравилось посещать в детстве, вопреки запретам родителей. Именно гармония с лесной тишиной, помогала ей уйти от повседневной жизни. У них с Дьюком даже было тайное место, которое знали только они. Маленькое убежище, где можно было побыть вдали от посторонних глаз. И где, как казалось, никто и никогда не сможет их найти.

Девушки двигались быстро и преодолели, казалось, большое расстояние. Выдохшись, Лира облокотилась на дуб внушительных размеров, чтобы перевести дух. Камилла осмотрелась, погони не было видно. Только где-то вдалеке, не скрываясь, во весь голос о чем-то переговаривались преследователи. Напряжение нарастало. Сложно было понять, где именно они находились.

И когда Камилла уже решила двигаться дальше, неподалеку послышался хруст веток. Она зажала девушке рот, так как один из стражников, которого было не видно за дубом, подошел очень близко. Видимо, решил, отойди подальше, чтобы справить нужду. Убедившись, что поблизости никого нет, без зазрения совести собрался помочиться в ближайшие кусты.

— Чего там застрял? — послышался насмешливый сиплый голос второго, чуть дальше. — Высматриваешь беглецов? Ты же обычно дальше собственной кружки не видишь.

— Да иди ты, — грубо ответил первый.

Камилла испугалась, от того, что голос показался довольно громким, и человек стоял совсем рядом, практически в паре шагов от дуба. Не увидел он их только по счастливой случайности.

Лиру трясло. Камилла молча просила не шевелиться и не кричать, ощущая ладонью волнительное, тяжелое дыхание.

— Ладно, пойдем, — согласился второй. — Найдем капитана. Он-то точно не упустит добычу.

Шаги начали отдаляться. Преследователи разбрелись по лесу группами, по несколько человек и это усложняло дело.

Некоторое время Камилла слушала звуки шагов, а когда они отдалились достаточно далеко, в очередной раз похвалила девушку:

— Молодец. Все, нужно спешить. Смотри в оба.

Не успела она договорить, как услышала, что с другой стороны уже приближается кто-то еще. В этот момент из-за деревьев показался один из стражников. Он шел неторопливо, опустив меч. На лицо, будто только недавно вернулся со вчерашней попойки и сразу заступил на службу.

— Долго ещё собираетесь тут тор...

Оборвав вопрос на полуслове, он с недоумением уставился на Камиллу и Лиру, будто увидел что-то невероятное. Считанные мгновение все просто стояли и смотрели друг на друга. Камилла отработанным движением руки вытащила меч из ножен. Глифовый клинок обнажился легко и без единого звука. Стражник осознав, что встретил врага, решил то ли защититься от удара, то ли крикнуть, что обнаружил беглецов. Но ни того ни другого сделать не успел. Камилла без лишних раздумий умудрилась колющим ударом проткнуть щеку и дальше, насквозь, отчего он потерял равновесие и упал. Лезвие вошло удивительно легко, как нож в масло, будто меч только-только идеально заточили и сняли с наковальни.

Страшно подумать, что было бы, если она хоть на секунду задумалась, почувствовала страх или, если бы засомневалась бить или бежать.

Враг упал на спину и скорчился от боли и что-либо закричать уже не мог. Кажется, вместе с половиной щеки лезвие прорезало язык.

— Там еще! — вскрикнула Лира, указывая направо.

И вправду, гибель одного из стражников заметил ещё один, находившийся шагах в десяти. Тут Камилла не стала раздумывать, схватила девушку за руку и бросилась наутек, куда глаза глядят. Подальше от опасности. Стражник побежал следом, перепрыгнув через поваленное дерево и сближаясь с ужасающей скоростью.

Опасаясь удара в спину, Камилла повернулась и приготовилась драться, отправив Лиру вперед. На мгновение девушка остановилась и встретилась глазами с воспитательницей, посмотрев непонимающим, полным страха, взглядом.

— Беги, быстрее! — прикрикнула Камилла.

Лира резко рванула вперед. Может, только сейчас поняла, насколько велик риск умереть? Прямо здесь, в лесу собственной будущей провинции Гальрада.

Противник напал первым, не боясь сближения и уверенно атакуя, но она смогла отбить несколько сильных ударов. Этот был проворным. Молодой, полный энергии. Двигался резко, шустро, будто последние годы только и делал, что тренировался, готовился. Напирал, заставляя Камиллу защищаться и отступать назад.

Она попыталась найти момент и контратаковать, совершить неожиданный выпад, но противник защищался ничуть не хуже. С его лица не сходила самоуверенная ухмылка и это раздражало. Впрочем, Камилла не сильно уступала, но действовала аккуратно и сконцентрировано. Сосредоточилась на бое, дышала размеренно. Старалась сильно не

сближаться с врагом, но и не отдаляться. И то и другое сулило смерть.

Внимание, сосредоточенное на одном человеке, все и погубило. Камилла услышала свист стрелы, прежде чем осознала, как та острым жалом прошла по касательной, ранив правую руку. Боль пронзила от кисти до самого плеча. Противник воспользовался заминкой и ударил кулаком по лицу так, что Камилла потеряла равновесие, упала на землю и выронила меч. Во рту отчетливо ощутился металлический привкус крови. Она попыталась быстро встать и уже уперлась здоровой рукой в землю, но стражник с силой ударил ногой, заставляя тело согнуться. Не в силах терпеть она застонала и схватилась руками за живот. Отставшие стражники из отряда понемногу начали приближаться.

Противник грубо схватил Камиллу за длинные волосы и заставил приподняться на колени.

— Хорошо дерёшься, — усмехнувшись, похвалил он. — Не видел, чтобы баба так сражалась.

На глаза попал кинжал, висевший у него на поясе. Всех воинов Малеонского ордена заставляют носить такой вместе с основным оружием. Без лишних размышлений Камилла резким движением обнажила кинжал с пояса врага и ударила наотмашь. Удар пришелся прямо в пах. Стражник отпустил, и теперь уже сам согнулся, взыв от боли и закрывая рану руками. Вторым ударом Камилла воткнула кинжал ему в шею по самую рукоятку.

Несколько стражников грубо оттащили её, повалили на землю. Её окружили человек пять, не меньше. Где-то неподалеку валялся глифовый меч. Если бы ей только дали дотянуться...

— Что здесь происходит? — спросил знакомый голос.

— Капитан Ририх, она убила Рыжего, — доложил кто-то из стражников. — И ещё новенького из отряда дозорных. Двух наших положила.

— Эта баба убила рыжего? — с усмешкой спросил капитан. — А я был о нём более высокого мнения.

Камилла подняла взгляд и ощутила безысходность, за которой ничего уже быть не могло. Молодой капитан стоял в нескольких метрах от неё и держал Лиру за шкуру. Будущая управительница обреченно смотрела на воспитательницу и молчала. А капитан тем временем отпустил девушку и с интересом подошел поближе рассмотреть труп своего подчиненного.

— Мы сюда не драться пришли, а осудить человека, что предал лорда Грейнора и весь Гальрад.

— Я не предавала, — уверенно, но напугано промямлила Лира, не пытаясь бежать. — Это не дядя...

— Что? — перебил Ририх, будто не расслышав. — Ты бежала, пыталась скрыться. Но от судьбы не убежать.

Лира собралась с силами ответить, но Ририх не дал. Обнажив меч, он подошел к девушке, схватил за волосы и пырнул в живот, протыкая тело насквозь. От сильной боли она пошатнулась и упала. На землю хлынула кровь. Камилла закричала, так громко, как могла, словно собиралась этим как-то помешать. Вместе с криком злость и душевная боль, вырвались откуда-то изнутри, на свободу. Она и раньше видела, как убивают людей. И видела неоднократно, ещё ребенком. Думала, что поняла уже тогда, каким жестоким может быть этот мир. Но никогда прежде не доводилось наблюдать, чтобы так жестоко и беспрепятственно убивали беззащитную девушку.

Казалось, что это не могло быть правдой.

В ответ на крик, кто-то вновь ударил её по лицу, заставляя оставаться лежать на земле. На глаза, наконец, попался глифовый меч, валяющийся в паре метров. Дотянуться и перерезать глотку капитану — все, чего сейчас хотелось. Отомстить, жестоко и безнравственно.

— Это кто такая вообще? — спросил Ририх у толпы подопечных, смотря на Камиллу.

— Кажется, воспитательница дочерей Норберта, — неуверенно подал голос один из них.

Камилла порывалась встать и броситься за мечом, пока такой шанс ещё был возможен. Собрала все силы для одного рывка, но остановилась. Потому что отчетливо услышала, как Лира тихо застонала и повернулась на бок, оставаясь лежать на земле. Обеими руками она схватилась за живот, закрывая рану. Ририх переключил внимание на девушку.

— Живучая тварь! — озлобленно удивился он, подойдя обратно. — Ты начинаешь меня раздражать!

— Не смей её трогать! — только вновь успела закричать Камилла.

Но Ририх не обратил на это никакого внимания. Колющим ударом он насквозь проткнул Лире ногу в бедре, заставляя кричать от боли и извиваться, сколько осталось сил. Некоторое время капитан возвышался над девушкой, но Лира ослабла и затихла, больше не произнося ни звука.

— Ну что, все, да? — издевательски прикрикнул Ририх, стоя над неподвижным телом.

Никто из подопечных капитана не проронил ни звука. И даже сам лес замолк, не нарушая плотную, давящую тишину. Камилла не отрывала взгляда от Лире. Смотрела на обгаренное кровью платье, спутанные, грязные волосы, на проткнутую насквозь ногу и ослабшие не двигающиеся кисти рук. Но будущая управительница больше не стонала от боли. Не цеплялась за желание жить.

Простояв несколько мгновений и убедившись, что Лира больше не шевелится, капитан убрал меч в ножны и сказал:

— Нам пора. Приказ выполнен.

— А что делать с ней? — осторожно спросил один из стражников, указав на Камиллу.

Капитан пожал плечами:

— Мы больше не нуждаемся в услугах воспитательницы. Заканчивайте здесь и доложите обо всем по прибытии.

Он направился в сторону города, даже не оборачиваясь, будто только что совершал будничные дела и возвращался в казармы, чтобы пообедать. Пятерка стражников взглянула на Камиллу. Почему-то они медлили. Возможно, казалось жестокое убийство Лире прямо у них на глазах.

Найдя момент, Камилла приподнялась и резко бросилась за мечом, считая, что это единственный шанс. Жить хотелось сильнее, чем встретить смерть. Ей удалось подняться, рвануть к оружию и на мгновение показалось, словно глифовый меч сам потянулся на встречу хозяйке и чуть сдвинулся с места, лежа на земле.

Шансов бежать было мало, а победить всех пятерых — ещё меньше. Стражники не отреагировали на рывок Камиллы и на тот факт, что ей удалось занять выгодную позицию, не давая себя окружить. Некоторое время они все молчали и поглядывали друг на друга. Видимо решили, что победить не составит труда, только никак не могли договориться, кто именно будет убивать. Единственный из них — молодой арбалетчик, с заряженной стрелой

держал Камиллу на прицеле, но стрелять не спешил. Один из стражников, самый смелый и пожилого возраста двинулся вперед к Камилле, норовя покончить с этим.

И тут произошло нечто странное. Пожилой стражник неожиданно пошатнулся от вонзившийся в голову стрелы. Затем точно в голову прилетело и арбалетчику, от чего тот грохнулся на землю, не успев спустить тетиву. Остальные закрутили головами в поисках угрозы, но в этом не было необходимости. Несколько человек, выскочили словно из ниоткуда.

Первый, здоровый как бык, явно воин, пошел напролом с щитом и мечом. Он толкнул корпусом и повалил на землю зарубив одного из врагов. Второй, меньше ростом, с густой бородой и темными волосами шел с другой стороны и начал довольно ловко сражаться сразу с двумя. Наконец, Камилла увидела лучницу, молодую девушку, сконцентрировано державшую на прицеле врагов и стоя поодаль. Действовали они слаженно, быстро и не сговариваясь, перемещались, заходя с разных сторон.

Бой закончился довольно быстро, без потерь со стороны нападавших. Четвертый из мелкой общины — старей на вид человек, медленно вышел из густи леса. Камилла поспешила к Лире, все ещё теша себя надеждами.

Присев рядом с девушкой, она приподняла ей голову и положила к себе на колени. Неожиданно за рубаху схватилась окровавленная рука.

— Прости, — еле слышно прошептала Лира.

— Не смей умирать здесь! — закричала Камилла. — Посмотри на меня. Лира!

Войны встали рядом и окружили девушек, не говоря ни слова. Из глубоких ран на теле Лире продолжала сочиться кровь. Наверное, только боли уже больше не было.

— Все будет хорошо, — уверила Камилла. — Слышишь меня?

Лира смотрела на свою воспитательницу. Пока рука, которая держалась за рубаху, не ослабла. Пока глаза не устремились мертвым взглядом в одну точку, куда-то вверх, в безоблачное небо.

Глава 24. Чужой среди своих

Можно сказать, что Дьюку в очередной раз повезло. Выбраться из замка вместе с Амелией не составило особого труда. Он успел забрать её раньше, чем капитан Малеонского ордена спохватился. Во внутреннем дворе поспешно собирался отряд, видимо, для поисков Лиры. Ведь именно старшая сестра представляла для будущего лжеуправителя серьезную угрозу. После ухода капитана и отряда стражников, Дьюк с Амелией выбрались за каменные стены Браго и рванули через край города, по безлюдным улочкам.

— Как думаешь, они спаслись? — взволновано спросила Амелия.

Дьюк шел впереди, протаптывая дорогу куда-то в чащу леса. Куда конкретно надо идти он не знал. Но надеялся, что, как и в детстве, лес подаст какие-нибудь знаки или подскажет верный путь.

— Тебе что, все равно? — бросила в спину младшая.

Дьюк остановился и обернулся, от чего она чуть было не врезалась в него.

— Послушай, я в них верю. Верю, что они справятся, а ты нет?

Младшая ничего не ответила. Замолкла, но ненадолго. Дьюк пошел дальше, углубляясь в лес и петляя.

— Куда мы идем? — снова прозвучал вопрос в спину.

— Пока не знаю, — честно признался он.

Вскоре они вышли на какую-то дорогу среди леса, и Амелия поравнялась с Дьюком. Она явно переживала, хоть изо всех сил старалась этого не показывать. Дьюк невольно замечал нервные движения рук, постоянное оглядывание назад, попытки отвлечься разговором.

— Кстати, Камилла проговорила, что вы вдвоем спаслись во время северной смуты, — начала разговор младшая.

— Правда? — нехотя ответил Дьюк.

— Да, а ещё она сказала...

— Извини, — перебил он. — Можешь помолчать немного? Мне нужна тишина, чтобы понять куда идти. Ты болтаешь без умолку, прямо как твоя сестра.

— Мы совсем не похожи! — почему-то оскорбилась Амелия.

Повинуясь внутреннему инстинкту, Дьюк закрыл глаза и сосредоточиться. Был у них один маленький, никому не известный секрет с Божко. Во время обучения Дьюка на блуждающего, они создали между собой особую связь, с помощью которой, можно найти друг друга даже на большом расстоянии. Между учеником и учителем такое часто случается, если долго практиковаться. И прямо сейчас ученик взывал к учителю сквозь толщи деревьев. Дьюку удалось распознать нужное направление, хоть и с трудом.

Свернув с дороги, он направился прямо через заросли. Амелия, молча пошла следом.

Спустя некоторое время послышались голоса. Дьюк обошел кусты, и ступил на небольшую поляну.

Около двух десятков человек оккупировали территорию. В основном молодые ребята с дешевым оружием в изношенных одеждах, без знаков отличия какого-то ордена. Будто просто бродяжная община, ищущая, где бы пристроиться. На Дьюка и Амелию некоторое время никто не обращал внимания и он пошел вперед в поисках своих, уверенный в том, что прибыл, куда следует. Младшая неожиданно взяла его за руку и держась близко. А затем

остановилась как вкопанная.

На поваленном дереве, отстраненно от всех сидела Камилла. Дьюк встретился с ней глазами.

В этом молчании было множество вопросов. Взгляд упал на изувеченное ранами тело Лиры. Завязавшаяся здесь битва явно сложилась не в её пользу. Главное — что сама жива! Что он её не потерял.

Только Дьюк хотел подойти ближе, как меч на поясе дал о себе знать. Рука невольно дернулась к рукоятке. И вот снова это чувство. Враг рядом.

— Дьюк, наконец-то!

До боли знакомый голос принадлежал Божко. Из-за его спины показались Вайн и Габор, но не успели они подойти, как сзади совершенно неожиданно кто-то, крепко заключил в объятия.

— Дьюююююк! — закричала от радости Эделина. — Как хорошо, что ты цел.

Кажется, Эда больше всех была рада его видеть и, не смотря на тяжелую обстановку, не скрывала эмоций. И если братья просто скромно улыбались, то Божко был хмурый как темная туча. Дьюку редко доводилось видеть старика таким.

— Кто все эти люди? — спросил Дьюк.

— Свои, не переживай, — принялся объяснять Вайн. — Мы пришли как раз, когда твою подругу хотели убить малеонщики, но она молодец, до последнего давала отпор. А ребята — из общины твоей подруги, пришли чуть позже.

Дьюк ещё раз взглянул на Камиллу, которая крепко обнимала Амелию, не скрывающую слез.

— Там в замке много чего случилось, верно, дружище? — спросил Вайн.

Дьюк кивнул. Отвечать не хотелось. Придется много чего рассказывать, а сейчас не самое подходящее время. Он взглянул на Камиллу и подумал о том, что ничего ещё не окончено.

Поляна посреди глухого леса выглядела довольно безопасной. Неподалеку лежали мертвые тела солдат Малеонского ордена.

— Иди к ней, — посоветовал Божко.

Дьюк некоторое время стоял с братьями и наблюдал, как Камилла снова села на дерево, а Амелия неподвижно встала возле тела сестры, утирая слезы. На Божко младшая взглянула с теплотой, как на родного человека, но общаться пока не находила сил.

Дьюк осторожно подошел к Камилле и молча сел рядом, на поваленное дерево. Не зная, что сказать, тупо уставился в землю, не в силах смотреть на израненное тело, да и вообще на людей вокруг. Вместо того чтобы радоваться, что они оба живы, словно на немой вопрос о случившемся, Камилла тихо спросила:

— Ты убил Грейнора?

— Нет, — признался Дьюк. — Не убил. Они хотели схватить Амелию, и мне пришлось срочно её искать и...

Камилла тяжело вздохнула. Её мысли были о том, что они теперь в лесу, а враг там, в Браго, живой и невредимый. Взглянув на мертвое тело девушки, воспитательница прошептала:

— Она умерла на моих руках.

Затем под села ближе и устало положила голову ему на плечо. Голос дрожал, кисти рук тоже. Казалось, Камилла вот-вот расплачется, не смотря на то, что до этого всегда старалась

держат себя в руках.

— У меня на руках, Дьюк, — тихо повторила она. — Скажи что-нибудь.

И он ответил, так же полупшепотом. И совсем не то, что следовало:

— Один из этих людей — нирту.

Камилла мгновенно засуетилась, приподняла голову и даже хотела вскочить с места, словно выискивая кого-то, но Дьюк приобнял её за талию и прижал к себе, заставляя сидеть на месте. Ещё не хватало, чтобы враг заподозрил неладное.

— Веди себя естественно, — тихо предупредил он. — Успокойся. Это может быть кто-то из твоих?

— Нет... Я не знаю.

Дьюк осмотрелся. Среди этого бесчисленного множества людей, врагом мог быть кто угодно.

— Это все твои? — спросил он.

— Да. Дориан лично явился на помощь, захватив половину общины. Они пришли почти сразу, после того, как твои помогли мне отбиться.

Он хотел встать с места и отправиться на поиски, но Камилла не дала уйти, обняла и тихо прошептала:

— Я рассказала твоим друзьям про управителя. Они задавали вопросы. Они знают.

Дьюк оставил её одну и решил пройтись, а заодно и оглядеться. Ничего необычного не происходило. Все занимались своим делом: расставляли палатки для ночлега, ходили и наблюдали, кто-то стоял в стороне и ни с кем не разговаривал, кто общался. Несколько человек стояли неподалеку от тела Лиры и о чем-то беседовали.

Божко иногда любил говорить, что своих врагов нужно знать в лицо. Но это совсем не тот случай.

Зная процесс овладения чужим телом нирту, выбор жертвы не случаен. Во-первых, жертва должна оказаться в ситуации, позволяющей напасть, убить, спрятать тело и успеть переодеться. На это нужно время. Это человек, который ненадолго отделился от группы, остался один где-то в глухом месте, подальше от посторонних глаз. Во-вторых, жертвой мог стать любой человек в общине. Но гораздо проще быть тем, кто не играет важной роли в обществе, кто не выделяется из толпы. Тот, кто может вести себя в меру странно и при этом не вызывать подозрений.

А ещё нирту любят выжидать. Лжеуправитель ждал полгода, прежде чем прийти в Браго и оставить власть в своих руках, а старший советник запирался у себя в кабинете и подолгу не выходил. Старался как можно меньше общаться с другими людьми, и ждал, когда настанет его час. Значит, враг мог быть среди своих давно.

Среди друзей Дьюка это вряд ли кто-то мог быть. Дьюк готов поклясться, что после его ухода Божко, Вайн, Габор и Эделина не разделялись, такая бессмыслица не пришла бы им в голову. Да и зачем? Община должна держаться вместе — вот главное правило. Ночевать и перемещаться вместе, зарабатывать и разделять доход, помогать друг другу и присматривать друг за другом. Именно это помогало им оставаться на плаву и не влипать в неприятности.

Дьюк заметил в стороне своих друзей. Вайн, Габор и Эда стояли вместе и что-то оживленно обсуждали.

И тут к нему пришло озарение. Первый раз меч откликнулся в подземелье особняка, когда встретился заточенный за решетку воин из ордена Палеонесской розы. Лиру собирались убить и заменить в ту ночь. Выходит, что тот человек и был нирту? Дьюк не

хотел верить, что мысли пришедшие в голову правдивы. Ведь после того, как собратья обнаружили трупы, Божко пытался найти убийцу, того самого воина, с помощью дара блуждающего, а когда не смог, решил что он сбежал. Ещё тогда тревожные мысли не оставляли Дьюка в покое. Что-то не сходилось. Не мог тот человек просто убить столько людей и легко скрыться, не привлекая внимания. Да и не человек это был. Они ведь тогда ещё не знали, с чем столкнулись. Вероятно, в своей реальной, нечеловеческой форме, нирту сильнее, быстрее и опаснее, чем обычный человек и потому смог быстро расправиться с безоружными людьми, запертыми с ним в одной клетке.

Цель нирту была в том, чтобы добраться до Лиры. Зачем в таком случае вообще убегать? Если можно перевоплотиться в кого-то и выждать удобного момента для атаки? Дьюк сам так бы и поступил. И Божко не смог найти нирту в особняке, потому что тот его и не покидал. А использовал тело человека, который оказался с ним один на один на некоторое время. Того, кто отделился от группы, кто остался в скрытом от посторонних глаз месте, кто по неудачному стечению обстоятельств стал жертвой.

Дьюк тихо подошел ближе к своим, остановившись у них за спинами. Братья стояли с Эдой и наблюдали как Амелия склонилась над телом сестры.

— Вайн, что с тобой? — осторожно спросил Габор. — Все в порядке?

Тот в ответ грустно хмыкнул:

— Мы только что пережили очередной бой, без потерь, хвала Малеону. Но госпожу Лиру уже ничто не вернет.

Должно быть, кто-то из них и есть враг. Но кто в ту злополучную ночь зашел в темницу особняка в одиночку, отделившись от общины, и встретился с нирту лицом к лицу? Дьюк не хотел признавать, но уже знал ответ. Он помнил все в подробностях.

Скорее всего у нирту был ключ от клетки. Лиру должны были отвести к нему под каким-либо предлогом. Он бы вырвался, убил её и спокойно перевоплотился. Все пошло не по плану, потому что община Божко ворвалась в особняк. А после того как к нирту запустили других людей, у него появилась возможность. Свидетелей пришлось убить. Всех. Чтобы никто не узнал о нирту и на что он способен. Он убил кого-то из общины, перевоплотился, переоделся в одежды и без труда спрятал нагое тело, зарыв его под мертвых обитателей особняка. Среди тех трупов в том подвале лежит тело друга Дьюка.

— Посмотри на старика, — обратился Вайн к брату, показывая взглядом на Божко. — Мы опоздали, не смогли спасти госпожу Лиру, и теперь он будет винить себя в этом. Не простит никогда. Он же дал слово Норберту...

— В этом нет нашей вины, — уверенно оправдалась Эделина, перебивая лекаря. — Мы и так рискуем тем, что приперлись в центральную провинцию.

Дьюку раньше в голову не приходило, что, вероятно, Нирту после убийства и обращения в новое тело, получает часть воспоминаний жертвы. Из-за чего прикинуться своим практически сразу не составляет особого труда.

— Да что с тобой такое, Эда? — недоуменно спросил Вайн. — После ухода Дьюка ты стала какая-то подавленная. Слово из тебя не вытянешь. А теперь, снова оживилась?

Дьюк стоял, превратившись в слух. Не шевелился, чтобы не прерывать разговор. Эделина в ответ ополчилась в своей привычной манере:

— Если ты не переживал за Дьюка, то это не значит, что я тоже! Я вообще-то волновалась.

— Не сомневаюсь, — с усмешкой ответил Габор.

Дьюк заметил, как Божко направился в их сторону. Амелия встала в стороне от всех, видимо решив побыть наедине с мыслями о смерти сестры.

— Пойду, пожалуй, принесу госпоже Амелии свои соболезнования, — решил Вайн.

— Нет, лучше, я пойду, — настояла Эда и, не дожидаясь ответа, удалилась.

Дьюк осторожно направился следом. Нирту теперь знает, что их существование раскрыто. Камилла рассказала про управителя. А что бы в таком случае сделал сам Дьюк, будь он на месте врага? При первой же возможности, попытался скрыться, чтобы не быть пойманным. А заодно убил бы Амелию — единственного человека, способного претендовать на престол дяди Грейнора.

Амелия действительно решила побыть одна, в стороне от всех и даже поглядывала на лес. Но уходить куда-то далеко было слишком опасно. Камилла все время за ней наблюдала и, увидев Эделину, насторожилась. Дьюк подал ей знак оставаться на месте, не делать резких движений.

Эда подошла уверенно, даже не оборачивалась. Приблизилась к своей жертве, поклонилась и бездушно произнесла:

— Соблезную вашей утрате, госпожа.

Амелия только сейчас увидела, что к ней кто-то обратился. Эделина была ей незнакома.

— Вы кто?

— Одна из тех, кто пытался спасти Вашу сестру. К нашему великому сожалению, мы опоздали.

Дьюк тихо подошел врагу за спину, стараясь не шуметь, и при этом медленно обнажил оружие. Меч откликнулся, и даже показалось, слегка завибрировал в руке.

— Наша жизнь так непредсказуема, госпожа, — тихо произнесла Эделина. — Никогда не знаешь, будет ли безопасен завтрашний день. Продолжится ли жизнь, или же оборвется.

Амелия запаниковала, понимая, что что-то не так. И начала оглядываться по сторонам. Она увидела Дьюка, который медленно подкрадывался все ближе и приложил палец к губам, показывая, что шуметь не надо.

— Я вас не понимаю, — пролепетала она.

Откуда-то из-под пояса Эделина резко достала нож. Времени на раздумья не было. Дьюк быстро сократил расстояние и наотмашь рубанул в область шеи. Меч обагрился кровью и засиял синим светом. Удар получился удивительно точным. Тело врага рухнуло на землю.

Дьюк посмотрел на лежащую на земле Эделину, тело которой прямо на глазах затряслось и начало преобразовываться в нечто ужасное, мерзкое, человекоподобное. Не смотря на возникшую суету вокруг и сбежавшихся на крики Амелии людей, Дьюк не мог пошевелиться. Он все стоял и смотрел на существо, только что притворявшееся другом.

Глава 25. Регент

Камилла была опустошена. Казалось, будто все, что она делала последние дни в Браго, неизбежно вели к моменту безвозвратно погубленной жизни. Совсем недавно она почти смирилась, что и сама умрет от рук Малеонского ордена. Только желание жить заставило искать спасение.

Камилла уже и забыла каково это, терять близких. Забыла чувство опустошенности и бессилие, разрывающие душу изнутри. Воспоминания о погибших родителях замелькали в голове, словно картины. В день их смерти, Камиллы не было рядом и им не суждено было попрощаться.

Несколько солдат из её общины с опаской несли тело нирту на середину поляны. Внимание всех присутствующих было приковано к этому существу, люди столпились вокруг, недоуменно переглядывались и перешептывались. Кто-то даже с опаской попытался потрогать чешуйчатую плоть.

Камилла увидела, как Дориан приблизился к ней быстрыми шагами, по пути поглядывая на нирту.

— Что расселась? — грубо спросил глава общины. — Вставай, у нас много дел.

Камилла посмотрела на него снизу вверх, продолжая сидеть на поваленном дереве. Взгляд, наполненный негодованием, он сразу же разглядел, только не пошевелил и бровью. Камилле захотелось сорваться, но она, как обычно, сдержалась.

— Ты не предупреждал меня о таком, — тихо проговорила Камилла. — Когда отправлял туда. Не говорил, что все так будет.

— Ты так мне и не сказала, — напомнил он. — Откуда взялись эти твари?

— Сам не видишь? — Камилла кивнула головой в сторону тела девушки и лежащего рядом нирту. — Североземцы захватили власть с их помощью и убили Лиру. Уже и на троне в центральной провинции сидят.

— Вот хрень, — выругался Дориан. — Я видел нирту очень давно и эти эксперименты не были удачными.

Его как будто бы осенило. Он начал искать кого-то глазами, а затем увидел Дьюка, разговаривающего со стариком из своей общины. И уверенно направился в его сторону. Камилла вскочила и пошла за ним.

— Что тебе нужно от него? — бросила она в спину, но Дориан даже не обернулся.

Дьюк сидел на земле, облокотившись спиной о толстый дуб, а Божко, стоял рядом. Дориан их несколько не смутил, хотя старик и бросил на незнакомца сомневающийся взгляд.

— Кто ты такой, парень? — спросил Дориан, обращаясь к Дьюку.

Тот немного задумался, не поняв вопроса. А затем пожал плечами и холодно ответил:

— Я — Дьюк.

— Я спросил не твое имя, а кто ты.

На защиту встал старик:

— Он только что убил близкую подругу, оставь его в покое.

— Сейчас куда важнее думать о живых, чем о мертвых, — ответил Дориан и вновь переключился на парня: — Ты знаешь, чей у тебя меч?

— Знаю, — безучастно ответил Дьюк. — Меч врага.

— Это не просто меч врага, — поправил Дориан. — А оружие, выкованное в стальных землях и заговоренное специальным ритуалом в особое положение планет, который не часто случается. Глифы откликаются не каждому, кто возьмет оружие в руки. Вот почему ни ртуру этого так боятся. То сияние меча, вызванное тобой, означает кое-что важное.

Дьюк посмотрел на Дориана снизу вверх, все ещё не вставая с земли. Посмотрел с недоверием и задумался, прокручивая в голове воспоминания, связанные с мечом. Как сильно меч желал вырваться из ножен. Как все в этом мире взаимосвязано тонкими нитями судьбы, невидимыми для обычных людей.

— И что оно означает? — наконец спросил он.

Дориан хмыкнул.

— Не знаешь? Парень, ты благословлённый.

Наступила тишина. Вокруг никто не проронил ни слова, хоть и большинство присутствующих уже давно собрались вокруг и слушали разговор. И даже Амелия подошла ближе. Дьюк, наконец, встал с земли и с некоторым непониманием взглянул на Дориана.

Божко внимательно посмотрел на собеседника.

— Не верь его слову, Дьюк, — предупредил он.

На помощь другу подоспел Велимир, который, впрочем не спешил вступать в разговор. Старик, что три года назад приютил Камиллу, дал кров и крышу над головой, теперь с интересом смотрел на Дьюка и Божко, взгляд которого сразу упал на кисти рук Велимира. Камилла присмотрелась и разглядела, что из-под его рукава виднеется стебель розы, обвивающий лезвие кинжала. Татуировка ордена Палеонесской розы — нехороший знак для тех, кто его встречает.

— Не стоит судить предвзято, — спокойно отреагировал Велимир, поняв, в чем дело. — Когда-то орден Палеонесской розы был образцом добродетели и порядка. Да и вы, как я погляжу, изгнанники.

Вайн и Габор норовили вступить за Божко и подошли чуть ближе. Но прежде чем кто-либо ещё успел хоть что-то сказать, Дьюк с недоумением взорвался:

— Да что такого в том, что я благословлённый? И с чего вы вообще это взяли? Сейчас важно только то, что в Браго остался ни ртуру, и он взял под контроль провинцию. Это вы хотели спасти Лиру, верно? Так вот, она мертва. Лежит там, на земле, и все, что осталось от рода Рокстерли, это Амелия. А шпионы североземцев тайно проникли Гальрад и...

— Пойми, парень, ты можешь убить ни ртуру в человеческом облики именно потому, что ты благословлённый, — перебил Дориан, — Они боятся силы, с помощью которой наши враги на севере их создали и приручили. А ещё боятся глифowego оружия. С помощью обычного можно лишь умертвить человеческое тело. Ни ртуру — это сущность, заключенная внутри него. Они имеют собственное тело, но только глифовой оружие способно убить их вместе с человеческой оболочкой.

— И откуда у вас такие познания? — встрял в разговор Вайн.

Дориан лишь отмахнулся:

— Это долгая история.

Камилла уже не выдержала, желая перейти к сути дела:

— Лучше скажи, что нам теперь делать?

— Валить отсюда нахрен, например! — огрызнулся глава. — Теперь неизвестно, когда малеонщики поймут, что их люди мертвы и начнут рыскать по всему лесу. Тем более, когда узнают, что ваша Амелия все ещё жива. Надо думать, что на неё объявили охоту, иначе зачем

вам было бежать?

Но, старик Божко воспротивился:

— Вообще-то есть план получше. Нам нужно сесть и обсудить. Всем вместе.

Велимир одобрительно кивнул, поддерживая эту идею. Дориан обернулся и посмотрел на лагерь, который успели разбить его люди. Повсюду стояли переносные палатки для ночлега. Посередине поляны поставили несколько пней, на которых можно сидеть. А кто-то из молодых готовился к ночному патрулю. Это было хорошее место, чтобы держать оборону. По крайней мере все это было временно, Дориан не собирался задерживаться здесь надолго.

— Ладно, — согласился он. — Пошли, обсудим план действий.

Мужчины все как один собрались и пошли в центр лагеря. Камилла решила, что следовало бы держать Амелию рядом, чтобы не натворила дел и не уходила далеко от безопасного места.

Младшая стояла и вероятно размышляла над тем, что, что осталась одна из целого рода. И то совсем недавно была на волосок от смерти. Камилла привыкла видеть девочку полной энергии и воли к жизни. А сейчас ей не было дело ни до этих разговоров, ни до разборок. Камилла встала рядом, а Амелия молча посмотрела на неё. В воздухе застыл вопрос, который она хотела задать.

Камилла решила сказать сама:

— Я пыталась её спасти.

Амелия вздохнула.

— Я знаю. Как она умерла?

— Её убил капитан Малеонского ордена.

Камилла умолчала о том, что смерть не была моментальной. Хотелось рассказать все как было, но она не позволила себе этого. Чтобы не делать Амелии больно. И вместо этого решила пообещать:

— Мы найдем способ все вернуть и убьем твоего дядю. Не отдадим власть над провинцией.

— Я уже говорила, что смогу править только через два года? Пока я несовершеннолетняя, нужен регент. Даже если мы вернем власть, должен быть тот, кто будет сидеть на троне и править до моего совершеннолетия. Это не обязательно должен быть родственник.

— Ладно, сможешь выбрать того старика, например, — Камилла пожала плечами, указывая взглядом на Божко. — Раз хорошо его знаешь.

— Да, я доверяю дяде Божко, — призналась Амелия. — Сколько себя помню, он был в хороших отношениях с отцом. И нянчился со мной в детстве. И Лирой... Он замечательный. Только он не политик, а магистр ордена. Да и сам вряд ли согласится на такое. К тому же, я уже сделала выбор.

— Сделала выбор?

— Да. Если мы вернем замок, хочу, чтобы ты стала моим регентом.

Камилла застыла на месте, пытаясь осознать, что услышала только что. Она не может править! Обычная девочка из семьи простолюдинов земледельцев, которой просто повезло не умереть несколько раз в жизни. А тут центральная провинция огромного государства.

Некоторое время Амелия наблюдала за реакцией, а затем пояснила:

— Конечно, все не так просто. Поскольку родственников у меня больше нет, регента выберет совет старейшин. И император должен лично его утвердить. Но, если мы расскажем,

что произошло, он позволит тебе представлять интересы центральной провинции, я уверена. И предоставит доверенных людей, которые смогут должным образом всему тебя обучить. А совет прислушается к его мнению.

Поразмыслив немного, она решила напомнить:

— Кажется, мы это уже обсуждали?

— Помню, — усмехнулась Камилла, вспомнив давний разговор. — Хочешь выбрать того, кто меньше всего для этого подходит?

— Нет. Хочу выбрать того, кому смогу это доверить.

Камилла повернулась и увидела, как Дориан, Велимир, Божко и Дбюк оживленно что-то обсуждают. Похоже, у них появился общий конкретный план.

Глава 26. Благословлённый не может умереть

Дьюк наблюдал за тем, как старик Божко, Вайн и Габор и люди из ордена Камиллы собрались вместе. Но мысленно он был не здесь, не на поляне посреди Гальрадского леса. А далеко в прошлом, в тех днях, когда он жил в доме с родителями.

Мама всегда старалась устроить уют и теплоту, а отец пропадал, не бывая дома. Днём работал в поле, а иногда отправлялся на несколько дней в западную провинцию на подработку. Когда Дьюку было пятнадцать, зашел разговор о грядущих планах отца отправиться в Саргос с сыном и показать столицу. В те дни Дьюк грезил увидеть город и чуть ли не при каждой возможности упрасивал отца взять его с собой. Они запланировали сделать это ближе ко дню совершеннолетия. Дьюк тогда признался, что пока ещё не знает, кем хочет стать — пойти по стопам отца и быть земледельцем или найти своё призвание в чем-то другом. Может быть, стать воином и выслужиться в каком-нибудь ордене.

Ответ отца удивил Дьюка и запомнился на всю жизнь. *Ты ещё пока не понимаешь, но в этом мире все пути открыты перед тобой, все двери распахнуты. Ты можешь стать кем захочешь и когда захочешь, судьба всегда будет благоволить в начинаниях. Поэтому, не разменивайся по мелочам. Бери от этого мира все, что он может тебе предложить. Бери до последней капли крови, до последней монеты, до последнего куска власти.*

— ...здесь. Вы служили в ордене при императоре Норберте?

Вопрос Велимира заставил Дьюка отвлечься от воспоминаний и увидеть, что взгляды всех присутствующих были прикованы к Божко.

— Не совсем. Я управлял орденом, что служил при императоре Норберте.

Дориан в очередной раз усмехнулся:

— Вы магистр падшего ордена Альстеир? Позвольте спросить, если вы хорошо общались с одним из самых могущественных политиков на континенте, как получилось, что вы и ваши друзья оказались изгнанниками, блуждающими по лесу?

— Это долгая история.

В ответ на это Дориан лишь спросил у Дьюка:

— Парень, а ты что скажешь?

Дьюк застыл. Теперь все уставились на него. Но его волновал совсем другой вопрос:

— Я все думаю о том, что я благословлённый.

Божко вздохнул, услышав подобное.

— Видишь ли, благословлённые, ведь, прямые потомки правителя Малеона, — сказал старик Велимир. — Который с помощью знаний древних наложил на свой род знак благословления судьбы. А затем унес знания об этом и многом другом с собой в могилу. Тем не менее таким людям во всем благоволит судьба.

— И дары, на них не действуют, — продолжил Божко. — По крайней мере, так говорят.

— Вы совершенно правы, — подтвердил Велимир. — Дары не действуют, по крайней мере, не всегда. Если использовать против них дары со злым умыслом, они могут не сработать. Но самое главное, считается, что благословленного невозможно убить. Не отравить, не победить в бою. Он умирает только естественной смертью. В истории есть исключения. Но, только другой благословлённый может убить себе подобного.

Дьюк молчал, не зная, что на это ответить.

Он осознал, его отец Элиас Альбер — благословлённый. Человек, который знал о своей

природе и который хотел передать это знание. Он подготавливал Дьюка для будущей поездки в столицу. Вероятно, именно там отец хотел что-то показать, рассказать о природе благословленного и знаке благословения. Родители не всегда жили в деревне и занимались земледелием. Отец вскользь упоминал, что его отец был богатым торговцем. Но он ушел из семьи, оставив наследство, и обосновался на севере Гальрада.

— Дьюк, это непросто принять, — с сочувствием в голосе сказал Божко. — Столько всего произошло за последнее время.

— Благодаря знаку судьбы, все в этом мире стремиться помочь благословленному выжить и достичь его цели, — добавил Дориан.

Услышав это, Дьюк признался:

— Несколько раз лес помогал найти правильную дорогу, будто указывал, куда идти.

— Лес? — переспросил Дориан. — Все в этом мире помогает найти тебе правильный путь и будет стремиться тебя защитить. Это сама вселенная. А во вселенной все взаимосвязано.

Камилла отошедшая, чтобы найти Амелию, вернулась и с нетерпением спросила:

— Так у вас есть план или нет?

— Есть, — ответил за всех Божко. — Только для начала кому-то из вас нужно рассказать поподробней, что произошло в Браго? Помимо того, что вы убили одну из тех тварей.

— Я остался там, чтобы помочь Камилле предотвратить гибель Лиры, — пояснил Дьюк. — Сначала мы не знали, кто стоит за покушением на неё, но затем натолкнулись на нирту. И убили одного из них. Это был старший советник управителя. А потом догадались, что самого управителя тоже давно подменили.

— Так ты уже убивал одного из них? — почему-то удивился Дориан. — То есть, это не первый?

— Да, но мы все равно не знаем, сколько их.

— Вообще-то знаем, — уверенно ответил Дориан. — Их должно быть трое.

Дьюк задумался. Первый — старший советник, которого он и Камилла успешно убили, второй — Эделина, которая хотела обратиться Амелией, теперь тоже мертв. Остался только управитель. Последний и единственный.

— А почему вы так уверены? — спросил Божко.

Дориан принялся объяснять:

— Три — это их священное число. А числа в культуре древних всегда имели весомое значение. Три воинских устоя, император избирается раз в три года, деление на три провинции. Откуда в Гальраде все это взялось, как считаете? Из Палеонесса, конечно, где особую важность придают изучению всего, что осталось от древних. А там высоко ценят этот символизм, особенно в числах. Конечно, сказать наверняка, что их трое, я не могу. Но, если больше, есть смысл отправить остальных куда-то в другое место. Например, в западную провинцию, напрямик к самому императору.

— Хорошо, значит, остался только один, — согласился Божко. — Итак, ещё раз на счет плана. Под Браго есть сеть подземных коммуникаций и туннель, ведущий из замка далеко за пределы. Это на случай побега во время длительной осады. Им ещё ни разу...

— Подождите-ка! — воскликнула Амелия. — Я никогда не слышала об этом тоннеле.

— Да, не слышала, — спокойно ответил Божко. — Потому что о нём и раньше знал только ограниченный круг лиц. Что касается членов семьи Рокстерли, то их посвящали в

день совершеннолетия. Или в день престолонаследия. Так мне говорил твой отец, а он, как ты помнишь, чтит традиции. Только сейчас все, кто был посвящен в тайну о существовании этой дороги, мертвы. Кроме меня, разумеется. Замок никто не осаждал и даже Оливия не знала, про ключ, который я хранил все эти годы. Вот как мы проникнем в Браго и убьем управителя.

— Ну, звучит несложно, — прокомментировал Велимир. — Скоро стемнеет. И лучшее время для такого похода ночь.

Добавить к этому было нечего. Велимир решил предложить:

— Пока не ушли, давайте предадим тела земле.

Дориан приказал своим взять лопаты и выкопать могилы. Его люди работали молча и слаженно, никто не отвлекался. Для Лиры Рокстерли выбрали отдельное место, вдали от других. Небольшая поляна, окруженная деревьями и кустами. Здесь её тело останется, а душа найдет дорогу к родителям. В место на краю мира, где кончается вселенная, и начинается Саамир — последнее пристанище умерших душ.

Смотря на то, как копают землю, Дьюк задумался о том, что на самом деле сотворила судьба. Та самая, благословившая все его намерения. В детстве Дьюк тайно от всех хотел стать воином. Потом хотел верить, что Камилла жива. Желал дать бой североземцам, отнявшим мать. Все, что Дьюк на самом деле желал, он всегда получал. Вот только никто не вернет маму и родителей Камиллы, никто не вернет Лиру и Авистию. Судьба этого не умеет. Сколько хочешь стремись, не может она вернуть мертвых обратно в этот бранный мир.

Тело уложили в могилу и наступило время прощания. Все, кто знали Лиру, молча окружили могилу. Казалось, будто и птицы перестали летать и замолкли. Божко аккуратно положил возле тела несколько ломтей хлеба. Согласно поверьям, чтобы душа добрался до Саамира, нужно положить в могилу немного еды, а тело желательно захоронить рядом с родственниками. Когда могилу начали закапывать, никто не желал нарушать тишину.

Только после завершения ритуала, Дориан начал шепотом переговариваться с Камиллой, а Амелия села на поваленное дерево в стороне от всех и уставилась в землю. Божко присел рядом с ней, и некоторое время молчал, будто просто решил отдохнуть. Затем сказал:

— Не думал, что доживу до этого момента.

Дьюк подошел поближе и встал рядом, понимая, что встречать не стоит и сейчас обоим предстоит непростой разговор. Наверняка старику многое хотелось сказать девочке о том, как жаль Лиру, о том, что он не успокоится, пока не убьет того, кто это сделал, о том, что вина за гибель будущей управительницы лежит на нём. И это было бы искренне. Но Божко не хотел ранить словами ещё больше.

Амелия знала старика с младенчества но, казалось, не замечала той боли в его глазах, которую так отчетливо видел Дьюк.

— Почему ты бросил нас? — она неожиданно нарушила молчание.

Божко усмехнулся и вздохнул. Верно, это тот самый вопрос, который он ждал.

— Всегда было интересно, что Оливия вам сказала, — ответил старик. — Что придумала, чтобы очернить меня в ваших глазах.

— Мама не хотела ничего объяснять, — честно ответила Амелия. — Хоть мы и спрашивали.

Старик на секунду задумался. А затем решил объясниться:

— Видела бы ты, как Оливия просила меня остановить Норберта защищать северную

провинцию, — он вздохнул и качнул головой, предаваясь воспоминаниям. — Всюду ходила за мной, злилась, срывалась. Я был с ней согласен и считал, что твоему отцу лучше оставаться в замке, под надежной защитой. И честно попытался отговорить от похода. Но я не мог повлиять на него, потому что Норберт был упрям, да и к тому же он был императором, а я лишь магистром. Император делает то, что считает правильным и принимает решения сам.

— Я тоже просила папу не уходить, — призналась Амелия. — Плохое предчувствие не оставляло меня.

— В ту ночь, перед битвой Норберт попросил меня кое о чём. Он сказал: «Если со мной что-то случится, позаботься о моих девочках». Тогда-то мной и завладел страх. Я понимал тогда, что Норберт говорит серьезно и дал слово, что сделаю это во что бы то ни стало. А вскоре, после удачной защиты северной провинции, он заболел. Больше мы с ним о вас не говорили, однако, думаю, он знал, что конец близок. Оливия изгнала меня сразу же, как появилась такая возможность. Честно говоря, я ей никогда не нравился.

Амелия смотрела на Божко с пониманием. Даже после изгнания он не забыл обещание, которое дал Норберту. И сожалел лишь о том, что не мог его исполнить. Как предполагал Дьюк, в глубине души Божко к Оливии никакой ненависти никогда не испытывал.

— Я слишком долгое время жил в вашем доме и нерушимая связь с вами все ещё существует. Когда Лире начала угрожать опасность, я это почувствовал и смог понять где она. Это одна из редких особенностей дара, — вздохнув, сказал Божко. — Но я опоздал и не смогу простить себя за это.

— И что теперь будет? — тихо спросила Амелия.

Божко был краток:

— Рассказывай, где в замке отыскать этого нирту. Мы убьём управителя и вернём наш дом.

Глава 27. Стылые земли

Начало темнеть. Дьюк почувствовал ночную прохладу и понял, что пора торопиться, узнать ответы на все вопросы, прежде чем встретиться с врагом лицом к лицу.

— Откуда вы знаете про этих нирту? — спросил он Дориана.

— Я жил на севере некоторое время.

— Что, прямо там и жили? — удивился Божко. — До северной смуты мы считали, что в стылых землях попросту нет жизни. Как вы там оказались?

Дориан вздохнул:

— Когда-то давно император Норберт собирал добровольцев исследовать эти земли. Сильный холод, мало еды, суровый климат никогда не давали вольным исследователям особых возможностей. Даже если кто-то и пытался, то возвращался ни с чем. Возможно, поэтому император решил, что должен лично отобрать кандидатов.

— Чушь какая-то. Не было такого, — усомнился Вайн и вопросительно посмотрел на Божко. — Правда ведь?

Но старик не спешил что-либо подтверждать. Внимательно посмотрев на Дориана, он спросил:

— Ты оказался в числе тех, кто прошел отбор?

— Да, оказался. Не поймите неправильно, я пошел на это не ради императора или государства. Мне было плевать на то и другое. Нам пообещали хорошую награду по возвращению и обеспечить семьи в наше отсутствие. Император искал источники знаний, храмы древних, письмена, идолы. Но, оказалось, что на севере жили люди. Много воинственных племен, в снегах и вечной мерзлоте. Со своей культурой, языком и обычаями. Воюющие друг с другом.

Камилла и Амелия сели неподалеку и слушали с интересом. Дориан продолжил:

— Была там одна девушка, которую северные племена почитают чуть ли не как святую. Когда я попал туда, благодаря её влиянию, меня вежливо попросили остаться. А остальных исследователей, с кем я проделал долгий путь, убили. Так я задержался там на долгих пять лет. Поначалу я был нужен им только чтобы собрать информацию о наших плодородных землях, быте и армии. В Гальраде никто не должен был знать, о том, что в стылых землях живут люди. Они так хотели и боялись, что будут другие исследователи. Но за следующие пять лет никто так и не пришел.

— А как ты сбежал? — спросил Камилла.

— Благодаря смекалке, силе и невероятному везению, конечно же, — уклончиво ответил Дориан. — Заодно прихватив глифовый меч. Я сразу отправился в Браго, чтобы предупредить императора об угрозе. Североземцы знали многое о землях Гальрада и я понимал, что набег на северную провинцию был вопросом времени. Но, стражники у ворот замка просто отказались меня пропускать. Они вообще не понимали, кто я такой. Решили, что сошел с ума или попросту вру, пытаюсь добиться аудиенции. А когда я вернулся домой, незадолго до нападения североземцев на Гальрад, обнаружил, что моя жена вышла замуж за другого, посчитав меня погибшим. Так что некоторое время я пробыл в Гальраде, пытался обосноваться, пристроиться куда-то, но все тщетно. И затем направился в леса западной...

— Простите, — на эмоциях перебила Амелия, — То, что вы рассказываете, просто не может быть. Если мой отец отправил вас на север с другими исследователями, то значит и

ждал обратно. Не могло же быть все так! Тем более, вы знали и о предстоящем вторжении североземцев и просто обязаны были предупредить.

Дориан развел руками:

— Но все так. Может, надо было тщательней выбирать стражников у ворот? Эти простолюдинов-то в замок вообще не пускали и даже не посчитали нужным сообщить начальнику охраны или советнику, просто решили прогнать меня взащей. Конечно, в глубине души я надеялся, что североземцы не буду нападать, ведь до конца я был в этом не уверен. Они не посвящали меня в свои планы.

— Так что насчет нирту? — напомнил Дьюк.

— Ах, да, это. Древние оставили много знаний. Император Малеон их частично расшифровал и получил доступ к такому могуществу, которое никому не снилось. Дары — это все лишь малая часть. По крайней мере, на севере об этом знают. Древние писали о множестве вещей, в том числе и о бессмертии. Так вот нирту — это некая искаженная форма. Когда я жил в стылых землях, то краем глаза видел, как пытаются создать этих тварей. Я не знал зачем, да и ничего у них путного не выходило. Обращенные люди в облике нирту теряли рассудок и набрасывались на первого встречного. Но я запомнил этих страшных человекоподобных существ. Только теперь я понимаю, зачем они были нужны. Они не живут вечно. Однозначно могут продержаться дольше людей, но рано или поздно нирту умирают.

Некоторое время Дориан обдумывал, продолжать ли рассказывать. Что-то важное он ещё хотел сказать. И Дьюк, у которого сразу же возникло много вопросов, не спешил. Ждал, позволит ли себе Дориан выговориться.

— Я слышал о бессмертии, — подал голос Божко. — Среди знати одно время ходили слухи.

Все вокруг затихли. Но, кажется, Божко попал в самую точку.

— Слухи, может и ходили. Но, мне точно не известно, — пояснил Дориан. — Та девушка, благословленная, живет уже очень долгое время. И владеет всеми семью дарами.

— Не может быть, — вмешался Вайн, — За целую жизнь невозможно овладеть всеми дарами.

Дориан согласился.

— Ты правильно сказал — за целую жизнь. Мы не общались как близкие друзья. Я фактически был принудительным гостем из вражеского государства и меня не спешили посвящать в какие-то тайны. Но я видел, как её почитали, словно Святую. Используя влияние, она смогла объединить враждующие кланы северных земель и стать их лидером. Возможно, она и есть тот человек, который нашел способ обрести бессмертие.

Дьюк задумался. За этим нападением североземцев стоит конкретный человек, отдавший приказ. Возможно самый могущественный на континенте. Для кого-то святая, а для Дьюка — просто враг, заслуживающий смерти.

— Нам пора собираться, — напомнил Божко. — Путь предстоит неблизкий.

Камилла аккуратно поправила меч на поясе и отряхнула одежду от прилипших листьев. Сменная одежда и вещи вместе с деньгами остались в Браго. Украдкой она посматривала на Дьюка, который продолжал что-то обсуждать с Божко. Девичья рука схватила Камиллу, привлекая внимание.

— Ты тоже пойдешь? — тихим голосом испугано спросила Амелия.

Пытаясь не выдавать волнение в голосе, Камилла с усмешкой ответила:

— Что же это за регент, который не хочет отбить собственный замок?

— Но ты ведь можешь остаться, — настаивала девочка.

Бывшая воспитательница ничего не ответила. Амелия все поняла и не стала спорить. Но потребовала:

— Обещай, что вернешься!

Камилла опустилась на колени, чтобы быть ближе к девочке

— Я вернусь, — уверенно ответила Камилла.

Амелия кивнула, затем услышала, как позвал Божко, и удалилась, кинув последний взгляд на свою воспитательницу.

Камилла пробежалась глазами вокруг и нашла управителя своей общины. Дориан, ходил и раздавал своим указания, попутно собираясь с остальными в Браго, но натолкнулся на осуждающий взгляд Камиллы.

— В замке, поди, лучше условия были, чем у нас? — спросил Дориан.

— Амелия собирается сделать меня своим регентом.

На секунду Дориан впал в ступор и даже остановился. Но довольно быстро совладал с собой и отшутился:

— Я бы даже поздравил. Но пока не с чем.

Камилла пропустила колкость мимо ушей.

— Послушай, я хочу, чтобы ты приглядел за ней, пока меня не будет.

Дориан отмахнулся.

— Ребята присмотрят. Целая толпа вооруженных солдат. Уж как-нибудь, да справятся.

Он уже сделал несколько шагов вперед, но Камилла перегородила путь, скрестив руки на груди. А Дориан и на этот раз не воспринял всерьез:

— Ну, что опять не так, Ваше превосходительство?

— Этого только не надо, — вздохнула Камилла. — Сам же понимаешь, что если там с тобой что-то случится, нам не победить североземцев. Ты слишком много знаешь о них и важен для всех нас. Поэтому я прошу тебя остаться.

Дориан намеревался грубо закончить этот разговор, но Велимир перебил друга:

— Я без тебя решу, что...

— Вообще-то она права. А вот я пойду, мне же можно, правда? — он весело подмигнул Камилле, намекая, что они заодно. — К тому же лучше меня блуждающего во всем Гальраде не найти.

Пока возникла небольшая заминка, Дьюк, услышав часть разговора, тоже решил поддержать:

— Камилла права. И я хотел бы, чтобы вы рассказали все, что знаете о благословленной на севере и её планах. После того, как убьем управителя.

— И зачем тебе это?

— Потому что мы собираемся её убить.

На секунду все вокруг замолчали, прислушиваясь. Заявление Дьюка приняли с опаской. Но тишину внезапно прорезало возмущение Дориана.

— Убить? — усмехаясь, спросил он. — Ты ещё не понял, парень? Она гораздо сильнее нас.

— Вместе мы справимся, — настаивал Дьюк.

— Вам необходимо переместить лагерь в другую часть леса, подальше, — посоветовал Божко.

— И вообще, ты подумал, что будет, если мы не вернемся? — с укором спросила Камилла. — Если больше не встретимся? Тогда ты забереешь Амелию и уйдешь в леса, затем обратно в западную провинцию. Укроетесь в безопасном месте, подальше от Малеонского ордена. И будешь её оберегать. А когда все закончится, Велимир найдет тебя с помощью дара блуждающего и призовет, как Божко сделал с Дьюком.

— Отличный план, — иронично отозвался Дориан. — Мне очень нравится.

Амелия с неуверенностью взглянула на Дориана. И будто готова была сама убежать куда подальше, лишь бы не идти с ним в западную провинцию. Дориан все же принял опасения всерьез и присел на пенек.

Габор, похоже, никуда не торопился. Заметив Дьюка, он махнул рукой, подзывая к себе. Вайн осмотрел лезвие меча и в очередной раз протер лезвие старой тряпкой.

— Глава велел мне остаться. В коридорах замка я не особо силен да и вас буду замедлять, — пояснил Габор Дьюку. — Подожду здесь.

— Верно и, кажется, община вновь разделяется, — грустно усмехнулся Божко.

— Вы уж не оставляйте меня насовсем, — предупредил Габор. — А то я со скуки помру.

— Куда же я без брата? — поддержал Вайн. — Не переживай. Мы вернемся.

Некоторое время они все молчали. Дьюк хотел сказать о том, как ему жаль, что все так сложилось. Столько смертей за один день.

— Это я не доглядел, — обвинил себя Божко. — Надо было...

Но Вайн его перебил:

— Нет, мы все виноваты. Эда вела себя странно после ухода Дьюка. Но о том, что это какое-то существо я и помыслить не мог. Не вини себя. Мы все просмотрели.

— Да, главное, что вы живы, — сказал Дьюк. — Ведь она могла убить вас!

— Ты прав. Я был уверен, что Грейнор попытается разыскать меня после смерти Оливии, — признался Божко. — Теперь понятно, почему он не стал этого делать. Ведь, Грейнора уже давно нет в живых. Натворил он бед, ничего не скажешь.

Дьюк положил руку старику на плечо.

— Ещё не поздно всё исправить.

Глава 28. Тайные ходы императора Норберта

Дьюк следовал позади Божко и Велимира. Старики шли довольно быстро и во всю вели безмятежный разговор:

— ...а я в своё время пытался выучиться на душегуба, — признался Божко. — Но потом отказался. Хотя возможности были. Благодаря связям из Палеонесса.

— Почему отказался? — поинтересовался Велимир.

Божко махнул рукой:

— Понял, что не по зубам, вот и все.

— Не осуждаю. Говорят, душегубами становятся, продав смерти душу. Людей с этим даром во всем мире по пальцам пересчитать. Не считая отряд Палеонесских дев под личным предводительством принца Освальда. Но что греха таить? Я бы не отказался уметь убивать человека одним прикосновением. Прямо вот так.

Дьюк увидел, как Велимир резко вытянул руку вперед, будто коснулся невидимого врага.

Слушая вполуха, Дьюк взглянул на Камиллу, которая молчала всю дорогу от лагеря. Просто шла рядом, не отставая ни на шаг. И время от времени порывалась что-то сказать, но оглядывалась на идущего позади Вайна и не решалась.

— А вы-то кем служили в ордене Палеонесской розы? — поинтересовался Божко.

— Я начинал с простого солдата, а через пять лет уже стал командовать...

Камилла все же решилась обратить на себя внимание и полупшепотом произнесла:

— Дьюк, давай поговорим? Амелия предложила мне...

— Да, я слышал.

Она вопросительно смотрела на Дьюка, ожидая какой-то реакции. Удивления, осуждения, понимания. Хоть чего-нибудь. Но Дьюк не привык показывать эмоции. Хотя в глубине души он одобрял решение Амелии. Если так подумать, кто ещё у неё есть, кроме Божко? Он взглянул на правую руку Камиллы, крепко перевязанную бинтом.

— Один из твоих друзей подлечил, — Камилла поймала его взгляд. — Кажется, его зовут Вайн.

— Да, сколько мы вместе путешествовали, он всегда нам помогал. И носил с собой много лекарств.

Камилла вздохнула, решив продолжить разговор:

— В детстве, мы и не мечтали о том, что будем жить в замке возле столицы, правда?

— Это точно, — задумчиво произнес Дьюк. — И ты хочешь принять предложение? Но ведь не из-за замка?

— Конечно, нет. Просто... Амелия одна наделает глупостей. И потом, мы обзаведемся связями и найдем способ разыскать твоего отца. Вот увидишь! Кто-нибудь хоть что-то, но должен знать о нем.

Камилла, конечно же, была права. Дьюк и сам думал над тем, чтобы остаться. Глупо было бы отправляться одному на поиски неизвестно куда. И потом в Браго останется Божко и община. Он не готов был с ними расстаться и пуститься в свободное плавание. Пока не готов.

— Осталось дело за малым, — согласился Дьюк. — Убить управителя. И пережить эту ночь.

— Слушай, все эти поверья про благословлённых, что они не могут умереть и все в таком духе... — Камилла обернулась посмотреть, не догоняет ли Вайн, но тот сильно отстал. — Ты же понимаешь, не все это правда? Про благословлённых много что выдумали в народе. Слухи разные ходили.

На этот раз Дьюк посмотрел на неё с некоторым удивлением.

— Просто не хочу, чтобы ты потерял голову, — пояснила Камилла.

— Забавно. Я хотел сказать тоже самое тебе, — признался Дьюк. — Меня-то может и нельзя убить. А тебя ещё как можно. Я не хочу больше никого потерять.

— Я обещала Амелии, что вернусь, — ответила Камилла. — И тебе обещаю. Мы переживем эту ночь.

Лес постепенно начал редеть, и вскоре они вышли на тропу. Совсем недалеко виднелась столица, а впереди возвышалась небольшая двухэтажная таверна. Божко уверенно повел компанию к входу.

Несмотря на ночное время суток, несколько человек сидели и выпивали. Дьюк привык, что подобные заведения, находящиеся на стыке нескольких деревень, закрываются с заходом солнца. Но этот трактир, как любой другой в центральной провинции, работал до последнего клиента. И на пятерых вошедших никто не обратил особого внимания. Божко уверенно направился к барной стойке и будто куда-то очень торопился, кратко сообщил:

— Нужно кое-что проверить в вашем подвале.

По ту сторону стойки взрослый, плечистый мужчина с густой бородой, в потрёпанной рубаше с сомнением оглядел компанию из пяти человек. Четверо мужчин и одна девушка. Если присмотреться, можно разглядеть свежие пятна крови, грязь, усталость и замотанность на лицах путников. Дьюк в этой компании походил на внука одного из стариков. Из-за своего невысокого роста и мальчишеских черт лица на вид ему давали всегда меньше, чем есть на самом деле. Да и одет в дорогие одежды, какие носят аристократы, только для случаев дальних походов. Со стороны их компания наверняка выглядела довольно нелепо.

Хозяин таверны некоторое время молча всматривался в лицо Божко.

— Я тебя помню, — внезапно признался он. — Думал, уж сгинул где-то. Сколько лет минуло с той поры, когда ты заходил последний раз?

— Три года, — кратко ответил Божко.

Трактирщик на мгновение ступешался.

— Три года, — задумчиво произнес он. — Как быстро летит время, не находишь, магистр?

Вайн решил вмешаться и в довольно грубой манере спросил:

— Вы дадите нам пройти?

Трактирщик вздохнул, и, оглядев ещё раз всех пятерых, промолвил:

— Следуйте за мной.

Компания направилась за стойку вниз по лестнице, в подвальные помещения. Дьюк мельком взглянул на обшарпанные стены, старые двери комнат, скрипучие доски. Здание стоит ещё со времен, когда Божко служил у Норберта Рокстерли. До смерти императора трактир процветал и богател. Возможно, отчасти благодаря деньгам из государственной казны.

Пройдя небольшую кухню, компания очутилась в подвале. От холодного каменного пола ощущалась сырость, в углах расставлены заржавевшие ловушки для грызунов, под светом факелов на деревянных полках аккуратно хранились продукты. В конце помещения

виднелась мощная дубовая дверь с решетчатым окном. За такой впору было держать дорогие ценности.

Божко, чуть покопавшись, снял с шеи ключ и открыл. Дверь отворилась медленно, со скрипом, а внутри стояла настолько кромешная тьма, что Дьюк не смог ничего разглядеть. Старики вошли первыми, Дьюк, Камилла и Вайн — сразу за ними, по одному.

— Темные дела там творятся нынче, да? — спросил напоследок трактирщик у Божко.

— Да. Темные.

— Ну, удачи вам. Надеюсь, больше не встретимся.

Трактирщик вздохнул напоследок, обернулся, убедиться, что никто за ними не наблюдает и закрыл дверь.

Божко достал огниво, и зажег факел, озарив комнату ярким светом. Это было маленькое помещение с сундуком, пыльным ковриком на полу и несколькими небольшими полками с корзинами, накрытыми тряпками. Из сундука Божко достал ещё пару факелов. А затем повернул ключ в замке.

— И что теперь? — спросила Камилла.

Божко отдал свой факел, а сам жестом попросил всех подвинуться и откинул ковер. Дьюк разглядел деревянный люк. Под ним оказалась каменная лестница, ведущая вниз. Старик молча забрал свой факел и первым осторожно спустился вниз, жестом позвав за собой остальных. Камилла неуверенно посмотрела на Дьюка. Идти туда ей не очень-то и хотелось.

А вот Велимир решительно шагнул следом, с любопытством озираясь по сторонам.

— Надо будет Дориану эту таверну показать, — усмехнулся он.

Дьюк спустился в темное помещение и осмотрелся, услышав, как Вайн, спускавшимся последним, с грохотом закрыл за собой люк. Перед глазами предстал огромный тоннель из камня, а где-то за стенами непрерывным потоком текла вода. Сырость ощущалась ещё больше.

Старик вел прямо. Света факелов не хватало, чтобы увидеть, что там впереди и Дьюку казалось, что они движутся прямиком в бездну. В узком помещении он чувствовал себя некомфортно. Некоторое время все шли молча, пока Божко, устав от гнетущей тишины, решил заговорить и голос эхом разнесся по тоннелю:

— Эти подземные коммуникации настоящее технологическое произведение искусства, между прочим.

— Где-то рядом вода?

— Да. Она течет из подземных источников и попадает в трубы замка. Это целая сложная система водоснабжения. Её проектировал тот же человек, что строил дворец для правящей династии Палеонесса.

Никто не ответил, да и добавить было особо нечего. Дьюк про себя лишний раз удивился. Он вместе с Камиллой и Божко тайными путями проникает в замок бывшего императора Гальрада, чтобы свергнуть с престола узурпатора. Если бы пару лет назад кто-то сказал такое, он рассмеялся бы ему в лицо. И если бы кто-то сказал, что он один из тех, кто ведет свой род от самого Святого Маледона, тоже.

— Так какой план? — спросила Камилла.

Велимир ответил за всех:

— Простой. Тихо заходим, никого не трогаем, доходим до кабинета Грейнора, Дьюк его убивает. И все.

Дьюк заметил, как Камилла украдкой глянула на него.

— Я справлюсь, — успокоил он. — Не переживай.

По мере продвижения всё дальше вперед, казалось, что ничего не меняется. Каменные стены всё так же оставались перед глазами. Пахло сыростью. Камилла прижалась к Дьюку чуть ближе, услышав слабый писк. В углу возле стены ютились несколько крыс. Мама рассказывала, что укусы мохнатых могут быть опасны из-за риска подцепить неизлечимую болезнь, например сальфитовую лихорадку. Впрочем, Дьюку, которого болезни с детства обходили стороной, это не грозило.

— Может тебя стоило оставить с Амелией? — спросил Дьюк, наблюдая, как Камилла сильнее прижимается и с опаской смотрит на крыс. — Раз так боишься.

— Ничего я не боюсь, ясно? — огрызнулась она. — Просто ненавижу крыс, вот и всё. И вообще, долго нам ещё идти?

Велимир поднял голову.

— Замок уже над нами. И в нём полно людей.

Дьюк про себя удивился. Велимир, совершенно не напрягаясь, прямо на ходу почувствовал обитателей замка, находившимся над ними сквозь толщину камней и земли. Даже Божко требовалось немного времени на концентрацию. Дьюк не знал, что так вообще возможно. И мысленно обругал себя, что в какой-то момент бросил тренировки дара блуждающего, хотя Божко настаивал продолжать.

— Да, вы и вправду лучший в Гальраде? — изумился Божко.

— Повезло с учителями, — Велимир пожал плечами. — Приглашали специально из Палеонесса.

Вдалеке каменная площадка расширялась, и вода уходила куда-то вниз, а впереди виднелся большой металлический люк, ведущий наверх. Каменный тоннель разветвлялся.

— Нам не сюда, — скомандовал Божко. — Дальше.

Вход в замок был не единственным, и по мере продвижения появлялось все больше и больше поворотов. Божко то и дело останавливался, вспоминая, куда именно идти. Шёл то медленнее, то быстрее, будто сомневаясь. Остальные неспешно шагали следом, стараясь не отвлекать.

— Вы здесь много раз бывали? — поинтересовался Велимир.

— Пару раз, но память у меня отменная, — успокоил Божко. — Норберт рассказывал, как ещё юношей ходил по этим местам в тот самый трактир втайне от родителей. Встречался там с одной деревенской девушкой. А женился в итоге на Оливии.

— А где теперь та девушка? — спросила Камилла.

— Не знаю, — Божко остановился. — Всё, пришли.

Глава 29. Ночь в Гальраде

Велимир убедился, что поблизости никого нет, а гости мирно спят в своих комнатах. Факелы пришлось затушить. Тихо открыв люк, все по очереди вылезли наверх. Дьюк, уже привыкший к полумраку, попытался сообразить, где находится. Но в этом помещении ему бывать не приходилось. Довольно маленькая кладовая казалась настолько заброшенной, будто никто не заходил в неё много лет. Полная грязи и пыли, она служила местом для ненужного уборочного инвентаря, аккуратно сложенного в углу комнаты. Божко закрыл деревянный люк и накинул небольшой пыльный ковер, лежащий рядом.

Они открыли дверь и оказались в коридорах первого этажа, прямо рядом с лестницей. В замке было тихо. Велимир кивнул, подавая знак, что впереди никого нет, а Вайн прошептал:

— А вдруг он не там? Он же может быть в покоях императора?

— В донжоне? — уточнил Божко. — Нет. Амелия сказала, что скорее всего, эта тварь здесь, в своей спальне, которая в конце восточного крыла. После смерти Оливии в башню императорской семьи, как выяснилось, никто так и не заходил. Оливия приказала закрыть башню и никого туда не пускать.

Тихо продвигаясь, они добрались до комнат второго этажа. Дьюк знал, что им нужно в восточное крыло замка, в самый конец, где находились комнаты советников и приближенных лорда. В этом крыле гостей не было, а большинство стражников были на внешних стенах и башнях.

Идя по коридору, он услышал несколько голосов из приоткрытой двери. Кто говорил, видно не было, но голос показался знакомым. Компания тихо прошла мимо, приближаясь к повороту.

— Идут двое человек, — шепотом сказал Велимир. — Наверное, стражники, уже совсем близко.

Дьюк замер на месте. Они оказались посреди длинного коридора. Он-то в глубине души понадеялся, что никто не встретится на пути. А тут как назло! Велимир быстро дернул за ручку ближайшей двери, которая, к счастью, оказалась открытой. И заскочил внутрь какого-то помещения. Остальных упрашивать не пришлось. Без шума и толкотни все по очереди кинулись туда. Но Камилле, оказавшись последней, повезло меньше. Она просто не решилась зайти вслед за остальными, поняв, что её вот-вот заметят.

Стражники остановились. И Дьюк услышал, как один из них удивленно спросил:

— Госпожа, что вы здесь делаете в такой поздний час?

Божко и Вайн переглянулись. Да, за то время, что Камилла находилась в Браго, почти каждый стражник знал воспитательницу будущей императрицы в лицо. И видимо, капитан Малеонского ордена, решив, что её убили, попросту не давал никому команды бить тревогу в случае подобной встречи. Возможно, он даже не удосужился удостовериться, вернулись ли его люди из леса.

— У меня срочное дело к управителю, — спокойно ответила воспитательница. — Забыла, где его кабинет.

— Дальше по коридору, миледи, — деловито ответил второй стражник. — Но сейчас лорд Грейнор отдыхает. Не стоит тревожить его так поздно. Думаю, вы можете обратиться к одному из приближенных, если дело и правда неотложное.

Некоторое время Камилла размышляла, что сказать, а заодно захлопнула дверь, в

которую якобы хотела зайти в поисках лорда.

— Миледи, вы ранены, — заметил один из стражников. — Позвольте уточнить, что случилось? Почему ваша одежда испачкана и на руке кровь? На вас напал кто-то из гостей? Тогда думаю...

Дьюк услышал её голос с неподдельными нотками раздражения:

— Думать — это не ваша работа. Ваша работа — заботиться о безопасности. И как вы видите, здесь не безопасно.

— И всё же я полагаю, вам стоит вернуться в покои и подождать, — стражник был неумолим. — Если позволите, я прикажу вызвать лекаря из города, он быстро прибудет и осмотрит вас.

Немного подумав, Камилла решила:

— Хорошо, но тогда проводите меня! Одной ходить по этим темным коридорам ужасно страшно.

Дьюк услышал, как Камилла вместе с двумя стражниками пошла обратно к лестнице. И некоторое время прислушивался к удаляющимся шагам. Все-таки резко вышибать дверь и нападать из-за спины — идея очень рискованная. На любой шум могли сбежаться люди.

— Вот идиоты, — не выдержав, тихо прокомментировал Вайн.

Убедившись, что опасность миновала, они вышли обратно. Велимир взглянул в сторону, куда стражники пошли провожать воспитательницу. И явно забеспокоился.

— Думаю, стоит за ней присмотреть.

Он собрался отправиться следом за ней, но Божко остановил:

— Лучше я. В покоях управителя от меня толку будет меньше. Не переживайте, я не потеряю их из виду, — уверил он и обратился к Дьюку. — А ты давай не подведи, понял? Увидимся.

Божко тихо поспешил догнать Камиллу. Велимир посмотрел ему в след и вздохнул. Но Дьюк верил, что с ней ничего не случится. Божко всегда умел справиться с любой проблемой. Всегда находил выход.

— Нам нужно спешить, — поторопил Велимир. — Идем!

Пройдя ещё несколько поворотов, они добрались до поворота, за которым находился кабинет управителя. Велимир почувствовал двух стражников возле дверей. Иного ожидать и не приходилось. Покои управителя располагались в самом конце крыла, и между стражниками и компанией все ещё было приличное расстояние. Дьюк хорошо помнил это, когда был здесь последний раз. А Лжегрейнор, почуввав опасность после попытки отравления, естественно приказал усилить охрану и теперь наверняка спокойно спит. Если нирту вообще спят.

— Что делать-то будем? — шепотом спросил Вайн. — Вдруг управителя там вообще нет?

— Он там, — уверенно ответил Велимир. — За этими дверьми кто-то есть. Я чувствую.

— Кто? — спросил Дьюк.

Но старик пожал плечами.

— Чтобы распознать конкретного человека, я должен хотя бы раз в жизни встретиться с ним лицом к лицу. А управителя я ни разу не видел.

Дьюк решил попробовать самостоятельно. Это всегда давалось нелегко. Он не особо любил использовать дар блуждающего, который отнимал силы. В этот раз, отстранившись от ощущений внешнего мира, он едва смог различить две недвижимые фигуры людей, стоящие

в бесконечной темной пустоте. И больше ничего. Попытка раз дотянуться рукой до заветной цели не увенчалась успехом. Нирту слишком далеко.

Велимир мягко толкнул в бок, отчего Дьюк сразу вернулся обратно в реальность.

— Зачем так напрягаться? — усмехнулся он.

— По-другому не умею, — пояснил Дьюк. — Мне бы поближе подойти.

— А, может, я тоже сойду за гостя замка? — предложил Вайн. — Подманю их и быстренько с ними расправимся?

Велимир брезгливо оглядел его с головы до ног.

— Не думаю. Камиллу они знали. Дьюк сбежал с Амелией, так что их наверняка разыскивают. Мы можем попробовать привлечь внимание отсюда?

— Плохая идея, — решил Дьюк.

— Ладно, — решился Велимир. — Мы теряем время. Я попробую выйти и спровоцировать. Конечно, меня трудно принять за гостя, но думаю, в темноте не будет очень видно. Как услышите, что они подходят ближе, атакуйте.

Прежде чем Дьюк и Вайн успели возразить, Велимир как ни в чем не бывало зашел за угол, будто бы забрел в этот коридор случайно. Некоторое время были слышны лишь его неспешные шаги. Стражники не реагировали на возникшего из ниоткуда человека и не покидали свой пост. Ждали, что сам развернется и уйдет, поняв, что зашел не туда.

Затем зазвучала несвязная речь старика. Видимо он решил притвориться пьяным, и двигался хаотично.

— Вы не подскажете, чей... эээ это кабинет?

Мастерству Велимира стоило позавидовать. Дьюк на слух сразу же принял его за изрядно выпившего. Но судя по отсутствию звуков, стражники не шевелились и молчали. А потом один из них решил ответить:

— Здесь покои лорда Грейнора.

Тон стражника звучал сдержанно и в меру тихо. Он явно не хотел никого разбудить.

— Да? — притворно удивился Велимир. — А может, вы меня тогда проводите?

Ответа не последовало. И старик уже просто не сдержался. Сделал ещё пару шагов дальше и сам себе ответил своим обычным тоном:

— Ну, как хотите.

Послышался звон обнажающегося клинка. Дьюк с Вайном не сговариваясь, выбежали на помощь.

Но она не требовалась. Велимир быстро атаковал одного стражника, сразу убив на месте, без каких либо шансов. Второму, успевшему только обнажить поясной кинжал, отрубил половину руки. Прежде чем, принять смерть, несчастный закричал и отшатнулся назад, вжавшись в стену. Вторым ударом Велимир воткнул лезвие в горло, и провернул, заставив стражника замолкнуть навсегда.

Некоторое время Дьюк был не в силах пошевелиться от увиденной картины жестокой расправы.

— Что-то вы долго, — резко сказал Велимир.

Дьюк обернулся. Где-то далеко из конца коридора слышались быстрые шаги. Крики умирающего стражника, несомненно, привлекли чье-то внимание. Велимир заставил сосредоточиться на деле:

— Иди, парень! Мы их задержим.

Дьюк встал возле дверей управителя и схватился за ручку. А Велимир и Вайн

приготовились встречать незваных гостей, прикрывая спину. Последний шаг отделял от победы. Осталось просто открыть дверь. И свершить судьбу Гальрада.

Глава 30. Вера в справедливость

Идя по знакомому коридору, Камилла обратила внимание на слегка приоткрытую дверь. За ней все так же были слышны голоса. Два человека оживленно что-то обсуждали, стараясь говорить в полтона.

— Дальше я сама, — распорядилась воспитательница, делая вид, что собирается идти к лестнице на первый этаж.

Стражники и не думали возражать. Покидать этаж во время караула было не положено.

— Доброй ночи, — кивнул старший.

Они неспешно двинулись обратно в темноту коридоров. Проводив их взглядом до поворота, Камилла, мысленно попросила судьбу о защите Дьюка от напастей. Затем аккуратно подошла ближе к двери и прислушалась. Один из голосов без сомнения был ей знаком:

— ...до рассвета, чтобы девка была уже у меня. Отправь в лес ещё один отряд.

— Будет сделано, капитан.

Закончив разговор, собеседник направился на выход. Камилла услышала шаги, а рука тем временем сама потянулась к оружию. Глифовый меч выскользнул из ножен тихо и мягко, без единого звука. В руках ощутилась привычная тяжесть металла и легкость идеально сбалансированного клинка.

Затаив дыхание и внимательно прислушавшись, Камилла дождалась, пока враг подойдет максимально близко. Затем, резко открыла дверь, и вонзила лезвие прямо в лицо ничего не подозревающему воину. Экипировка Малеонского ордена говорила, что перед ней один из стражников. Она не успела толком разглядеть, кто именно. Просто отпихнув в сторону тело, Камилла влетела в комнату, и мгновенно сориентировавшись.

Капитан Ририх стоял возле стола спиной к выходу и обернулся лишь, когда услышал шум нападения. Несколько мгновений хватило, чтобы преодолеть небольшое пространство комнаты и нанести колющий удар. Она подобралась даже слишком близко, и меч вошел в предплечье левой руки на удивление легко. Ририх от неожиданности закричал, а затем здоровой рукой отпихнул её с такой силой, что Камилла чуть было, не потеряла равновесие. И не дожидаясь следующей атаки, обнажил меч.

— Ты здесь одна?

Ририх с опаской глянул на открытую дверь, затем на мертвого подчиненного. Этот уверенный в себе молодой капитан был сбит с толку. Та, кого он фактически приказал отправить в могилу, сейчас стояла перед ним.

— Меня одной хватит.

Камилла атаковала быстро. Но Ририх успел отойти на достаточное расстояние, чтобы парировать несколько выпадов. Она боялась подбираться близко, совершить ошибку. Такое поначалу часто происходило на тренировках с Велимиром. Потеряв контроль над эмоциями, чересчур увлечшись процессом, он ловил её на мелких ошибках.

Камилла отчетливо увидела расплзающиеся пятна крови, проступающие на рубахе противника. Капитан хоть и был ранен, но не обращал на это внимания.

— А ты умеешь удивить, — похвалил Ририх, воспользовавшись передышкой. — Я отправил почти всех своих людей, чтобы найти тебя и сбежавшую девчонку Норберта. Она не уйдет далеко, её найдут и будут пытаться, поняла? А ты умрешь прямо здесь.

Ририх говорил надменно. Словно ситуация была полностью под его контролем. Такая самоуверенность Камиллу раздражала и пугала одновременно. Она почувствовала, как кисти рук едва заметно задрожали. Захотелось напомнить себе, что это не первая битва насмерть против опытного противника. На его месте она была бы взволнована. Все же раненому трудно вести бой. И если капитан говорил правду и отправил людей в лес, значит замок почти не охраняется. И Дьюк сможет добраться до управителя.

Ририх резко атаковал, держа дистанцию и пытаясь достать колющими ударами. Камилла отпрыгнула назад, одновременно отбиваясь. Комната казалась маленькой и неудобной. Скрежет лезвий не прекращался, звонко отзываясь в ушах.

Наконец, прекратив атаковать, Ририх схватился за левое предплечье и глухо застонал. Ему все-таки было больно.

— Тебе придется за это ответить, — злобно предупредил он.

— А тебе ответить за все свои убийства.

Сделал несколько выпадов, он сократил расстояние и совершил ещё несколько атак. А затем внезапно дернулся вперед, и она почувствовала резкую боль в боку. Все происходило очень быстро. Он задел тело лезвием меча, к счастью, не сильно. Камилла ударила в ответ, угодив мечом прямо в живот капитану, отчего тот отскочил назад, схватившись за рану.

Силы покидали врага. Как хотелось сейчас крикнуть Дориану в лицо: «Смотри, я выучила урок. Нападай первым, бей насмерть!» Камилла знала, каково это, хвататься за любую возможность, когда речь идет о выживании. Вот только что-то сломалось внутри неё именно в этот момент. Что-то что уже не исправить. Наверное, детская вера в справедливость. И это случилось, ни когда она молчала, оказавшись в плену, ни когда убивала контрабандиста из ордена Нефритовой зари, а сейчас. В момент, когда желание убивать пересилило все остальное.

Ририх вдруг засмеялся, будто услышал её мысли. И это был самый зловещий смех, который она встречала в своей жизни. И самый безумный.

— Что смешного? — спросила она.

— Ты же просто воспитательница.

Из последних сил Ририх резко приблизился. Камилла приготовилась защищаться. Одним быстрым движением он сильно ударил наотмашь. Отбив удар, она потеряла равновесие, налетев спиной на стену и выронив меч. Капитан воспользовался выигранными мгновениями, и угрожая лезвием, прижал её к стене.

— Просто долбаная воспитательница! — прошипел он.

Камилла не хотела сдаваться. Только не так. Но до меча было уже не дотянуться.

Ририх замахнулся для удара и Камилла инстинктивно закрылась руками, но боковым зрением она увидела, как в комнату ворвался человек. Ририх успел только повернуться и понять, что они уже не одни. Один точный взмах меча и брызги вражеской крови полетели Камилле прямо в лицо, отчего она зажмурилась и услышала грузное падение тела. А когда открыла глаза, Ририх лежал на полу. Голова почти отделилась от тела, жутким образом оставшись свисать на кусках кожи.

Рядом стоял Божко и тяжело дышал.

Камилла больше не могла держаться на ногах. Дрожь накрыла все тело.

— Ты как? — тихо спросил Божко.

— В порядке.

Собственный голос показался каким-то чужим, дрожащим. Она схватилась за рану,

наконец, почувствовав боль. Затем вытерла рукам лицо и осознала, что все закончилось.

Дьюк вошел в комнату управителя, оставив соратников позади. Его встретила темнота и пугающая тишина. Грейнор должен был уже проснуться от криков снаружи, но мог все ещё остаться в соседней комнате. И только Дьюк собрался туда, как услышал звуки шагов. А затем из комнаты выскочил мужчина с зажжённым факелом в руках. Это был управитель.

Боясь упустить время, Дьюк собрался с силами и кинулся на врага. Несколько быстрых шагов хватило, чтобы сблизиться, но Грейнор ловко отмахнулся факелом и попал Дьюку прямо по лицу, отчего тот потерял равновесие и отлетел на пол. Меч, выскользнувший из руки, засветился ярким светом и тут же потух, оставшись лежать где-то в темноте.

Грейнор перехватил факел и обнажил кинжал на поясе, а затем напал так быстро, что Дьюк не успел среагировать. Казалось, враг двигался с нечеловеческой скоростью, целясь лезвием кинжала прямо в лицо. Но, удар не достиг цели. Грейнор резко остановился и замер, не шевелясь ни на дюйм. За дверью в одно мгновение стихли звуки битвы.

Дьюк быстро поднялся на ноги, высматривая на полу глифовый меч, без которого ощущал себя беспомощным. Мёртвая тишина вокруг охватила огромный замок. Не только Грейнор, но и всё вокруг замерло. Даже пламя факела в его руке. Не было никаких сомнений в том, что само время остановилось.

— Твои друзья погибли, если ты умрешь сейчас.

Голос казался каким-то, отстраненным, далёким, хотя его обладатель находился совсем рядом — сидел на кровати, держа в руках глифовый меч. Лицо незнакомца, облачённого в длинный тёмный плащ, скрывал капюшон. Дьюку стало не по себе. Грейнор не шевелился и стоял, словно живая статуя. Всё вокруг застыло и только Дьюк и таинственный незнакомец остались вне времени. Взяв себя в руки, он спросил:

— Кто ты такой?

Незнакомец не спешил отвечать. Лишь вертел в руках меч, держа его на ладонях.

— Эти твари в человеческом облике, созданные на изломе времени, нарушают естественное течение жизни, — ответил он. — Ты уже убил двоих. Возьми оружие и бейся.

Меч выпал из рук неизвестного и со звоном упал на пол. В одно мгновение мир продолжил двигаться в течении времени. Грейнор завершил удар, подавшись вперёд, но там уже никого не было. Не теряя времени, Дьюк поднял глифовый меч. У него появился единственный шанс, пока управитель не понял, что происходит. Дьюк в прыжке сблизился с врагом и пырнул его прямо в живот. Грейнор схватился за рану, а следующий удар по горлу стал для него смертельным.

Как раз в тот момент, когда Дьюк добил врага дверь громко распахнулась, и Велимир с Вайном отступили назад, сражаясь с несколькими противниками сразу. Не сдержав проход, они отступили к Дьюку и несколько стражников ворвались в покои. Но самого управителя там уже не было. На полу лежало мертвое человекоподобное существо, одетое в одежды лорда Грейнора.

Увидев тело существа, стражники застыли, пытаясь понять, что именно предстало перед ними.

— Вот, кого вы защищаете, — крикнул Вайн. — Это не ваш управитель!

Стражники стояли и молчали, не понимая, что именно они видят. И никто уже не хотел сражаться. Дьюк взглянул на кровать, где сидел незнакомец, но там уже никого не было. Он появился из ниоткуда и ушёл в никуда.

Глава 31. Гальрадский ястреб

Подъём давался Камилле тяжело. Тело все ещё болело после битвы и не желало двигаться быстро. Амелия шла впереди, поднимаясь по широкой винтовой лестнице башни донжона. Её тень то и дело скользила по стене, отраженная светом восходящего солнца. Ну, кто придумал, что покои лорда должны располагаться на самом верху? Камилла преодолела несколько этажей, проходя мимо небольшой оружейной, хранилища продовольствий и маленького зала для приемов.

Эта ночь всем далась тяжело. Отряды Малеонского ордена нашли Дориана. Община выстояла, хоть и силы были не равны. Слава Малеону, Амелия не пострадала. Её защищали, окружив кольцом и бились на смерть. Многого ребят, с которыми Камилле посчастливилось прожить три года в общине, погибли.

Амелия торопилась. Она не была здесь со дня смерти матери и башню закрыли до появления старшего из рода Рокстерли, который, так и не почтил её своим присутствием. Она не стала дожидаться воспитательницу и со скрипом отварила дверь, входя в просторное темное помещение.

Камилла вошла следом и привыкнув к полумраку, увидела самый уютный уголок во всем мире. Из прихожей вглубь башни вел проход в спальню и в кабинет. На полу лежали шкуры животных, на стенах большие картины. Комната обставлена очень богато и со вкусом.

— Тебе здесь понравится, — пообещала Амелия.

— Да, я уже в восторге.

Пережитая ночь принесла много боли и усталости. Хотелось просто лечь и отдохнуть. Не дожидаясь воспитательницу, Амелия медленно открыла дверь в кабинет отца, намереваясь войти. И как только это случилось, Камилла отчетливо услышала знакомый мужской голос из соседней комнаты:

— Я тоже в полном восторге.

Камилла вошла в просторную комнату и увидела, как возле камина на креслах расположились Дьюк и Дориан. Они и пили вино из деревянных кружек.

— Что вы здесь делаете? — изумилась вошедшая Амелия.

Дориан пожал плечами, как ни в чем не бывало:

— Отдыхаем.

— Нет, я имела в виду, как вы сюда попали?

Дьюк поднял руку, и Камилла увидела небольшой красивый мешочек с изображенным на нём ястребом, расправившим крылья.

— Печать Рокстерли! — удивилась Амелия.

— Да. Теперь я здесь главный, — Дьюк слегка улыбнулся. — Шучу. Лови.

Он подкинул печать Амелии и та довольно ловко поймала. Некоторое время она смотрела на мешочек, борясь с желанием открыть. Видимо, отец никогда не давал ей в руки фамильную драгоценность.

— Что ж, Дьюк Альбер, регент центральной провинции Гальрада, звучит неплохо, — не удержалась Камилла.

Дьюк жестом пригласил присоединиться, но возле камина стояло только два кресла. Остались бы они сейчас вдвоем... впрочем, впереди ещё полно времени. Дней и ночей.

Дориан тяжело вздохнул. Амелия все так же стояла, рассматривая мешочек с печатью.

Дьюк сделал глоток вина. Молчание затянулось, и Камилла решила уточнить:

— Ты чего вздыхаешь?

— Ты сказала Альбер? Я уже слышал эту родовую фамилию, — тихо ответил Дориан и посмотрел на Дьюка. — А твоего отца зовут Элиас, да?

Дьюк опешил.

— Вы знаете моего отца?

Но Дориан отрицательно покачал головой.

— Лично — нет. Но благословленная с севера спрашивала о нем. Она его ищет.

— Зачем? — насторожился Дьюк.

— Я не знаю.

— Тогда мы найдем его раньше. И всё выясним.

Тут уже Дориан охотно согласился:

— Выпьем за это.

Камилла встала, подошла к окну, посмотреть, какой вид открывался прямо на внутренний двор замка Браго. Наступило утро, в месте с ним и новый день. Жители столицы уже проснулись и занимались привычными делами.

— Кажется, нам предстоит многое сделать, — задумчиво произнесла она.

Обернувшись, Камилла пыталась взглядом найти Амелию. Но девочки в комнате не было. Она направилась в кабинет отца, наполниться воспоминаниями, которые все ещё хранил семейный очаг рода Рокстерли.

Больше книг на сайте - Knigoed.net